Мэрион Бредли

ФМ

Разрушители Мира
Мэрион Зиммер Брэдли

Аннотация
Мэрион Зиммер Брэдли. Разрушители Мира
Примечание автора
Пролог
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
Эпилог

Аннотация

Некоторым в Земной Империи очень не по душе закрытость Дарковера. Для решения этой проблемы была нанята фирма, специализирующаяся на уничтожение планет. Для спасения своего мира Лорд Регис Хастур из Совета Комина, совета телепатов, предложил собрать телепатов из разных миров в попытке узнать «кто мы есть и почему мы такие». Не дать погибнуть уникальной матрикс-технике и не дать Дарковеру стать одним из многих миров Земной Империи.

Мэрион Зиммер Брэдли
Разрушители Мира

Энн Мак Кеффри
Джуаните Коулстон
Урсуле Ле Гуин и Рэнделл Гаррет.

Примечание автора

Каждый процесс развития имеет один фактор. Земная Империя, как и каждое нормальное человеческое предприятие, распространялась в геометрической, а не в линейной прогрессии. Она началась с пары изолированных планетных систем, планеты которых, в свою очередь, развиваясь, основывали новые колонии. Потом все это начало беспрепятственно разрастаться. Один из независимых ученых, проделав расчет на несколько тысячелетий, сравнил человека с водяным гиацинтом, который распространился по всей Земле еще задолго до начала космических путешествий: сначала отдельными очагами, как некая редкость, потом начал быстро распространяться и, наконец, заполнил все, угрожая поглотить и выжить все и вся.

Такой же фактор возник и при распространении Земной Империи на другие планеты. Сначала маленькие научные и исследовательские форпосты, потом колония, торговый город…

Дарковер, одиноко существующий на краю Галактики и вращающийся вокруг тусклого солнца,

которое значилось только в самых подробных Звездных Каталогах, уже в течение ста лет находился в начальной фазе.

А теперь — защитите Дарковер! Потому что идут Разрушители Миров!

М.З.Б.

Пролог

«Общество по уничтожению планет». Конечно, это не было названием фирмы. Но именно об этом шла речь и это было ясно людям, которые на своем пути в изолированный пентхауз переходили из одного лифта в другой.

Их было двое, один высокий, другой низенький и у обоих были лица того типа, которые тотчас же забываешь, большая удача для полицейских, детективов и тайных агентов.

Чудеса косметической хирургии обычно служили для того, чтобы сделать человека более привлекательным. Однако, внимательный наблюдатель мог предположить, что на этот раз это искусство было использовано для того, чтобы удалить с обоих этих лиц все следы индивидуальности. Это было сделано искусно и увенчалось полным успехом. Они были частью толпы, любой толпы, и одно это уже было триумфом. Потому что они не были ни блондинами, ни брюнетами, кожа их была ни белой, ни черной. Они одновременно относились и к африканскому, и к нордическому типу, но их нельзя было одно-

значно отнести к какой-нибудь расе, потому что это бросалось бы в глаза. Если бы в это время на Земле существовали массам или пигмеи, среди них они были бы нетипичны. Однако, во время такого смешения рас, в котором все особые отличительные признаки давно уже исчезли, они вообще ничем не отличались.

Они вошли в последний лифт. Один из мужчин, который пользовался фамилией Стеннард и переменил так много фамилий, что свою настоящую вспоминал не чаще двух раз в год, подумал: — «Разрушители планет». Он был почти везде и на каждой планете, на которую его посылали, почти все уже было сделано. Но с такими он еще никогда не встречался.

Каждый в Империи знал об их делах. Большинство слышало об их подпольной активности и только изредка вспоминало об этом, если их собственные дела оказывались с мощным потоком событий, происходящих на планете. То один, то другой мог иногда спросить, как уничтожаются планеты и зачем вообще уничтожают тот или иной мир. Это звучало несколько комично, как в драме трехмерки.

Но для людей, которые действительно имели дело с разрушителями планет — как я, думал

Стеннард — это было совсем не смешно.

Но это было так же и не трагично.

Это был только бизнес.

Почему они допустили, чтобы их фирма была известна именно под этим названием?

Он запретил себе любопытствовать — за это ему не платили. Лифт замедлил скорость и остановился. Повсюду висели тяжелые позолоченные портьеры. У столика в прихожей их остановила девушка, почти такая же неприметная как Стеннард и его спутник, проверила их пропуска и пропустила через металлическую дверь в маленькую скромную комнату. Стеннард совсем не так представлял себе помещение организации, занимавшейся этим полулегальным бизнесом, он не рассчитывал увидеть здесь нечто вроде экспедиторского бюро с таким простейшим компьютером, выдающим и обрабатывающим поступающую информацию. Он также совершенно не рассчитывал на то, что главой этого весьма смелого бизнеса может быть женщина.

Женщина была молода и красива. По крайней мере, казалась молодой, поправился Стеннард, таково было его первое впечатление. Он не увидел ни одного признака косметического вмешательства, но он был обучен обнаруживать это

и попытался понять. Но некоторая напряженность кожи вокруг глаз женщины несколько нарушала невинность ее светлого, гладкого лица и лишенной морщин шеи, показывая, что все это ложь. Ее голос был глубок и приятен.

— Мистер Стеннард, мистер Брас, пожалуйста, садитесь. Как вы вероятно знаете, ваше начальство уже говорило со мной и согласилось с оплатой, которую мы потребовали, прежде чем заключить соглашение. Меня зовут Андреа Клосс-сон и я уполномочена вести с вами переговоры.

Мужчины сели, и женщина продолжала тем же тихим бесстрастным голосом: — В этом пункте я готова дать вам гарантии. Как много вам известно об этом деле с Дарковером?

Стеннард ответил:

— Ровно столько, сколько нам нужно для этого обсуждения, это же ясно.

— Ну, хорошо. Вам, конечно, известно, что все это нелегально. В результате разных договоров, которые заключила Земная Империя, каждая планета, относящаяся к классу Д, а именно к этому классу относится Дарковер… — она бросила быстрый взгляд на крышку своего письменного стола, по которой пробегал бледный компьютерный текст, предназначенный для

человека, владеющего скорочтением, — … постройка большого космического корабля типа Б для межзвездных перелетов, разрешение, набор персонала для космопорта, отдел исследования и картографии, взаимная медицинская помощь, строго ограниченная зона торговли без инфильтрации в эту область туземцев и все такое прочее. Космопорт Тендары на Дарковере используется в течение…она снова взглянула на крышку стола, — … семидесяти восьми дарковерских лет, а каждый этот год состоит из трехсот восьмидесяти девяти дней. Торгуют мелким медицинским оборудованием, инструментами из стали и тому подобными артефактами класса Д. Заключение соглашения класса Д запрещает фабрики, горные разработки, наземный транспорт и постоянный экспорт и импорт товаров и другую производственную и коммерческую деятельность. С тех пор как была открыта эта планета, все старания заключить с правительством Дарковера соглашение о колонизации и индустриализации были тщетны. Верно?

— Не тщетны, — уточнил Стеннард. — Они просто игнорировались.

Андреа Клоссон пожала плечами и покончила с этим.

— Во всяком случае, вы не достигли никакого успеха. Поэтому вы и наняли нас.

— Уничтожение планет, — сказал Брас. — Это были первые слова, которые он произнес.

— Мы предпочитаем называть себя Обществом Планетных Вкладов, равнодушно объяснила Андреа. — Хотя в тех случаях, когда нам приходится использовать тайных агентов, мы не можем действовать открыто. Короче, если планета противится эксплуатации, — извините, я должна была сказать, против выгодных вкладов… — на лице женщины больше не было и следа иронии, — … наши агенты даюх се экономике… ну, маленький толчок, который сделает для нее желательным привлечение вкладчиков со стороны.

— Иначе говоря, — вмешался Стеннард, — они отравляют ее экономику так, что для туземцев не остается ничего другого, как только просить Земную Империю подобрать остатки?

— Жестко сказано, но в сущности, верно. А затем мы говорим инвеститорам, что они долгое время будут получать доходы с этой планеты. Я не спрашиваю о том, кто будет получать доход. Это не мое дело.

— Это наше дело, — сказал Стеннард. — Можно

ли это сделать в случае с Дарковером? И как быстро? И в каких размерах?

Андреа ответила не сразу, она нажала кнопку на считывающем устройстве, внезапно она, казалось, нашла то, что нужно. Это привлекло ее внимание, потому что выражение ее глаз — таких странных глаз, подумал Стеннард, очень светлых, почти прозрачных, чуть сероватых, цвета — которого он еще никогда не видел — изменилось, и глаза остановились. По мнению Стеннарда она была поражена и испугана.

Она резко спросила: — Вы, господа, когда-нибудь были на Дарковере?

Стеннард покачал головой.

— Я никогда не забирался так далеко от дома.

— А я был, — неожиданно произнес Брас. — Я однажды побывал там, чтобы… ну, это не имеет никакого отношения к делу, — он вздрогнул. — Это планета-ад: я не могу себе представить, зачем кто-то хочет ее открыть. Добровольцам нужно будет давать дополнительную премию. Там холодно, как в космосе, и вдвойне безрадостно. Совершенно непокоренная планета, как написано в одном из справочников. Но если ее немного попортить, она вынесет это.

— Ну, именно для этого мы и существуем, — ве-

село произнесла Андреа и включила считывающее устройство.

— Джентльмены, я хочу сделать вам следующее предложение. За условленную сумму… — она назвала стоимость в милликредитах, курс которых колебался так, что в течение одной недели они могли составить и огромное состояние, и сделать человека нищим — … вы гарантируете, что планета, известная под названием Дарковер, будет переведена в класс Б и открыта для доступа в течение трех стандартных лет Империи. Подготовка для перевода к классу А потребует двадцать лет и не будет выгодной. Ограниченная группа вкладчиков получит разрешение заниматься горными разработками и экспортом продукции. Половина суммы будет переведена на ваш номерной счет на Гельвеции-2, в твердой валюте Титаниума. Остальное будет выплачено в течение одного календарного месяца до того дня, когда этот мир получит доступ класса Б.

— Как вы можете быть уверены, что ваш наниматель выплатит вам остальную сумму? Не потому, что он намерен обмануть вас, но открыть планету и объявить об этом может только Совет Империи. А если это произойдет, наниматели могут инвестировать все это легальным образом

так же, как и любые другие люди…

Андреа улыбнулась и ее улыбка была так похожа на лезвие кинжала, что Стеннард, сначала давший ей лет тридцать, подумал, что в действительности она намного старше.

— Согласно договору, на котором вы должны были расписаться и поставить свои настоящие идентификационные номера и переданному вашему начальству, вы должны соблюдать обязанности и не нарушать обязательства перед Обществом Планетных Вкладов — которое, как вы уже упомянули, широко известно под названием «Разрушители миров». Поэтому сохранение строжайшей тайны абсолютно необходимо.

Они все продумали, подумал Стеннард. Потому что договор на уничтожение планеты всегда был нелегальным, и каждый инвеститор, который, чтобы открыть планету, позволял работать на себя разрушителям миров, никогда больше не осмеливался ступить на эту планету.

— На поверхности планеты наш бизнес совершенно легален, — объяснила Андреа. — Они используют нашу службу для вербовки и связи с населением. Большинство наших агентов, тех, которых видит каждый, никогда не приближались к Дарковеру ближе, чем на световой год.

Они находятся в Центре Империи и совершенно легальными способами пытаются убедить законодателей в том, что Дарковер нужно сделать открытой планетой класса Б. Пара других делает то же с дарковерскими органами власти.

— А остальные?

Андреа ответила: — Остальные вас не касаются.

Стеннард был того же мнения. Он не хотел даже знать об этом. Он всю жизнь занимался тем, что выполнял задания такого рода для сотен анонимных заказчиков и чувствовал себя уютно, почти комфортабельно, поэтому он ничего не хотел знать.

Андреа подписала бумаги и удостоверила личность заказчика, а также свои полномочия. А потом они ушли. Они навсегда исчезли из жизни Андреа Клоссон и из Истории Дарковера. Они были такими малозаметными личностями, что даже Андреа Клоссон забыла черты их лиц через пять секунд после того, как они покинули ее кабинет.

В ту же минуту она нажала очередную кнопку своего считывающего аппарата, поставив его на «Стоп». Шрифт был нечетким. Но Андреа закрыла глаза и постаралась сосредоточиться.

Высокие горы, хорошо знакомые силуэты на фоне яркокрасного неба и опускающееся солнце, кроваво-красный диск солнца. Только здания Торгового Центра, находящегося у их подножия, подчеркивающие такую знакомую картину гор и солнца, были совершенно новыми.

— Итак, этот мир теперь называется Дарковер.

Тихая музыка звучала в ее мозгу. В первые сто лет она находила невыносимой эту возможность воспоминаний и делала все, что могла, чтобы ограничить ее. И теперь она не могла вспомнить название этой мелодии. Она несколько секунд пыталась заглянуть в прошлое, которое она усилием воли всегда отодвигала подальше.

Усталые холмы…

Да, так называлась эта мелодия. Перед ней снова встали такие невыносимо яркие картины. Девочка в короткой желтой тунике играет на флейте. Потом ее рот кривится, а глаза широко открываются.

Девочка, горько, говорит она себе, я никогда не была девочкой. Я была… нет, я решила больше не думать об этом, кем я была. Я здесь, и с тех пор я женщина — Эванда и Аварра! Как давно? Мне делается нехорошо, когда я думаю о том, как долго я уже нахожусь здесь.

Но воспоминания остались, и ее мысли текли в этом направлении. Она никак не могла остановить их. Наконец она поддалась своей слабости, потому что только так можно было с этим справиться. Она нажала на кнопку и пододвинула к себе микрофон. Затем она начала тихо говорить: — Подготовьте для меня на автоматически уничтожающуюся ленту все, что известно о четвертой планете звезды Коттмана, называемой Дарковер, закрытом мире класса Д. Я сама берусь за это дело.

Голос на другом конце канала связи был обучен ни при каких обстоятельствах не выдавать своего удивления. Но, несмотря на это, Андреа все же услышала в нем отдельные нотки удивления.

— Лично вы? Под каким видом?

Она ненадолго задумалась.

— Я буду путешествовать под видом женщины — торговца животными, которая намеревается легальным путем перевезти несколько экземпляров пушных зверьков из своего родного мира на другие планеты, где они должны поселиться и размножиться, — наконец ответила она. Она была так долго на стольких планетах. Она понимала и любила животных, и они никогда не боялись ее, даже ее всепроникающих мыслей.

Лента была прочитана, стерта и выброшена. Она запаковала вещи и была готова в самом ближайшем времени взойти на борт космического корабля для невероятно длинного трансгалактического перелета, после которого она прибудет на маленькую планетку на краю Ничто, называемую Дарковером. Тут ее охватил страх. В извилинах ее мозга, который она использовала только частично с тех пор как стала жить-среди людей, пробудилось воспоминание о двух глубоко погребенных столетиях.

Если я теперь, после долгого времени, во время которого я была множеством различных лиц на срок от четырех до девяти месяцев, вступлю под свет кровавого солнца — если только это старое «я» действительно мое настоящее «я», то, чем я была, прежде чем стать Андреа, прежде чем я стала Странницей, Королевой, Космической Путешественницей, Куртизанкой, Деловой Женщиной — если я теперь вернусь к своему старому «я»? Что тогда?

Что тогда? Тогда я, по крайней мере, умру там, где я родилась, подумала она со слабым пессимизмом, закрывая глаза длинными пальцами. Здесь не было никого, кто мог бы заметить, что она в это мгновение выглядела отнюдь не женщиной

и даже не человеком.

Нарзаин — йе куп, подумала она на одном из давно забытых языков. Изгнанный ребенок Желтых Лесов, куда судьба тебя еще не забрасывала. Вернись назад, посмотри, что сделала тяжелая поступь Времени с миром, который твой народ не смог удержать, а потом умри, умри одна, понимая, что не только воспоминания о следах твоего народа остались в крепостях гор Света…

1

Он снова почувствовал позади себя шаги.

Это его насторожило. Это не были шаги и знакомое присутствие его телохранителя Данило. Эти шаги он слышал повсюду, куда бы он ни пошел. Он любил Данило. Он считал этого юношу своим другом и оруженосцем. Поэтому он ничего не сказал ему и ни на секунду не задержался на своем пути. Дани также поддерживал с ним ментальный контакт только тогда, когда Регис желал его общества.

Регис Хастур подумал: я слишком чувствителен, — и постарался ускорить шаги. Вероятно, они ничего с, ним не сделают. Если они проникнут в его сознание, то только для того, чтобы обладатель ног, вызвавших эти шаги, удивился, встретив юного Хастура из Совета Комина в этот час на улице, идущего пешком. Регис уверенно направился дальше. Это был стройный молодой человек лет двадцати с небольшим, отличающийся той физической красотой, которая была характерна для всех Хастуров и Элхалинсов из Комина, и его узкое лицо было таким же

впечатляющим, даже несмотря на то, что его коротко подстриженные, с челкой, волосы, были не огненно-рыжими, как у всех в Комине, а снежно-белыми.

Если бы Дани настоял на своем, я никогда бы не ушел без вооруженного эскорта. Ну что за жизнь!

И все же, к своему большому сожалению, он должен был признать, что это было именно так. Старые времена Дарковера, когда Комин спокойно переносил сражения, восстания и уличные бои, давно прошли. Теперь Регис был в пути, чтобы отдать последние почести человеку его касты, павшему от руки убийцы в свои тридцать семь лет. Эрику Риденову из Серрaиса. Эрик ему по-настоящему никогда не нравился. Но все они должны были умереть. Многие из них уже были мертвы, или находятся в изгнании. Дома Семи Демонов стоят пустыми. Все Альтоны ушли. Вальдир умер около ста лет назад. Кеннард умер на далекой планете, Мариус пал в психическом бою с мощью Шарров, Лев и Мария, его последние дети, находятся в изгнании на одной из чужих планет. Хастуры, Риденовы, Ардаисы сильно сократились в числе, исчезли. Я тоже должен уйти. Но мой народ нужен мне здесь, Хастуру от

Хастуров, чтобы мир не попал окончательно во власть Земной Империи.

Выстрел из бластера бесшумен. Регис не услышал его, только почувствовал жар и обернулся. Послышался крик, нарушивший жуткую тишину. Кто-то выкрикнул его имя.

Данило подбежал к нему, держа в руках готовый к стрельбе бластер. Молодой человек остановился перед ним, опустив оружие.

Упрямо и с трудно скрываемым гневом Данило объяснил:

— Теперь вы, может быть, будете слушать меня, Лорд Регис. Если вы еще раз уйдете без достаточного эскорта, тогда я, клянусь адом Цандру, сложу с себя всякую ответственность. Я откажусь от своей клятвы и отправлюсь в Сырт — если Совет за это не сдерет с меня живьем кожу, потому что я не смог помешать тому, что вас убили у меня на глазах!

Регис чувствовал себя слабым и больным. Лежащие на улице трупы имели при себе не обычное оружие, а парализующие пистолеты, которые превратили бы его в… нет, не в труп, а в существо, ведущее растительный образ жизни. Вес его нервные стволы были бы парализованы. Его кормили бы с ложечки, он смог бы прожить

еще лет сорок, оставаясь в полном сознании. Дрожащими губами он произнес:

— Они обнаглели. Это седьмое покушение за одиннадцать месяцев. Нужно ли мне отправить пленных в Скрытый Город, Дани?

— По крайней мере, они больше не направляют к вам убийц С кинжалами.

— Я бы предпочел, чтобы они сделали это, — сказал Регис. — Я смогу справиться с любым убийцей с кинжалом, который только есть на этой планете, и ты тоже сможешь сделать это, — он внимательно посмотрел на Данило. — Ты не ранен?

— Небольшое огнестрельное ранение. Моя рука словно погружена в расплавленный свинец, но нервы не задеты, ответил он на вопрос Регисса и отклонил его предложение помочь. — Мне нужна только одна помощь, Лорд Регис — это ваше обещание никогда не выходить в город одному.

— Я обещаю тебе это, — сказал Регис. — Взгляд его был тверд. — Откуда у тебя это оружие, Дани? Запрещенное договором оружие? Дай мне его!

Молодой человек передал ему бластер.

— Оружие не нелегальное, ваи дом. Я ходил в Торговый Город землян и получил там разрешение на оружие, согласно которому я имею право

носить его. И, как известно, я телохранитель, поэтому мне охотно дали разрешение и это также мое право.

Регис казался обеспокоенным.

— Позови гвардейца, чтобы закопать это, — он указал на один из обгорелых трупов покушавшихся. — Я боюсь, что нет никакого смысла обыскивать эти трупы. Как и во всех подобных случаях, это безымянный человек и о нем никому ничего неизвестно. Несмотря на это, не стоит оставлять их валяться на улице.

Регис подождал, пока Данило позвал человека в зеленом с черным мундире городской гвардии и отдал ему приказ.

Потом он повернулся и строго сказал:

— Ты знаешь договор, — уже несколько поколений дарковерцев не знали войн.

Все дело было в договоре, законе, согласно которому все оружие, радиус действия которого превышал радиус, необходимый для защиты его владельца, было запрещено. Договор разрешал дуэли и нападение, но боям и массовым убийствам был положен конец. Вопрос, заданный Данило, был чисто риторическим — каждый ребенок, которому уже исполнилось шесть лет, знал о договоре!

Молодой человек не ответил. Он даже не бросил на Регисa гневного взгляда — за гнев на Хастура могли убить. Данило Сиртис опустил глаза.

Наконец он произнес: — Вы живы и невредимы. А судьба всех остальных меня не интересует, Лорд.

— Но во имя Бога, к которому ты хочешь воззвать, Дани, — для чего мы живем?

— Я живу для того, чтобы охранять вашу жизнь.

— А почему мы остались в живых? Между прочим, для того, чтобы соблюдать договор на Дарковере и следить за тем, чтобы не вернулись времена хаоса и трусливых убийств, — Регис был вне себя от гнева и отчаяния, однако Дани не дрогнул перед его яростным пристальным взглядом.

Он сказал:

— Договор соблюдался бы еще меньше, если бы вы были мертвы, Лорд Регис. Я ваш верный… — голос юноши сорвался, — я знаю, что моя жизнь принадлежит вам, ваи дом карио, но нам ясно, что будет с этим миром и вашим народом, если вас убьют?

— Бреду, — Регис использовал слово, которое означало не только «друг», но и «присяжный

брат» и взял Данило за обе руки — редкий жест в касте телепатов. — Если это правда, мой дорогой брат, почему же меня тогда хотели убить целых семь человек, покушавшихся на меня?

Он не ожидал никакого ответа и ничего не услышал. Данило скорчил лицо в гримасе.

— Я не верю, что вы происходите из нашего народа.

— Это… — Регис указал на то место, где лежал один из трупов…землянин? Я еще никогда не видел таких людей.

— Я тоже. Но посмотрите фактам в лицо, лорд Регис. На вас одного были посланы семь убийц. Лорд Эрик был убит чужим кинжалом, Лорд Джером из Элхалина был убит в своем рабочем кабинете и на снегу не осталось никаких отпечатков ног, три женщины Аилларда умерли у детских кроваток из-за ошибок акушерок, а те были отравлены, прежде чем их смогли допросить, а также Боги могут наказать меня за то, что я это говорю — были убиты оба ваших ребенка.

Лицо Региса утратило обычную жестокость и на нем появилось выражение глубокой озабоченности. Потому что, хотя он и произвел детей на свет, совершенно не любя их мать, только для того, чтобы выполнить долг перед своей кастой,

он очень печалился о своих сыновьях, которых меньше трех месяцев назад нашли мертвыми — они умерли от внезапной болезни, это означало очень многое. Его с трудом сдерживаемый голос был хуже всяких слез.

— Что я могу сделать, Дани? В каждом ударе судьбы я должен видеть убийц или заговор?

— Если вы не сделаете этого, это станет слишком опасным для вас, Лорд Регис, — глубокое сожаление в голосе Дани было скрыто грубостью его слов. Все еще грубо он добавил: — Вы перенесли шок. Лучше возвращайтесь назад, домой. Ваша печаль на похоронах Лорда Эрика, если об этом вообще можно печалиться, не будет стоить и половины того, что вы останетесь в живых и позаботитесь о своих женщинах и о своем народе.

Губы Регисa плотно сжались.

— Я сомневаюсь, что на сегодняшний день у них в запасе есть еще убийцы, — это было все, что он сказал. И без дальнейших протестов он пошел с Данило.

Итак, это была война, сложный заговор против касты телепатов.

Но кто был враг, и почему он нападал?

Подобные единичные случаи на Дарковере происходили всегда, хотя обычно врагу посылался

вызов на дуэль. Это полностью соответствовало столетнему кодексу на Дарковере и позволяло оставаться безнаказанным. Убийство в одной из таких дуэлей не считалось убийством.

Регис слабо улыбнулся. Он тщательно избегал связываться с оспариваемым фракциями и направлениями на Дарковере с тех пор, как он узнал, что Дерик Элхалин, ближайший наследник власти в Совете Комина, сошел с ума, и его место никогда не будет занято.

Поэтому ни один человек на Дарковере не мог утверждать, что Регис Хастур из Хастура обошелся с ним несправедливо. Кроме того, как он уже сказал Данило, существовало весьма ограниченное число людей, которые могли бы сравниться с ним во владении дуэльным оружием.

Кто же тогда? Люди из его собственного народа, которые хотели убрать со своего пути Комин с его сложной иерархией телепатов и одаренных другими пси-способностями людей?

Или это были земляне?

Но это он мог немедленно проверить.

Незадолго до этого он принял одного из военных, шефа группы связи между землянами и его собственным народом, в доме, который находился поблизости от резервации землян.

Это был компромисс, на который он согласился — ни жилище землян, которое, хотя и было битком набито разными вещами, но, тем не менее, до некоторой степени было комфортабельным, ни жилище дарковерцев с его огромными просторными помещениями, лишенное всяческих переборок и в котором совершенно не было никакого комфорта.

Немногие жилища могли сравниться с дворцом Хастуров, где он провел большую часть своего детства.

С отвращением ко всем артефактам, созданным землянами, он шел вперед. Это отвращение было тесно связано с культурой, стало почти частью его самого и то, что ему все время приходилось общаться с землянами, было самой большой неприятностью. Простой вызов по видео был для него скучнейшей процедурой, потому что ему приходилось преодолевать отвращение. Сам разговор он старался закончить как можно быстрее.

— Торговый Город — штаб-квартира, отдел восемь, медицинские исследования.

Когда экран осветился, он запросил: — Отдел ксеноантропологии, — а потом попросил соединить его с доктором Джейсоном Элисоном. Наконец он увидел перед собой молодого челове-

ка, сдержанного, но симпатичного.

— Лорд Регис! Как я рад вас видеть! Что я могу для вас сделать?

— Для начала ты можешь забыть о формальностях, — ответил. Регис. — Для этого мы уже достаточно знакомы с тобой. Мы можем поговорить?

Он легко мог бы задать свой вопрос по аппарату. Однако Регис был телепатом и уже с юных лет был обучен полагаться не только на слова, но и на чувства своего собеседника.

Он не думал, что Джейсон Элисон станет лгать ему. Он доверял и симпатизировал ему настолько, насколько мог доверять и симпатизировать кому-либо, не принадлежавшему к его касте. Он доверял родившемуся на Дарковере Джейсону и хотел иметь с ним дело. Но даже если Джейсон и не лжет, он может уклониться, затушевать правду, чтобы не причинить себе или ему неприятностей, или он просто не обо всем знает. Джейсон пришел. После первых вежливых слов приветствия и добрых пожеланий, Регис посмотрел ему в глаза и медленно произнес:

— Ты уже давно знаешь меня и знаешь, что я не дурак. Будь откровенен со мной, Джейсон. Правители где-то в Земной Империи считают,

что телепаты вызывают больше ненависти, чем они этого заслуживают, и — хотя Империя и не назначает цену за наши головы — но официально никто не прольет и слезинки, если мы уничтожим друг друга. Не так ли?

— Великий Боже, нет! — воскликнул Джейсон. — Регис уже не раз слышал эти слова. То, что он услышал, было настоящим страхом, отрицанием и возмущением души молодого врача-землянина.

Итак, это были не земляне.

Он сказал только для того, чтобы успокоить свою совесть.

— Может быть, ты просто не слышал об этом? Не в этом отделе. Я случайно узнал, что ксеноантропологи пытаются работать вместе с некоторыми из нас.

— Это не в других отделах, — твердо ответил Джейсон. — Управление космопорта вообще не интересуется этим. Научные отделы — ну, они усердно изучают вашу матрикстехнику. Им ясно, что Дарковер представляет из себя уникальный резервуар пси-талантов и тому подобного и, насколько мне известно, в Галактике больше нет ничего подобного. И они хотят, чтобы вы все работали вместе с нами в… нет, в клетку сажать они

вас не собираются, но с удовольствием посадили бы вас под арест, чтобы изучать вас сколько душе угодно, — он рассмеялся.

— Может быть, это неплохая идея, — горько ответил Регис. — Если так пойдет дальше, на Дарковере не останется в живых ни одного телепата с ларан-способностями.

Улыбка Джейсона померкла.

— Месяц назад до меня дошел слух, что на тебя было совершено покушение. Тут повсюду происходят дуэли, и я не воспринял это всерьез. Это правда? Снова что-то произошло?

— Итак, ты этого не знаешь, — Регис рассказал ему все.

Краска медленно сошла с лица молодого землянина.

— Это ужасно. Я могу только сказать, что никто из землян не замешан в этом. И зачем это надо?

Это, конечно, был вопрос, подумал Регис.

— Самая мощная сила во Вселенной, великие пси-таланты Дарковера, всегда великолепно противостояли ножу, пуле и лазерному лучу. Я могу назвать дюжину имен, начиная от Хранительницы Кляйндори до моего кузена Мариуса Элтона, умершего два или три года назад.

— А без телепатии, — медленно сказал Джей-

сон, — у нас нет ключа к матрикс-науке Дарковера и никакой надежды когда-либо найти его.

— Кроме того, наш мир и его экономика развалятся без телепатов, сказал Регис. — Кто выгадает от этого?

— Я этого не знаю. Многие группировки образовались бы, если бы ваша планета была открыта для торговли, беспрепятственного экспорта и импорта. Но борьба продлится еще три или четыре поколения, а Земная Империя придерживается точки зрения, что каждая планета имеет право сама создавать свое будущее. Люди имеют на Дарковере не больше одного лобби. В конце концов, существуют и другие миры.

Регис услышал и невысказанную часть предложения: существуют и другие миры, но не с такими большими космопортами и не с такой значительной колонией землян. Дарковер находился на перекрестке путей между верхним и нижним рубежами Галактики. На нем был вдвое больший по размерам космопорт, чем на любой другой подобной планете, и в пять раз больший, чем на обычной планете класса Б, необходимый для того, чтобы поддерживать межзвездные сообщения. И самое главное — имелись такие люди, которые не могли видеть несорванным такой

зрелый плод.

И, тем не менее, Джейсон сказал:

— Честно говоря, я не верю, что в Империи или в Зоне кто-то способен на это, Регис. Я бы взялся за дело несколько иначе. Тому, кто использует бульдозер, не нужна лопата для уборки снега. Это невероятно отвратительная тайная акция.

— Я склонен согласиться с тобой. Ну, мне надо посмотреть, нет ли здесь еще чего-нибудь, — сказал Регис. — Убийство всех телепатов ничего не изменит в нашем отношении к Империи. Мы не хотим быть ее частью и не хотим, чтобы земляне наводнили нас своей техникой. Это мнение большей части населения. Если кто-то попытается воспротивиться этому, мне необходимо обнаружить это. А тем временем…

— Тем временем в мои обязанности входит заботиться о том, чтобы больше никто из вас не был убит. Предварительный арест не имеет никакого смысла. Для вас… — Джейсон улыбнулся и продолжал, — вы проклятые, тупоголовые изоляционисты, к которым отношусь и я. И будет только справедливо, если за дополнительные усилия, которых будет стоить предотвращение вашей гибели, мы предложим коечто.

— Я тоже могу предложить кое-что, — серьез-

но ответил Регис. — И это нечто такое, что мы неохотно даем кому-нибудь. Однако, в любом случае, матрикс-наука не должна исчезнуть из-за нехватки телепатов. Я сам предлагаю нас, Джейсон. Вне планеты тоже есть телепаты, — он жестом указал на ночной небосвод и бесчисленные точки звезд. Может быть, не так много, как на Дарковере и они не такие способные. Ты же знаешь, что мы развивали ларан-способности со Времен Хаоса. Мы достигли в этом очень многого. Но, к сожалению, у нас получился инбридинг. Найди для нас других телепатов, Джейсон. Установи, чем телепаты Дарковера отличаются — если они вообще отличаются — от телепатов Земли, Вай нуала или четырнадцати планет Биббледигука. Если нам удастся выжить, как касте, и если будет возможно обучить нашим способностям других — тогда, может быть, нам удастся прекратить вырождение. Мы сами вырвем Дарковер из потока энтропии — и, нравится тебе это или нет, Империя — это энтропический процесс, и мы с тобой уже не однажды спорили по некоторым подобным вопросам — да, и поэтому мы должны оставаться на своих местах. У нас здесь свое Время Хаоса, добавил он. — Я могу показать тебе радиоактивный кратер в Запрещенном Го-

роде. Наш мир не примитивный, не варварский, Джейсон. Он то, что осталось после того, как мы достигли границ так называемого прогресса, и те немногие, кто уцелел, узнали, чего им надо опасаться. Найди нам телепатов, Джейсон, и я даю тебе слово Хастуров, что ты узнаешь, кто мы есть и почему мы такие.

2

«ОТДЕЛ КСЕНОАНТРОПОЛОГИИ КОТТМАН — ЧЕТЫРЕ — ДАРКОВЕР»

«Всем медицинским службам Империи на открытых и закрытых планетах. Вы получаете задание искать людей с телепатическими и другими пси-способностями, предпочтительно-тех, способности которых скрыты и неразвиты. Сюда не относятся личности, которые используют способность ясновидения для собственной выгоды — этого можно достичь и при помощи высокоразвитой технологии. Вам предоставляются полномочия заключать договор с медицинской службой класса А.» Если мы раскинем огромную сеть до самого конца известной нам Вселенной, в ее ячейках мы можем обнаружить весьма странные веши…

Рондо был маленьким, сморщенным мужчиной неопределенного возраста, и он сильно боялся. Он ощущал леденящий вкус этого страха во рту и пытался избавиться от него. Потому что он мешал сконцентрироваться, а это было необходимо для того, что он задумал.

Его глаза были только одной парой из пятидесяти, которые следили за спиральным полетом шарика. Тот мчался внутри огромного, кристально прозрачного игрального автомата по весьма эксцентрической орбите. Когда он наталкивался на другие движущиеся по случайным орбитам кусочки вещества, его орбита изменялась, и он медленно, очень медленно возвращался назад, в состояние невесомости, чтобы наконец-то — наконец-то! — попасть в гнездо-ловушку.

Здесь, здесь. Это нечто в его душе — у него не было названия для той способности, которая уже прорезалась в нем — прорезалась и осторожно коснулась шарика. Как беспрерывно движущаяся пылинка направляется по непредсказуемым путям в направлении все время вращающейся чаши, шарик устремился к углублению на полу автомата. Медленнее, быстрее — ждать, ждать, меня еще тут нет… Теперь, ТЕПЕРЬ!

Шарик двигался все быстрее, словно притягиваемый магнитом и наконец со звуком «клик» упал в углубление. Из пятидесяти глоток и ртов ожидающих вырвался вздох ослабевшего напряжения. Потом раздались неразборчивые возгласы разочарования.

Голос крупье сообщил: — Выиграли номера

восемь — четыре, шесть и один.

Руки Рондо дрожали так, что он едва мог взять свой выигрыш. Глаза крупье безжалостно бичевали его. Они, казалось, говорили: — Подожди только, выродок. Они уже идут. На этот раз счастье изменит тебе, ты, ничтожный ублюдок!

Таковы были его мысли, когда вслух он предложил:

— Садитесь на следующий круг. Кладите ваши деньги, его рука нажала на кнопку, отправляя шарик в новый полет.

Рондо поставил своей выигрыш, и словно гипнотизируя, начал продвигать шарик к чаше, которая зияла прямо перед ним. Он давно видел ее. Он точно знал и все же он испытывал стеснение, которое было словно болезнь, он видел блестящую, светящуюся, покрытую золотом чашу, которая могла принадлежать ему…

Он сунул монету в щель, которая в его воображении открылась, словно рот, и уже в душе видел золотой шторм…

Это была болезнь. Это стало ему ясно, когда он следил за кружащимся шариком, болезнь, которая, может быть, была порождена его невероятным искусством. Теперь беспощадный, поместив свой выигрыш, он уставился на шарик

и так громко мысленно ругался, что ему казалось, что его должны слышать люди во всем игорном доме.

Проклятый идиот — не понимаешь — забирай свой выигрыш и исчезай иначе они схватят тебя, иначе они схватят тебя, забирай свой выигрыш и беги. БЕГИ, ОНИ ИДУТ, УЖЕ ИДУТ…

Несмотря на это он стоял, словно парализованный, пока на его плечо не легла рука и спокойный голос не удержал его, когда он приподнимал маленький золотистый шарик: — Выступление закончено, леди и джентльмены. Следующая игра начнется через три мегасекунды. У нас есть основания для предположения, что…

Рондо не слышал, что произошло потом. Он простонал:

— Вы же сами говорили, что вашей машиной нельзя манипулировать, вы, дерьмовый обманщик. Кто-нибудь видел, что я коснулся аппарата хотя бы пальцем?

Голос был спокойный, но разносился по залу казино как удары колокола.

— Ни одна машина не защищена против эспера. Ты дьявольски часто выигрывал, — хватка на его плече усилилась, и Рондо без сопротивления пошел. Он знал, что протестовать бессмыс-

ленно и страх его достиг высшей точки: моя вина… не остановился… нет доказательств, НЕТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ…

Снаружи, вне игорного дома, его плечо отпустили и также крепко схватили за руку. Мужчина, возвышавшийся над маленьким игроком, сказал:

— У нас нет никаких доказательств, которые признал бы суд и нет закона, запрещающего эсперу выигрывать у машины. До сих пор ты был достаточно хитер — юридически мы ничего не можем с тобой поделать. Но ты должен немедленно исчезнуть отсюда, и если мы увидим тебя в казино хотя бы еще раз, ты не доживешь даже до того, чтобы получить свой выигрыш.

Грубая рука вывернула его карманы.

— Ты уже достаточно нажился, — сказал мужчина. — Забудь о сегодняшней добыче. А теперь, прочь! — великолепно нацеленный пинок, и Рондо, спотыкаясь, вылетел из здания, под яркий свет огромной искусственной луны Мира Удовольствий Кифа.

Он дрожал как побитая собака, ощупывая свои пустые карманы. Теперь ему был закрыт путь в любое казино Кифа, как это уже было на четырех или пяти других мирах.

Рано или поздно его обнаружатся. Это была болезненная страсть игрока, которая снова и снова охватывала его, и не имело значения, какие суммы он выигрывал, большие или малые. Пару дней, или, самое большее, неделю спустя он приходил снова.

Теперь он стоял под огромной искусственной луной, заливающей все вокруг своим розовым светом и шипел от ненависти. Прежде всего, он ненавидел самого себя. Он сам все это сделал и он знал об этих неприятных моментах. Это было скрыто глубоко внутри него, там, где находились также и его странные способности, при помощи которых он мог контролировать события и предсказывать их. Из-за этого его повсюду ненавидели, даже когда он использовал их (очень и очень редко) для того, чтобы предупреждать, помогать и лечить. И теперь его страсть, которую он не мог контролировать, вынуждала его возвращаться назад и лихорадочно контролировать падение шарика или выпадение карт.

Что же теперь делать? Он припрятал немного денег в своем убежище на тот случай, если ему придется покинуть планету. Он сел на мель здесь, на Кифе, и здесь, на краю Империи, космическая полиция не особенно ласково обходится с

такими людьми. Кто оказывается больным или обнищавшим на планетах изобилия, выпадает из поля зрения общества. Может быть, он сможет устроиться служителем в купальню в одном из множества мест развлечений, которые, хотя и назывались купальнями, это был только эвфемизм. Для всего остального он был или недостаточно молод, или недостаточно красив, даже если нечто, находящееся в его мозгу, позволяло ему быть почти таким же молодым и красивым, как обычный турист, осматривающий мир, подобный этому. Только сконцентрировав все свои усилия, он мог защитить себя от болезней…

А теперь он был оторван от всего этого.

Челюсти сжались, а на лице появилось выражение ненависти. Его выбросили, потому что он слишком часто выигрывал.

Ну, хорошо, они еще увидят, что он с ними сделает за то, что они так поступили с ним! Кровавая, все захлестывающая ярость не владеющего собой психопата поднялась в нем.

Вред, который причинила ему его страсть, стал для него всем. Он видел только то, что его отлучили от игры на всех Планетах Развлечений, игры, которая была его единственным удовольствием; это было падением, кружением, возвратом

шарика по орбите. Это причиняло ему боль и он жаждал мести.

Он стоял неподвижно, его мысли были направлены только на то, что его интересовало, на падающий шарик, на падающий шарик…

Мир вокруг покачнулся и снова замер. Что-то в его полупсихопатической душе телепата парализовало его и парализовало также единственную интересующую его вещь…

Внутри казино семьдесят игроков, крупье и менеджер, недоверчиво уставились на то, как кружащиеся и падающие золотистые пылинки в автоматах остановились в воздухе и больше не двигались с места.

Прошло полчаса и рассерженные игроки отправились на поиски других развлечений. Рондо снова пришел в себя и вспомнил, что ему надо убираться отсюда. Однако, было уже поздно.

Наконец они бросили его, истекающего кровью и более чем на девять десятых мертвого, в сточную канаву в одном из темных переулков. Только через час стонущего Рондо обнаружили двое космических полицейских. Они не знали, кто он, и решили на всякий случай доставить его в больницу. И прошло много, много времени…

Когда мир перед его глазами снова прояснился,

его друг за другом посетили два человека…

— Дарковер… — Рондо не хотел в это верить. — Почему, ради всего святого, у меня должно быть желание отправиться на Дарковер? Я знаю об этой планете только то, что это один из холодных миров на краю Вселенной, и он выражает не слишком много желания присоединиться к Империи. Другие телепаты? Дьявол, разве не достаточно того, что я сам являюсь отклонением от нормы! Разве меня должно радовать, что существуют другие такие же?

— И несмотря на это, все же подумайте об этом, — произнес человек, стоящий рядом с его больничной койкой. — Я не хочу оказывать на вас давление, мистер Рондо, но куда же вы, все-таки, намереваетесь отправиться? Здесь вы, конечно, больше оставаться не можете. Извините меня, что я упомянул об этом. Похоже, что у вас нет больших шансов найти какое-то другое занятие.

Рондо пожал плечами.

— Может быть что-нибудь и найдется, — он говорил это серьезно. Может быть он встретит на большом корабле какого-нибудь дурака. Его изгнали еще не со всех планет. Где-нибудь он сможет выиграть деньги и исчезнуть, все еще существуют планеты, на которых он еще не пы-

тался играть.

Однако, после первого внезапно появился второй посетитель, и Рондо изменил свое решение. План этот был весьма заманчивым. Согласно строжайшему предписанию Империи все автоматы были окружены силовым полем, которое делало невозможными манипуляции с ними — но, как сказал ему этот посетитель, ни одно силовое поле не сможет остановить эспера. Ему нужно только замаскироваться, и он получит большую часть выигрыша…

Но несмотря на заманчивые речи, он ясно чувствовал, что это говорит ему гангстер. Такая же группа чуть было не убила его. Должен ли он теперь связываться с другой подобной группой?

РОНДО был одиночкой и так было на протяжении всей его жизни. У него не было никакого намерения менять что-либо. Хуже всего, что теперь ему приходится иметь дело с гангстерами. Мысль о том, что он окажется между двумя преступными группами, заставила вздрогнуть даже его, с его всепоглощающей стратью к игре.

Если Дарковер тоже окажется неподходящим местом, не смогут же его вынудить остаться там. На планете должно быть большие космопорты, а где есть космопорт, там играют, а где играют, там

всегда можно найти добычу — а потом его снова ждет вся огромная Галактика.

Он позвонил по номеру, который ему оставил первый посетитель.

3

Коннер готов был умереть.

Он снова парил, как парил уже много раз с того несчастного случая год назад, болезненно дезориентированный. Он умирал, но смерть не хотела приходить. Только не снова. Я был готов умереть после чрезмерной дозы. Я думал, после этого прекратится все. А теперь все начинается снова. Это ад?

Время шло как всегда, пара минут, час, пятьдесят лет, он странствовал по космосу и голос ясно и четко произнес, но не словами, а у него в мозгу: может быть мы сможем помочь, но ты должен прийти к нам. Много боли, много ужаса, зато никаких оснований…

— Где? Где? — весь его мир, все его «я» превратились в безмолвный крик. — Как и где я могу избавиться от этого?

— Дарковер. Имей терпение, и мы тебя найдем.

— Где вы? Кто со мной сейчас говорит? Где это место? — Коннер попытался определить направление в бесконечном вращении.

Голос продолжал звучать: — Нигде. Здесь нет ни времени, ни пространства.

Невидимая нить контакта была тонка, она исчезла совсем, оставив его в невесомом аду, в центре которого вопил Коннер: не уходи, не уходи, подожди меня снаружи, не уходи…

— Он приходит в себя, — заметил один из земных голосов, и отчаяние, одиночество и муки отступили перед ужасной физической дурнотой. Коннер открыл глаза и увидел перед собой бодрое, совершенно невинное лицо доктора Римини. Доктор что-то успокаивающе пробормотал. Коннер не любил этого, потому что слишком часто слышал это. Он молча выслушал доктора, механически пообещав, что больше не будет этого делать и снова погрузился в апатию, из которой он выходил только два раза, чтобы совершить напрасные попытки самоубийства.

— Я вас не понимаю, — сказал Римини. Он говорил дружески и сочувственно, но теперь Коннер знал, как пусты были его слова. Он был абсолютно безразличен Римини и тот видел в нем только неподдающийся и все еще интересный для него случай. Он приоткрыл щель в своей душе, чтобы прислушаться к болтовне врача. — Во время несчастного случая вы проявили огромную волю

к жизни, мистер Коннер. И после того, как вы перенесли все пытки, вам совершенно бессмысленно сдаваться именно теперь…

Однако Коннер пропустил мимо ушей поток слов Римини и единственное, что он воспринял, это смертельный страх врача. Все воспринимали Коннера как отвратительную, мыслящую, зловредную вещь и страх перед тем, чем был Коннер — если бы он читал мои мысли, он бы узнал, что я… — в его душу просочился поток непристойностей, которые, по крайней мере, частично могли бы стать причиной его самоубийства. Таким был не только врач, таких было много, так что Коннеру даже в больнице приходилось переносить животный ужас тела и муки души, как и везде, где душами людей владели страсти и желания. Он заполз в больницу как в дыру, затащив с собой все это, и он появлялся снаружи только тогда, когда пытался покончить самоубийством, но это ему никак не удавалось.

Римини, наконец снова начал тараторить, а Коннер лежал и смотрел в потолок. Он охотно рассмеялся бы. Но, нет, ему этого не хотелось.

Они говорят о воле к жизни, которую он проявил во время несчастного случая! Это был тяжелый несчастный случай. Один из огромных

космических кораблей взорвался в космосе и у экипажа едва хватило времени, чтобы сесть в спасательный бот, а четыре человека надели надувные скафандры и выбросились в космос.

Других так и не нашли. Иногда Коннеру казалось, что ему хотелось бы быть одним из них: было бы милосерднее, если бы система жизнеобеспечения скафандра сразу вышла бы из строя, так, чтобы все они умерли бы как можно быстрее. А теперь не сошли ли они с ума в ожидании мучительной смерти? Плавали ли они когда-нибудь в бесконечной тьме и вечной ночи? Он отбросил эти мысли.

Надувные скафандры были придуманы для того, чтобы защитить человека на пару минут, пока спасательный бот не подберет потерпевших крушение. Коннер дышал регенерированным воздухом, ему делались внутривенные инъекции питательного раствора, и он остался в живых. Он жил все время. Дни, недели, месяцы, бесконечное падение в открытом пространстве, вращаясь в своем прозрачном скафандре-пузыре, а вокруг нет ничего, кроме триллионов и триллионов звезд.

Ему тогда не удавалось измерить время. Он не мог понять, где находится верх, а где низ, у него

не было никаких ориентиров. Не было видно ничего, кроме далеких сверкающих точек звезд, кружащихся вокруг него, пока он целыми днями вращался вокруг своего собственного центра тяжести.

В самом начале создания науки о психологии человека людей помещали в бак на пять часов, где все их ощущения затухали и они постепенно сходили с ума.

Примерно первые десять дней — он рассчитал это уже потом — Коннер провел в отчаянной надежде на спасение и испытал все ужасы, но не сошел с ума.

Потом он замкнулся в своем собственном «я», на Вселенной, находящейся внутри него. Созерцая центр своей собственной Вселенной, он вращался в одиночестве, как Бог, и осознал, что в сумасшествии нет ни защиты, ни смерти. Не существовало даже голода, чтобы ориентироваться по нему.

Существовала только его собственная душа и Вселенная.

И таким образом он заставил себя пронизывать Вселенную, покинул свое тело и дал духу полную свободу. Он посетил тысячи тысяч миров, коснулся тысяч и тысяч мозгов, не отличая сна от яви.

И в результате невероятного, почти фантастического случая он был спасен через четыре месяца после катастрофы. Коннер сошел с ума, но очень странным образом. Его мозг, так долго оставшийся наедине с собой, обучился странствовать вдали и стал тем, чему не было названия, и что другие люди даже не могли себе представить. Теперь же он был закован в тело и подвержен голоду, жажде, силе тяжести, он больше не мог выносить этого, он больше не мог выносить жизнь и с удовольствием избавился бы от нее.

— Мистер Коннер, — оторвал его от мыслей чей-то голос. — К вам посетитель.

Он без любопытства выслушал его, ему хотелось, чтобы он ушел, пока тот не упомянул о Дарковере.

Он заботился только о том, чтобы избежать всяких контактов с больницей, потому что всякая попытка бегства была для него тупиком, мышеловкой для его души. Может быть, на планете телепатов был кто-нибудь, кто помог бы ему покончить со всем этим, стереть эти кошмарные воспоминания, которые одолевали его, которых он не желал.

И, может быть, он найдет там обладателя голоса из его снов…

Дэвид Гамильтон слепо прошел через дверь, ненадолго оперся о стену и вытер пот с лица.

Ему не хотелось снова делать это. О Боже! Слепая паника, словно от наркоза, затмила свет…

Нет, это уже слишком. Он должен отказаться. Вокруг него больница, заполненная людьми и нелюдьми, через каждую щель в стене сочится боль и несчастье, и хотя Девид уже в течение года занимается практикой и может исключить из своего сознания большинство из всего этого, его защитные силы были ослаблены оперативным путем. Теперь это снова нахлынуло на него со всех сторон.

— Неужели весь мир стонет от боли? — его раздраженные нервы и мозг нарисовали ему абсурдную и жуткую картину, которая разламывалась как размозженный череп, шар, перетянутый по экватору. Он хихикнул и постарался в несколько мгновений овладеть собой, иначе у него произойдет припадок истерии.

Бесцельно. Я должен отказаться.

Я не сошел с ума. Я все это подробно изучил, когда мне было девятнадцать лет, и я даже поступил в медицинский институт.

Я уверенно выдержал экзамены по медицине, хотя мне пришлось собрать всю силу воли, но

закончил бы я его или нет, у меня все равно осталась бы эта способность ставить диагноз, только прикоснувшись к больному кончиками пальцев. Но здесь, в больнице, этого для меня слишком много. Слишком много. Много симптомов, страха и ужаса людей. Слишком много боли, и я все это чувствую. Я хотя и делю с ними их муки, ничем не могу помочь.

Доктор Лакшман, смуглый и серьезный, глаза под шапочкой хирурга полны сострадания, прошел по палате и коротко пожал рукой плечо Дэвида. Дэвид, находящийся в таком состоянии, попытался уклониться от прикосновения.

Потом он расслабился. Лакшман, как всегда, был сама симпатия и дружелюбность, был дюной спокойствия в мире ужаса. Он спросил: — Вам плохо, Гамильтон?

Дэвид смог улыбнуться. Он чувствовал себя выжатой тряпкой.

— При сегодняшнем состоянии медицины нужно признать, что для лечения каждого вида сумасшествия существует свое средство.

— Это не сумасшествие, — ответил Лакшман, — и, к несчастью, против этого нет средств. Не здесь. У вас отклонение от нормы, очень редкое отклонение, Дэвид, и вот уже больше года я наблюдаю,

как вас это убивает. Но, может быть, существует избавление от этого.

— Вы же не… — Дэвид испугался. Именно Лакшман злоупотребляет его доверием? Кому же он может доверять?

Старый доктор, казалось, следил за его мыслями.

— Нетля ни с кем не говорил об этом. Но когда пришло сообщение, я сейчас же подумал о вас. Дэвид, вы знаете, где находится Звезда Котмана?

— Не имею представления, — ответил Дэвид. — Это меня не интересует.

— У этой звезды есть планета — ее называют Дарксвер, — сказал Лакшман. Там есть телепаты, и они разыскали… — нет, услышали вас, — сказал он, когда Дэвид вжался под его рукой. — Может быть, там вам помогут что-нибудь разузнать об этом деле и возьмут вас под контроль. Если вы предпочтете остаться здесь, в больнице — ну, мы на данном этапе ничем не сможем помочь вам. Рано или поздно у вас наступит кризис. До сих пор вы великолепно справлялись со своей работой. Вы должны хорошенько подумать над этим. Или вам придется забыть о медицине и устроиться лесником на какой-нибудь незаселенной планете. Совершенно незаселенной.

Дэвид вздохнул. Он знал, что так может произойти, и десять лет учебы и работы будут напрасными и не будет иметь никакого значения, куда он направится потом.

— Где этот Дарковер? — спросил он. — Есть там хорошее медицинское обслуживание?

4

Толпа людей смотрела на него, окруженного охранниками, шагающего по посадочному полю. Уже наступил вечер, и было очень холодно. Только пара красноватых облачков указывала то место, где зашло солнце и режущий ветер со свистом дул с острых утесов за Тендарой. Обычно в это время на улицах было мало людей. Ночи на Дарковере начинались рано и были холодными, как легендарный девятый круг ада. Поэтому большинство людей запирались в обогреваемых помещениях и оставляли улицы снегу и неизбежно плохо осведомленным землянам из Торгового Города.

Но это было что-то новое, и дарковерцы забыли о своих делах. Они следовали за отрядом и можно было слышать своеобразный ропот ненависти, который земляне, может быть, впервые услышали на этой довольно враждебной к ним планете.

Один из четырех охранников-землян ощутил беспокойство, напряг мускулы и схватился за оружие. Это не было угрожающим движением, оно было лишь автоматическим, он хотел убе-

диться, что оружие на месте на случай, если оно понадобиться. Но конвоируемый сказал:

— Нет.

Землянин пожал плечами.

— Это ваше дело, сэр, — сказав это, он опустил руки.

Регис пошел дальше, конвоируемый охранниками, прислушиваясь к бормотанию толпы и понимая, что оно было направлено как против него, так и против землян, которые охраняли его. Верят ли эти люди, что мне это нравится, почти весело подумал он. Я буквально являюсь пленником в своем собственном доме только для того, чтобы избежать этого спектакля, этого позора для нашего мира. Хастур из рода Хастуров больше не отваживается свободно ходить по улицам своего города. Это моя жизнь, от которой я отказываюсь, моя свобода, а не их. Мой ребенок, а не их, растет под неусыпным надзором вооруженной охраны землян. Это постоянно напоминает мне о том, что пуля, нож, шелковый шнур или ядовитая ягода в нашем ужине может оборвать род Хастуров.

И что бы они сказали, если бы узнали, что Мелора, ждущая от меня ребенка, на время родов была помещена в медицинское отделение землян? Я это уже слышал. Я старался сохранить

это в тайне и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить ее семью, но все-таки кое-что просочилось. Даже если бы мы любили друг друга, теперь это все в прошлом. Мелора даже не захотела разговаривать со мной, когда я последний раз посетил ее и самое худшее заключалось в том, что я даже не обиделся на нее. Она только холодно посмотрела поверх моей головы и сказала, что семья, как всегда, будет послушна воле Хастуров. И я понял, что все понимание которое было между нами еще пару месяцев назад, теперь исчезло.

Было легко проклясть всех женщин, но я не должен забывать, что женщины, любившие меня, находились под чудовищным гнетом — это относилось ко всем женщинам, которые имели несчастье любить. Хастуров, даже к самой Благословенной Кассильде, моей стократной прапрабабке, во всяком случае, так гласит легенда.

И ни малейших угрызений совести за это проклятое самосожаление.

Он вздохнул, попытался улыбнуться и сказал Данило, шедшему рядом:

— Теперь мы знаем, какое уродство плодилось на протяжении ряда лет.

— Не считая того, что мы получаем кусок хлеба

с маслом отнюдь не за то, чтобы слушать, — пробормотал Данило.

Толпа раздалась, чтобы пропустить их. На пути к автомобилю Регис заметил в толпе любопытных чью-то поднятую руку. Брошенный камень? Он услышал яростные мысли:

— Наш господин, Хастур, пленник землян?

— Как он позволил им отрезать его от его народа, каким образом?

— Раб?

— Пленник?

— Хастур!

Все это бушевало в его мозгу. Полетел камень. Регис застонал и закрыл лицо руками. Летящий камень вспыхнул в воздухе и исчез в рое искр. Толпа испустила тихое — Аххх!

Прежде чем страх и удивление прошли, Регис и его охранники поднялись по ступеням к спецавтомобилю. Внутри машины Регис бросился на сидение и заметил, ни к кому не обращаясь: — Проклятье, я могу только сидеть и выть.

И он знал, что все это повториться на посадочном поле Арилина: охрана, ворчащая толпа, рев и, может быть, даже летящие камни.

Но он ничего не мог поделать с этим.

Далеко на востоке от Торгового Города землян

поднимались горы Килгард, а по ту сторону их Гиад и Хеллерсон; за хребтами и ущельями, на склонах, густо поросших лесами, жили люди и нелюди. Человек мог месяцами бродить там, так никогда и не достигнув конца лесов и гор.

Однажды, серым дождливым утром на город обрушилась катастрофа. Группа людей, закутавшись в грязные, разорванные, обгоревшие меховые накидки, спускалась по склону горы к руинам деревни. Стены каменных домов все еще стояли мокрые от дождя и мутно-белые, почерневшие останки обгоревших домов окружали эти стены. К этому еще уцелевшему приюту и направлялись люди.

Позади них находились мили обгоревшего леса, из которого, несмотря на дождь смешанный с ледяной крошкой, все еще поднимались клубы дыма. Тяжело дыша и шатаясь от усталости, они вошли под крышу и один из них бросил на пол полуобгоревшую тушу оленя. Он мотнул головой, и одна из усталых женщин в кофте и накидке из поврежденного огнем и дымом меха, вышла вперед и подняла тушу. Мужчина устало сказал:

— Лучше свари, что осталось, пока мясо не испортилось, Этой зимой нам не придется есть слишком много мяса.

Женщина кивнула. Она слишком устала, чтобы разговаривать. У задней стены на меховых шкурах возилась дюжина ребятишек — пестрая куча подушек и старой одежды.

Некоторые с любопытством поднимали головы, когда взрослые люди приближались к ним, тщательно отгораживая их от холодного воздуха, но ни один из них не издал ни звука.

Все они последние две недели повидали слишком много.

Женщина спросила:

— Что-нибудь спасли?

— Полдюжины домов на краю Леса Старых Листьев. Мы вынуждены жить в доме, где уже живут четыре семьи, но мерзнуть нам не придется. В Лесу Надерлинг больше нет никаких укрытий.

Женщина судорожно сомкнула глаза и отвернулась.

Один из мужчин сказал: — Наш дед мертв, Марилла. Нет, он не погиб в огне. Он вместе со всеми хотел бороться с пожаром, хотя я умолял его не делать этого. Я сказал, что сделаю все и за себя, и за него. Потом его сердце отказало. Во время ужина он умер.

Одна из женщин, почти девочка, тихо заплакала. Она взяла одного из маленьких ребятишек и

автоматически приложила его к груди. Ее слезы капали на его грязную головку.

Одна из пожилых женщин, седые волосы которой длинными прядями обрамляли ее лицо, подошла к ней и взяла ложку с подставки у костра. Казалось, что она не спала уже больше трех дней, и с тех пор у нее не было времени, чтобы помыться и причесать волосы. Так было на самом деле. Она наполнила деревянную миску грубой кашей из орехов и протянула ее мужчинам, которые молча сели и стали есть.

Не было слышно ничего, кроме всхлипывания молодой женщины и вздохов усталых мужчин. Один из ребят захныкал во сне, зовя мать. Снаружи барабанил град, беспрестанно шурша по оконным ставням.

Когда кто-то забарабанил в дверь и громко позвал, сидящим в комнате показалось, что раздался взрыв. Два малыша проснулись и заплакали от страха.

Один из мужчин, самый старший из всех с неопределенным выражением авторитетности на лице, подошел к двери и чуть приоткрыл ее. Он спросил: Во имя всех Богов, что за шум? Разве нам нельзя отдохнуть после непрерывного сражения с пожаром, нельзя подождать, пока мы

покушаем?

— Вы сразу же оставите свой завтрак, когда узнаете, зачем мы здесь, ответил человек, стучавший в дверь. Его лицо было запачкано сажей, брови обгорели, а рука была перевязана. Он оглянулся через плечо.

— Приведите сюда бразуина.

Два человека позади него протолкнули вперед упирающегося человека в странной одежде. Он был покрыт ожогами, колотыми ранами, и на коже кровоточило множество порезов. Порезы эти были похожи на занозы. Старик окинул женщин и детей быстрым взглядом и толкнул дверь. Но пара мужчин, сидевших за столом, оставила миски и прошла вперед. Они молчали, сурово ожидая дальнейших объяснений.

Один из мужчин, державших чужака, сказал:

— Отец, мы поймали его, когда он поджигал кучу смолистых ветвей не далее, чем в четырех милях отсюда, на краю Леса Серых Листьев. Он слажил ветви в нечто вроде сигнального костра, зажег их и положил сверху зеленые ветви. Мы целый час тушили огонь, это нам удалось — а его привели сюда.

— Во имя Шарраса и всех других Богов! — старик испуганно и недоверчиво уставился на

пленника. — Этот парень сошел с ума. Ты… как тебя зовут?

Пленник не ответил, Он только утроил свои усилия, стараясь освободиться.

— Спокойнее, или я переломаю тебе все ребра, — пригрозил один из конвоиров. Пленник, казалось, не понял этого.

Он продолжал вырываться, пока двое, державших его, не стали его методически избивать. Наконец пленник потерял сознание.

Дарковерцы смотрели на лежащего на полу чужака и не могли поверить в то, что они видели и слышали. В горах Дарковера племена, вечно враждующие между собой, объединялись только во время лесного пожара и даже на время забывали о кровной мести. Человек, нарушивший мир во время пожара, изгонялся из племени, от очага, от стола, от родителей. Существовала дюжина версий баллады Насрина, в которой борьба с пожаром сравнивалась с кровавой враждой. В балладах этих говорилось, что отца Насрина убили, а его братьев за это повесили на крюк. То, что человек может намеренно поджечь живое дерево, было так же немыслимо, как приготовление праздничного обеда из мяса. Все уставились на пленника, делая ритуальные жесты, отгоняющие

несчастья и сумасшествие.

Старик, член Совета сгоревшей деревни, произнес сдавленным голосом:

— Женщины не должны этого видеть. Они пережили уже достаточно. Кто-нибудь должен взять веревку.

Один из мужчин спросил:

— Наверное, стоит задать ему пару вопросов и выяснить, зачем он это сделал.

— Задавать сумасшедшему вопросы — зачем? Спроси реку, почему она течет или снег, почему он тает на солнце? — ответил другой, а третий заметил: Кто настолько сошел с ума, что разжигает пожар, у того есть для этого такие же сумасшедшие основания.

Старейшина деревни тихо произнес:

— Может быть он землянин? Я слышал, что они делают сумасшедшие вещи.

Молодой человек, сообщивший Марилле о гибели ее отца, ответил:

— Я был в Торговом Городе, отец. И видел землян на Элтон Ленд год назад. Может быть они и сумасшедшие, но не такие. Они дали нам линзы для глаз, чтобы мы могли видеть далеко, и что-то новое, химикалии… — он использовал земное слово, чтобы погасить пламя. Они никогда не

допустят лесного пожара.

— Да. Вы же знаете, это не землянин. — Он повторил. — Возьми веревку и ни слова женщинам.

Когда солнце поднялось над горным хребтом, красное и набрякшее от облаков тумана, словно глаз огромного циклопа, человек перестал биться и как черный флаг повис над обгоревшим лесом.

Жители деревни вздохнули и подумали о том, что, может быть, теперь серия маленьких пожаров в лесу прекратится. Они в своих диких горах не могли знать, что такие же сцены или подобные им в последний год разыгрывались в тысячах лесных массивов и, по крайней мере, в дюжине мест.

Этого не знал никто кроме женщины, которую звали Андреа Клоссон.

5

— Дарковер. Смешная планета, знаете ли. Мы арендовали пару участков земли для торговли, как мы это делаем повсюду в Галактике. Вы знаете эту обычную процедуру. Мы оставили правительство в покое. Когда жители миров видя; наши технические достижения, им обычно становится жаль, что они живут при теократии или монархии, и они сами просят о том, чтобы их приняли в состав Империи. Это почти математическая формула. Это можно рассчитать. Только на Дарковере это не удалось. Мы точно не знаем, почему, но они говорят, что мы просто не то, чего они хотят…

— Часто повторяющаяся жалоба одного из политиков на Дарковере, высказываемая недовольным послом Земной Империи.

— Вы должны разместить их, дать им пищу, лучшее, что у нас есть, и обращаться с ними как можно лучше, — приказал Данило Сиртис маленькой группе горцев с Дарковера.

При этом он указал на четырех землян в форме Космического Патруля. Игнорируя молчаливый

протест, он ощущал его, но продолжал: — Это воля Хастура… — он ритуальным жестом положил руку на рукоятку кинжала. — Я должен вам сказать, что всякое оскорбление любого из этих людей будет приравниваться к оскорблению Регриса Хастура.

— Ваи дом, Сиртис, мы должны смотреть, как будет нарушен договор, заключенный на нашем собственном пожарище? — спросил один из присутствующих. Кровь ударила в лицо Данило.

— Нет, — он повернулся к землянам. — Вам не понадобится оружие. Лучше отдайте его мне.

Мужчины, один за другим, неохотно протянули ему свои парализаторы, а Данило передал их одному из дарковерцев в черно-зеленом мундире городской гвардии. — Сохрани его, пока мы не вернемся.

Он с опущенной головой пошел в направлении башни Ариллина, которая возвышалась на краю маленького посадочного поля. Там их и Регриса ждал его кузен Леррис Риденов, человек лет сорока, высокорослый, рыжеволосый и меланхоличный. На его удлиненном лице было выражение цинизма. Леррис вяло приветствовал Данило, поцеловал Регриса в щеку и сказал:

— Итак, ты все же пришел сюда. Я думал, ты

останешься в своем мягком гнездышке в Земной Зоне, как шелковичный червь в своей коробке.

— Скорее как кролик, за которым охотится лиса, загнавшая его в его собственную нору, — ответил Регис и последовал за Леррисом в башню. Он сказал, что еще никогда не испытывал такого облегчения. Здесь, внутри, никто не мог достать его и ему нечего было бояться и думать о том, что станет с ним и с его семьей, если нож или пуля убийцы найдут путь к его сердцу, Леррис спросил: — Итак, это правда? Тебя держали в плену в Земной Зоне? Когда до меня дошел этот слух, я сказал, что ни один землянин никогда не сможет пойти против воли Репка. Значит, у них против нас появилось новое оружие?

— Нет, я сам попросил о защите, — Регис взял стакан из рук Данило. Спасибо, у меня все в порядке. Тебе не хочется попробовать, не отравлено ли вино?

С ужасом во взгляде Данило вырвал стакан у него из рук.

Регис со смехом слегка шлепнул его по руке.

— Я пошутил. Дурачок. Дани, я должен смеяться над всем, иначе я лягу и откину копыта.

— Мне сейчас не до смеха, — заметил человек в углу комнаты. — Мне кажется совсем не

смешным принимать твоих надзирателей как почетных гостей только потому, чтобы немного дольше сохранять свою жалкую жизнь.

— Оставь его в покое, Раннирел, — сказал Леррис. — И покончим с этим. Он уже достаточно рассержен и находится в зоне обстрела. Твоя голова совершенно ничего не стоит и никто не хочет давать за нее ни цента. Извини, Регис, за то, что я так начал, и я хочу спросить у тебя только одно: неужели сейчас дела в Тендаре настолько плохи?

За Региса ответил Данило.

— Они хуже, чем ты себе можешь представить, но земляне не виноваты в этом.

— Но Космический Патруль здесь? В мундирах и с парализаторами.

— Это неплохие люди, — устало ответил Регис. — Подумай, легко ли для них было смотреть сквозь пальцы, как мы умираем один за другим? Для этого требуется определенное мужество. Все четверо добровольно вызвались сопровождать меня, хотя они знали, что над ними будут смеяться, ругать и оскорблять, что они защищают человека, который лично к ним не имеет никакого отношения. Иногда они удивляют меня.

— Это все мы знаем, — вмешался Леррис. —

Меня они тоже удивляют. Год назад я хотел заключить договор с Землей. Разве Хастуры возражали против этого?

— Мы были против этого, и сейчас мы не изменили своего мнения, терпеливо объяснил Регис. — Ты знаешь это так же хорошо, как и я, и вы все знаете это, — он осмотрелся: это было огромное помещение с занавесями на стенах в традиционном дарковерском стиле, сами стены были укреплены панелями из резного камня. Он взглядом приветствовал находящихся здесь шестерых молодых женщин, большинство из которых были рыжеволосыми, дарковерские аристократки из касты телепатов — все родственницы низших дворян. — Я пришел сюда по вашему требованию. Зачем вы послали за мной?

— Это сделал я, — сказал Данван из рода Хастуров. Он поднялся из кресла и подошел к Регису. Регис опустился на колено в древнем жесте почтения. Старик положил руку на плечо своего внука и на мгновение дал почувствовать свою глубокую симпатию к нему. — Я не хотел принимать никакого решения, пока ты сам не появишься здесь, Регис.

Регис встретил взгляд своего деда и испугался. Старик выглядел таким усталым и таким уяз-

вимым. Регис подумал: — С детства я полагался только на свои силы, мы все поступали так. Теперь старику день ото дня становится все хуже, и я должен быть тем фундаментом, на который опирается мой народ — а я сам стою на зыбкой почве!

— Есть что-то новое, дедушка? — он встал, а старик сказал: Собственно говоря, совсем не новое, это очень старая история. Двадцать лет назад я сам справился с этим при помощи Кеннардов и Совета Комина. Такая же старая история — призыв к созданию рудников, фабрик и к вкладам — ты же сам это знаешь. Обычные люди, которые видят только выгоду и забывают о побочных последствиях на индустриальных мирах. Однако, здесь есть кое-что новое, и я клянусь Кассильдой, что сам не знаю, что я хочу этим сказать. К столкновению с корыстолюбием мы готовы. Но это… может быть, нам не останется ничего другого, кроме просьбы к Империи о помощи.

Эти слова отца, которые всегда был движущей силой долгой борьбы Дарковера за независимость от Земной Империи, превратили сердце молодого человека в кусок льда. Он постарался, чтобы никто этого не заметил.

— Тогда спустимся вниз и послушаем, что они

скажут нам.

На пути к двери, ведущей в нижний холл, к Регису подошла молодая девушка и сказала спокойно с сознанием собственного достоинства:

— Лорд Регис, вы, конечно, меня не помните.

— Нет, — девушка была молодой и красивой. У нее было овальное лицо и темно-рыжые волосы ее касты. К этому надо еще добавить спокойствие и самообладание, которые, казалось, так не подходили к ее молодости. Она улыбнулась, — но этого больше не произойдет, когда вы встретите меня в следующий раз, дамизела. Вы оказываете мне милость. Чем я могу служить вам?

— Я Линнеа из Арлинна, — сказала она, — родилась в Верхнем Уидварде, и я уже семь лет нахожусь в свите Лорда.

Регис покраснел.

— Тогда я много раз касался вашей души, сам не зная этого. Извините меня, я долго жил среди чужаков и закрыл свои барьеры, сам не заметив этого.

— Несмотря на это я знаю, что происходит в Тендаре, ответила она. — Вы ищете телепатов, которые будут работать над этим проектом вместе с землянами.

Взгляд Регисa с некоторым облегчением оста-

новились на ее милом личике. Он подумал: мне хотелось бы, чтобы она приняла в этом участие. Она все понимает. Противясь искушению, он сказал:

— Девочка, у нас едва хватает Хранительниц, чтобы поддерживать в действии группы и объединения, которые у нас остались. Вы на вашем посту заняты поддержкой матрикс-экранов, имеющих огромную ценность.

— Это мне известно, Лорд Регис. Я тоже говорила не о себе самой, потому что я просто не особенно хорошая телепатка. Я имею в виду, что моя бабушка в молодости обучалась профессии матрикс-хранительницы. Они взяли ее на службу, и она вышла замуж задолго до двадцати лет, но она всегда помнила древние методы, которым обучалась еще в горах.

— Извините меня, но я не знаю вашей семьи. Кто ваша бабушка?

— Ее звали Дезидерия Лейнир, она вышла замуж за Сторна из Сторна. Моя мать была ее третьей дочерью, ее звали Рафаэла Сторн-Ленарт.

Регис покачал головой.

— Она, вероятно, была Хранительницей задолго до моего рождения. Мне кажется, я слышал это имя, но я не думал, что кто-то из группы, обучав-

шейся в Альдаране, остался в живых. Она была… внезапно его лицо стало таким же белым, как его волосы, — … была одной из тех, кто семьдесят лет назад давали присягу Шарре в горах? Конечно, это было задолго до восстания…

— Наша семья всегда почитала Богиню Кузнецов, — тихо сказала Линнеа, — и когда потом произошло злоупотребление властью, мы ничего не смогли сделать.

— Я это знаю, потому что в противном случае вы бы умерли, когда нарушилась матрица Шарры, — краска постепенно вернулась на лицо Регис. Итак, если ваша бабушка не так уж стара и совершит путешествие…

— Она стара, Лорд Регис, но она все же сделает это, глаза Линнеа засверкали. — Вам придется признать, что она удивительная женщина, моя бабушка.

Поддавшись импульсу, Регис взял руку девушки. И они вместе спустились вниз, в Зал Совета. С некоторого времени Регис чувствовал себя немного одиноким.

Как сказал старый Хастур, речь в Зале Совета шла о той же старой истории. Регису было двадцать четыре года, и в семь лет он услышал ее впервые, а остальным она была известна задолго

до этого. Уже в течение сотни лет то одна, то другая партия соблазнялась земной технологией и пользовалась мнимыми выгодами, которые она получала, примкнув к межзвездной цивилизации. Это было незначительное меньшинство и на них едва ли стоило обращать внимания.

Все два года Совет — если только вообще можно было говорить о Совете разрешал им высказываться, благодарил их за изложение мыслей, с удовольствием принимал решение игнорировать их мнение, а потом все это снова забывалось на два года. Но на этот раз все было иначе. Регис сел в кресло с гербом Хастуров — серебряная ель на голубом фоне и эпиграф Хастуров, перманедо «Здесь мы остановимся».

Взгляд его скользнул по старому креслу, которое теперь казалось наполненным жалкими остатками лараи-касты: немногими дворянами, молодыми сыновьями, теми, которые должны взять на себя ответственность управления Доменами.

Первую делегацию, эту группу наряженных торговцев, которые называли себя пандарковерской лигой, он мог игнорировать. Несмотря на их жалобы, у них, конечно, не было никаких затруднений, хотя Регис мог поклясться, что экспансия

цивилизации могла принести им жирный кусок и будет обидно, если они упустят его.

Однако, когда вошла делегация из предгорий Хеллерсов, Регис сосредоточил на ней свое внимание.

Он знал некоторых людей с гор. В то время, когда он еще мог путешествовать, он забирался к ним. Всю свою жизнь он провел на краю гор. Во многих отношениях горцы нравились ему больше, чем жители равнин в Доменах.

Это были люди старой закалки: темнокожие, длинноволосые, на них были сапоги и длинные меховые накидки, и хотя некоторые из них были молоды, лица всех мужчин были обветрены, а глаза, окруженные морщинами, были устремлены вдаль. Они смотрели на Региса с древним уважением к касте Комина, но взгляд их был дик от лишений, которых на их долю выпало больше, чем человек мог вынести. И хотя они старались говорить со стоическим спокойствием, все равно их образ жизни был заметен.

Их предводителем был поседевший мужчина, профиль которого напоминал утес позади города. Он повернулся к старому Хастуру, хотя место Председателя Совета занимал Регис.

— Я Дониспар из леса Дарриела, — коротко

представился он. — Тридцать лет назад я поклялся, что скорее вся моя семья будет уничтожена, чем мы спустимся в долину и будем просить помощи у Комина, который связан с проклятыми землянами, — он нагнулся и сплюнул, а потом, очевидно вспомнив о том, где находится, извинился. — Но мы мертвы, Лорд. Наши дети голодают. И умирают.

Мои тоже, — подумал Регис. Они не голодают, но они умирают. Он нагнулся и воспользовался языком горцев: — Комин, меня упрекают, что мы ничего не слышали о неурожаях и голоде в горах.

Дониспар покачал головой.

— Пока ничего не посеяно, Лорд, у нас нет пригодной почвы. Мы живем в лесу. В этом и заключается проблема. У нас все сгорело. Ваи дом, вы знаете, как много лесных пожаров произошло в этом году? Если я расскажу вам об этом, вы не поверите и половине моих слов. И все, что мы делаем, бессильно положить этому конец. Лесные пожары не новость, я уже боролся с ними, прежде чем у меня отросла борода. О лесных пожарах я знаю больше, чем любой человек из Кадарина и даже во всем мире. Но это… от этого нет никакого спасения. Это все выглядит так, словно в огонь

вылили смолу со всего леса. Наши сигнальные устройства неэффективны. Я кажется могу поверить, что пожары — это дело рук людей, но какие люди могут отважиться на такую мерзость? Люди не убивают людей, если они ненавидят друг друга, но кто уничтожит лес, в котором люди всегда нуждаются, кто уничтожит друга, объявив его врагом?

Регис увидел, как его собственный ужас отразился на других лицах по всему Залу Совета, и его мозг, обученный мыслить сразу на нескольких уровнях одновременно, осознал высший смысл слов Дониспара. Дарковер лесной мир, и без леса мы погибнем. Это значит, что не будет укрытий для животных, не будет хлеба в тех областях, где не вызревает зерно, не будет меха для теплой одежды, не будет топлива в тех местах, где люди без огня замерзают. Гибель леса отнимает у нас смолу, фосфоресцирующие вещества, фрукты для вина и последние участки почвы, только леса удерживают в горах те крохи пахотной земли, которую дождь и снег все время сносят в долины. Без лесов половина Дарковера быстро превратится в замерзшую пустыню, голодную и безжизненную.

— Вы можете произносить прекрасные речи насчет того, что вы охраняете нашу свободу от

Земной Империи, — сказал один из торговцев. Он посмотрел на членов Совета и особенно на Региса, оба Хастура были настроены по-боевому. Вы также имеете право на свою политику, хотя я утверждаю, что вы сможете быстро извлечь пользу из многих вещей землян, если вы достаточно богаты, вы можете позволить себе это. К примеру, самолет, на котором охранники прилетели сюда, вместо того, чтобы перевалить через горы на лошадях и на санях! Я не хочу утверждать, что вы совершенно неправы. Но каждый, кто примет руку помощи, должен последовать по тропе того, кто помог ему. Но что это за дело, которое вы хотите вытребовать и которое называется свободой, ваи дом им? Разве мы еще недостаточно принесли жертв? Должны ли вымереть все горцы, прежде чем вы попросите землян принять этот умирающий мир в свою Империю? Мы можем быть в этой Империи главным пунктом, и это очень важно. Почему бы им не дать нам как можно больше доказательств?

— Это нас не интересует, — ответил Дониспар. — Мы еще меньше желаем видеть здесь землян, чем вас, Лорды. Однако, нам нужно больше помощи, чем вы можете дать нам. У них есть летающие машины, химикалии, быстрая связь. В

основном об этом и идет речь.

— Вы хотите, чтобы на нашей планете были дороги, фабрики и машины? Вам нужен еще один Торговый Город в Геллерах, Даниспар? — спросил старший Хастур.

— Я не хочу этого, Лорд, Я однажды уже видел окраину Торгового Города, там скверно пахло. Однако, это все же лучше, чем смерть всего нашего народа. Нам нужно получить помощь и как можно быстрее — и нам теперь все равно, откуда мы ее получим, лишь бы вообще получить!

И, как знал Регис, земляне охотно помогут. Таким образом Империя включила в себя планету за планетой. Плохие урожаи или эпидемия, или пара смертельных случаев, случайно, во время голода, и гордый мир больше не желает подчиняться строгому закону, согласно которому выживает сильнейший, когда он однажды узнает, что этому существует альтернатива.

Кажется, что сами Боги дали нам это.

Сначала ушли телепаты, один за другим, в кровавой вражде, или стали стерильными от браков между родственниками. Они гибнут от несчастных случаев или от рук убийц. Наша древняя наука умирает от недостатка телепатов, работающих с матрицами.

Теперь наши леса.

Скоро у нас не будет лесов.

Но почему? Кто в этом виноват?

Все это делается очень быстро. Но это не дело рук Богов.

Кто-то сделал это своей целью. Кто-то хочет убить Дарковер. Не то, чтобы он умер своей естественной смертью, а именно убить его.

Но кто хочет уничтожить целый мир? Кому это нужно?

Делегация горцев изложила свои жалобы и теперь все ждали, когда слово возьмет Регис. Даже его отец устремил на него взгляд.

Но что он мог сказать?

— Вы должны получить помощь для решения проблемы лесных пожаров, ответил он наконец, — придет ли она с Земли, от Земной Империи, или от кого-то другого. Я еще не готов просить землян объявить Дарковер открытым миром. Мы все еще можем заплатить за помощь; Если это будет необходимо, я отдам для этого все свое личное состояние, — он даже взглядом не удостоверился, согласен ли его дед с этим смелым обещанием. Ему этого не требовалось, потому что это было единственное, что он мог сделать. Часть платы мы можем возложить на дворян из долин.

Один из членов Пандарковерской Лиги воскликнул:

— Вы хотите, чтобы мы уничтожили сами себя? Если мы получим от Империи статус открытого мира; мы сможем потребовать этот вид помощи как наше право, и инопланетные вкладчики поддержат нас.

Регис сухо ответил:

— Я благодарю вас за лекцию о началах экономики, господа. Я убежден, что вы основательно изучили эту проблему, но я, право, не знаю, подразумеваем ли мы одно и то же под тем, чем мы должны пожертвовать, — его серые глаза жестко пронизывающе уставились на жителя равнины и тот был вторым человеком, который опустил свой взгляд.

Это отсрочка, думал Регис, а не победа. С пожарами можно покончить, если только это просто несчастные случаи, или ряд естественных катаклизмов. Вернемся к тому, что телепаты погибают один за другим — и мои дети тоже, снова с мукой подумал он и попытался как можно четче представить себе два маленьких нежных личика, двух малышей, лежащих в гробиках — или что в этом виновна неизвестная сила, нарушающая равновесие сил на Дарковере и, вероятно, необ-

ратимая. Дарковерцы могут продолжать жить так же, как жили веками и умереть — или так радикально измениться, что для большинства это будет всего лишь другой формой смерти.

Существует ли вообще какая-нибудь надежда? Или все мы обречены на гибель?

Собравшиеся встали и покинули помещение. Регис знал, что решение, которое он сегодня принял, оговаривалось лично им, и оно теперь тяготило его еще больше, чем прежде.

Он остановился, чтобы Дониспар из леса Дарриела смог сказать пару дружеских слов. К другим дворянам из Пан Дарковерской Лиги он проявил обычную вежливость. Но с чувствительным и гордым горцем он должен был поговорить лично. Когда он отошел от старейшины, то заметил, что Линнеа все еще стоит возле него. Хотя она не касалась его (физические контакты в обществе телепатов, кроме сексуальных и экоциональных порывов, очень редки), она все же была в пределах досягаемости его особых способностей. Он повернулся к ней и улыбнулся.

— Это не будет вашим последним заседанием Совета, но я осмелюсь утверждать, что до сих пор это было великолепно.

Она серьезно кивнула.

— Бедные люди, — прошептала она. — Это мой собственный народ, Лорд Регис. Люди из наших деревень, а я не имела об этом понятия, я уже так давно нахожусь, в долине. Как это ужасно! И для вас это ужасно, Регис… Регис, я ничего не слышала о ваших детях… — она широко раскрыла глаза. Их взгляды встретились и тотчас же разошлись. Линнеа внезапно взорвалась. Оставь меня, возьми себе других!

Он медленно поднял руку и погладил ее по лицу. Так же, как и девушка, он был слишком взволнован, чтобы говорить. На мгновение время для них остановилось, и они вместе оказались вне этого мира, тесно связанные друг с другом, как во время акта любви.

Для Региса это было новое ощущение, хотя женщины тянулись к нему всю жизнь. Конечно, многие из них имели для этого свои причины. И телепат не мог игнорировать эти причины. Некоторые пытались соблазнить его своим положением и властью, еще большее число были необычайно красивы и влюблены в его жизнерадостность и — он это знал — в его весьма своеобразную духовную личность. Он был циничен в обращении с женщинами, хотя он и брал то, что ему предлагали. Особенно в последние годы

он ожидал и даже требовал от молодых телепаток его расы повышенного старания.

Само предложение было не ново. Не ощущая никакого высокомерия, он знал, что может иметь любую женщину, какую ему захочется, но следствием этого было то, что существовало очень мало женщин, которых он хотел.

Но впервые девушка его собственной касты — а Линнеа, это постепенно доходило до него, была выдающейся телепаткой — подошла к нему с такой простотой. Это было не сострадание, а полное восприятие его собственных чувств.

Ничто не указывало на то, что она, принадлежавшая к одному из малых Домов, хотела приобрести положение, родив Хастуру ребенка, обладающего ларан-способностями. Она не требовала ничего, кроме глубокого проникновения в подсознание и это скорее отталкивало его, чем привлекало.

В этом не было ничего необычного. Линнеа чувствовала, как тяжела его жизнь. Она полностью разделяла его эмоции и хотела облегчить его жизнь. Поэтому она предложила то, что могла дать.

В ту пару секунд, пока все выходили, мир изменился для них обоих. Потом колеса Вселенной

снова начали вращаться, они вернулись назад и стали обычной игрой. Регис вздохнул, оторвал руку от ее щеки, опустил ее, нагнулся и поцеловал в губу. С бесконечным сожалением он сказал:

— Не теперь, любимая. Мы насладимся друг другом позже — а в данный момент мы находимся тут, чтобы работать в матрикс-группе. Как я могу потушить еще один огонек в нашем мире?

Она серьезно кивнула. И с нежным пониманием ответила:

— Я знаю. Если многие покинут свои посты одновременно, мы, может быть, станем именно тем, чем нас называют земляне — миром варваров.

Руки ее разошлись в стороны. Ей не нужно было никаких обещаний, никаких клятв, чтобы доказать то, что было его частью. Регис еще раз взял ее руки и внезапно почувствовал страх.

Ребенок Линнеа будет невероятно ценным, чтобы подвергать его опасности.

Нужно ли мне бояться за нее? Будет ли она следующей целью убийц?

6

Чири вышли из леса, оцепенелые, с дикими глазами. Даже на Дарковере, где люди и полулюди с доисторических времен жили бок о бок, это событие привлекло толпу. Приглушенное бормотание удивления и ужаса пронеслось по улице. Гордое, высокорослое существо медленно и целеустремленно двигалось по мощеной мостовой, на которую еще никогда не ступало существо его расы.

Чири были легендой, в которую большинство людей верило только наполовину. Как только распространились слухи о том, что одно из чири во плоти двигалось по улицам Ариллина, люди вышли из домов, чтобы посмотреть на него.

Казалось, его против воли тянуло к какой-то неведомой цели. Нечеловеческое существо двигалось к выступающей в небо башне Ариллина.

Оно двигалось все медленнее и медленнее и, наконец, остановилось. Оно повернулось к толпе и произнесло что-то похожее на просьбу. Голос его был чистым, ясным и красивым, как об этом говорилось в легендах, но слова были совершен-

но непонятными, люди просто стояли и глазели на него. Наконец один старик в одеянии ученого сказал:

— Пропустите меня, я думаю, оно говорит на древнем наречии каста. Я видел его описание в старых книгах, и хотя я до сих пор никогда не пытался говорить на нем, теперь я это сделаю, — толпа освободила место для старика. Он низко поклонился чири. — Вы оказываете нам милость, благородный! Чем мы можем помочь вам?

Чири ответило медленно, словно слова его заржавели от того, что их долго не употребляли.

— Я… очень чужой в этом месте. Я был… следующего слова никто не понял. — Здесь есть Хастур. Вы можете провести меня туда, где он находится?

Старый ученый ответил:

— Если вы соблаговолите следовать за мной, благородный, — и он направился к башне. Позже он рассказывал своим друзьям: «Оно смотрело на меня и я заметил, что оно боится, боится таким образом, какого не знал никто из нас. У меня все еще дрожат ноги, когда я представляю себе его страх! Что же это такое?» Регис Хастур сидел в комнате башни Ариллина и завтракал. Сразу оке после этого он хотел вернуться назад, в Тендару,

на самолете, на котором он прибыл. Юный служитель башни, юноша лет семнадцати, подошел к двери его комнаты.

— Ваи дом…

Регис обернулся и вежливо спросил: — В чем дело, Мартон?

— Лорд, там у ворот башни чири, и оно хочет говорить с вами, с Хастуром.

— Чири? — Регис рассмеялся. — Я все еще иногда допускаю ошибки в языке Ариллина. Я не понял. В Тендаре мы называем их кирри, этих слуг-нелюдей. Ты не знаешь, что ему нужно?

— Нет, мой Лорд, не кирри, — Мартон испугался. — Разве кирри могут быть так дерзки! Нет, Лорд Регис, чири, существо древнего и прекрасного народа лесов.

Регис был поражен и произнес: — Если это шутка, то она отпущена в самый неподходящий момент, — но второй взгляд на юношу убедил его, что Мартон был так же удивлен и недоверчив, как и он сам. Он без дальнейших колебаний поднялся и спустился вниз, к основанию башни.

Чири! Уже во времена его деда рассказывали, что только немногим из этой самой старой расы на Дарковере удалось выжить и укрыться в дремучих лесах. На памяти людей никто из них

никогда не выходил из леса. Существовали странные истории о людях, заблудившихся в лесу, потому что они были ранены или их застала там ночь. С неизменной дружелюбностью им помогали чужие руки и нежные голоса. Им указывали верный путь — и все.

Регис вышел из темного коридора к подножию башни, и при бледном свете восходящего солнца он впервые увидел чири.

Оно стояло на мостовой, окруженное небольшой группой удивленных, покрытых мехом слуг-кирри, одетых в мундиры городской гвардии, и парой прохожих и выглядело прекрасным и крепким, как высокорослый юноша или даже как очень высокая молодая девушка, только черты лица, очень тонкие, бледные и нежные, не могли быть чертами лица человека. Голова была почти таких же размеров, как у Регис.

Его роскошные волосы мерцали золотом и серебром. Оно медленно повернулось к Регису с такой красотой и грацией, какой не могло быть у людей. Регис поднял глаза и встретил взгляд чири.

Глаза чири были светло-серыми, с серебристыми искорками в глубине и, когда Регис заглянул в эти нечеловеческие глаза, он перестал думать

о непонимании, удивлении, благоговении, поклонении и старых легендах. Он понял, что чири было всего лишь юным существом, очень смущенным чуждым ему видом города, очень юным, очень диким и очень испуганным. С непроизвольной симпатией Регис протянул руку и произнес на каста, архаичном и мало используемом языке Доменов Комина:

— Бедное существо, как ты сюда попало? Я Регис Хастур, внук Хастуров, и я к твоим услугам. Не хочешь ли ты уйти с холода и от всех этих глаз? — добавил он.

— Я благодарю тебя, молодой Хастур, — медленно и запинаясь ответило чири. Регис вежливо отступил назад, чтобы пропустить своего странного гостя. Движением руки он отослал стражников и всех остальных. Он провел чири в одну из маленьких приемных в цоколе башни — помещение из белого, просвечивающего камня со светлыми, светящимися драпировками. Данило последовало за ним. Регис указал на кресло, но нечеловек, казалось, не заметил этого жеста и остался стоять. На своем медленном, запинающемся, архаичном наречии он произнес:

— Мы в Желтом Лесу узнали, что ты, Хастур, ищешь таких вот, обладающих древними сила-

ми, чтобы изучать эти силы, чтобы больше узнать о них, откуда они берутся и у какого народа они имеются.

— Это правда, — Регис обратил внимание, что чири, казалось, уже имитирует его собственный акцент и что оно ве ликолепно понимает его. — Но как вы узнали об этом в Желтом Лесу, благородный?

— Мы, чири, по крайней мере то, что осталось от нас сегодня, знаем многие вещи, Лорд Хастур. И представь себе, что к тебе пришел один из нас, чтобы помочь в поисках, если ты этого захочешь. Я тут самый молодой и считается, что я лучше всех смогу вынести разлуку с лесом и жить среди людей, поэтому мне приказали идти и делать то, что ты прикажешь.

— Как же ты добралось сюда? — удивленно спросил Регис.

— Я добирался сюда много-много дней, Регис Хастур. Сначала я пришел в Армиду, потому что мои люди знали этот молодой народ еще поколение назад. Они ушли, все Элгадоны, и поэтому я пришел сюда.

Данило выступил вперед, сделав Регису знак. Он ничего не сказал вслух, а связался с ним и передал:

— Ты уверен, что можно доверять этому нечеловеку? Ты уверен, что здесь нет ловушки?

— Здесь нет никакой ловушки, — сказало чири, повернувшись к Данило и улыбнувшись ему. — Я не связываюсь с врагами твоих друзей. До сегодняшнего дня я никогда не говорил ни с одним человеком из твоего народа, Данило.

— Ты знаешь мое имя?

— Извини меня — я не знаю ваших обычаев — это невежливо, произносить имя?

— Нет, — озадаченно ответил Данило. — Я только удивлен, что тебе оно известно. Ты, вероятно, выдающийся телепат, самый лучший из всех, кого я знаю среди нелюдей.

Светло-серые глаза чири на минуту задержали взгляд Данило. Потом чири улыбнулось и сказал Регису:

— Ты должен быть счастлив, что у тебя такой друг. Он очень любит тебя и защищает твою жизнь. Подтверди ему, пожалуйста, что я не сделаю ничего плохого ни тебе, ни твоим людям. Я не могу этого сделать, даже если бы хотел.

— Я знаю, — Регис внезапно почувствовал, что ему тепло и уютно. Он слышал много историй о чири, об их красоте и дружелюбии, и хотя существо, находящееся здесь, было молодым и

испуганным, Регис знал, что оно не представляло никакой опасности.

Данило открыл рот, собираясь что-то сказать. Потом он перевел взгляд с чири на Регисa и сделал удивительное открытие. Нечеловек был почти на целую голову выше его, он был строен, его лицо было узким, бледным, шестипалые руки казались не по-человечески длинными и грациозными.

И, однако, было в нем какое-то сходство, еще более подчеркиваемое преждевременно посеребрившими волосами Регисa, подкрашенными и известными на Дарковере как стрижка Комина.

Некоторые из этих древних семей, как говорили, были породнены с чири. Я хорошо могу себе это представить.

Регис спросил: — Тогда ты готов вернуться с нами в Тендару?

— Поэтому я сюда и пришел, — ответил чири, быстро оглядевшись вокруг, словно поддавшись панике. Я не привык быть… внутри стен.

Бедное существо, что же с ним станет в самолете?

— Я позабочусь о тебе, — сказал Регис. — Ты не должен бояться.

— Я боюсь, потому что все вокруг чужое, а я никогда не покидал леса, ответило чири, это при-

знание вызвало у Регисa еще большую симпатию к этому существу. — Но теперь я уже не боюсь и я в полном вашем распоряжении.

Регис осведомился: — Как тебя зовут?

— Мое имя очень длинное и вам трудно будет его произносить. Когда я был маленьким, меня звали просто Керал. Вы можете называть меня Кералом, если хотите.

Регис позвал слугу и приказал ему, чтобы он позаботился о том, чтобы самолет был подготовлен к полету. У него кружилась голова.

Он был здесь только несколько месяцев с тех пор, как Медицинская Служба Земной Империи начала осуществление своего проекта и занялась изучением парапсихологических сил. Не больше полудюжины дарковерцев согласились добровольно сотрудничать с ней. И теперь вот чири предложило самого себя, чири, член древнейшей и наименее изученной нечеловеческой расы на планете Дарковер, существование которой человечество, не считая старых историй, бывших не более чем просто легендами, всегда считало почти чистым вымыслом. И в течение многих столетий эти существа скрывались даже от Комина!

Как же оно пришло сюда и чего хотело от лю-

дей?

Регис осознал, что он так и не мог определить, было ли существо, пришедшее из леса, мужчиной или женщиной. В своей безопасности, силе и уверенности, с которой оно успокоило Данило, оно казалось мужчиной. Однако, нежность голоса, волнистые волосы и легкая одежда, робость и потребность в защите, которая, была заметна, когда оно проходило в дверь, и чуть было не вспыхнувшая паника, когда оно оказалось в руках у Региса, выдавали в нем женщину.

Имеют ли чирк какие-нибудь половые различия? Старая шутка о нелюдях кралмаках, стала на Дарковере поговоркой.

Пол кралмаков не интересует никого, кроме самих кралмаков. Такими же бесполыми должны быть и чири, подумал Регис.

Я не должен забывать, что Керал нечеловек. С того мгновения, когда он заговорил со мной, он, казалось, был человеком и даже был мне ближе, чем большинство людей, которых я знаю.

Ничего странного, что легенды рассказывают о людях, умерших от любви, после того как они увидели в лесу чири… в страстном желании голоса, красоты, какими не мог обладать ни один смертный… Регис испугался направлению, кото-

рое приняли его мысли. Он сказал Кералу:

— Мы скоро вылетим, — и пошел, чтобы попрощаться с дедом.

Больница была как больница на любом конце Галактики.

Дэвид проснулся рано и сразу не понял, где он находится, однако, прежде чем он открыл глаза, он почувствовал знакомое ощущение. Это была структура жизни, ставшая его вторым «я», душевная отстраненность практикующего врача, боль, от которой он должен был отделаться, наступающее излечение.

Потом он открыл глаза и вспомнил, что он находится на Дарковере, удаленном от его родины на бесчисленное количество световых лет, и если они поместили его в больницу, то это зависело не от доктора медицины, которого он всегда мог назвать по имени, а всецело от медицинской природы проекта.

Паранормальные и телепаты — и я являюсь одним из них! На какую это планету меня высадили?

Все, что он видел в этом мире вчера после посадки — космопорты везде были одинаковыми — была огромная, светящаяся пурпурная луна в полной фазе и маленький серп, низко нависший

на странно окрашенном ночном небе.

Свет здесь, внутри, был нормальным земным желтым светом, но когдаа он подошел к окну, он увидел высокие, зубчатые местные горы и огромное, пылающее красное солнце, уже стоящее высоко в небе. Он, прибыл поздно и ему дали выспаться. Вероятно, рано или поздно кто-нибудь заглянет к нему. Дэвид приложил так много усилий — он не возлагал особенно много надежд на проект. Дьявол, он даже не хотел знать об этих паранормальных способностях, уничтожавших выбранный ими путь, он хотел отделаться от всего этого.

Он повернулся спиной к чужому солнцу и горам и направился в ванную. Ну да, думал он, может быть этот проект поможет, а может быть и нет. Если он не поможет ему, может быть, он поможет кому-нибудь другому. Лечение — это как исследовательская работа — шанс исследовать редкую и аномальную болезнь. Как мадам Уюри, которая изучала свои собственные лучевые ожоги или Ланах на Веге-девять, который описал космическую гниль, сам буквально заживо гния при этом.

Как бы там ни было, не имело никакого смысла разочаровываться. Если его товарищи заняты в проекте телепатов, это их не особенно обрадует,

но и не разочарует, но это может поднять его собственный моральный дух. Приняв ванну и одевшись, он что-то вполголоса напевал про себя. Он был молод и против своей воли — любопытен.

Кафетерий при больнице, который ему показали еще вечером, в этот час был переполнен. Дэвид ненавидел толпу.

Он всегда терпеть этого не мог — это требовало от него слишком сильного напряжения, чтобы подавлять чувства, которые изливались на него, даже если он не хотел делить этого с присутствующими. Но, по крайней мере, это была знакомая толпа, хотя в ней были расовые и этнические типы, каких он никогда еще не видел. Врачи и медсестры, большинство из которых были одеты в халаты Медицинской Службы, украшенные палочкой эскулапа, несли на себе печать своей профессии. Многие были молоды и принадлежали к типу, который Дэвид счел дарковерским — темнокожие, с вьющимися волосами, наморщенными лбами, короткими, толстыми шестипалыми руками и серыми глазами.

Он почти уже покончил с завтраком, когда к нему подошел молодой рыжеволосый мужчина, одетый не в халат Медицинской Службы, а в зеле-

ную куртку и высокие мягкие кожаные сапоги.

— Доктор Гамильтон? Я вас узнал. Не хотите ли вы пойти со мной и присоединиться к нам? Меня зовут Данило. Вам понравилась еда? Это относится к тем вещам, которые мы не можем предугадать. Я знаю, здесь, в здании штаб-квартиры землян, можно создать освещение и силу тяжести вашего родного мира, но привычки и вкусы определенных продуктов питания… — он пожал плечами. — Я думаю, кухня здесь не может предоставить ничего, кроме небогатого выбора блюд, которые, к счастью, ни у кого не вызовут настоящего отвращения.

Дэвид рассмеялся про себя.

— В больнице это обычное дело. Фактически я привык есть то, что мне дают. Вы спросили меня, что я только что съел, но, клянусь, я не могу этого сказать, — он с любопытством смотрел на Данило. — Вы принадлежите к штабу Медиков? — юноша выглядел слишком молодым для врача, но возраст некоторых типов молодых людей на некоторых планетах было трудно определить.

Однако Данило никак не объяснил своего положения и только отрицательно махнул рукой.

— Пойдемте, познакомитесь с остальными, работающими над этим проектом.

— Они… э… уже здесь?

— Большинство. Дарковерцы разместились в городе. Но думается, по крайней мере сначала, мы будем помогать, здесь Джейсон… — голос Данило поднялся, и юный врач, шедший по прихожей, направился к ним. Он был коренастым и темноволосым и тотчас же направился к Дэвиду.

— Доктор Гамильтон? — спросил подошедший врач. Как прошло путешествие? Сам я никогда не покидал Дарковера — я родился здесь. Меня зовут Джейсон Элисон, — он протянул Дэвиду руку. Дэвид пожал ее и теперь понял, что он не заметил приветствия Данило. Дарковерский обычай?

— Как я вижу, Данило уже представился вам. Я связной между дарковерскими медиками и обучающимися с одной стороны, и людьми Медицинской Службы Империи — с другой. При этом нужно заметить, что я тоже врач, хотя я практикую не очень много.

Он прошел вместе с ними вперед, и Данило легко соразмерял свои шаги с их. Теперь, когда ему предстояла встреча с другими участниками проекта, беспокойство Дэвида снова овладело им. Команда, составленная из отверженных — и он был одним из них.

— Доктор Элисон…

Доктор Элисон улыбнулся.

— Джейсона достаточно. И я тебя буду называть просто Дэвид, если ты не против. Дарковерцы не пользуются титулами, если они не находятся на самом верху иерархии. Кроме Лордед не существует больше ничего. Ни мистера, ни мадам (и господина доктора в том числе). Во всяком случае, это упрощает дело.

Все это обязательно изменится, обязательно.

— Дэвид — окей, — безрадостно ответил он. — Я… я еще никогда не был знаком с телепатами…

Данило рассмеялся.

— А теперь познакомишься. Мы не кусаемся. Мы не читаем постоянно мыслей других людей. И, насколько я вижу, ты тоже не телепат. Ты эмпат, и вероятно обладаешь парой других пси-способностей.

Дэвид уставился на юношу и слегка покачал головой. Он должен ревизовать и поставить на место пару предрассудков. Данило сказал:

— Извини. Я вырос среди дарковерцев с ларан-способностями и автоматически обнаруживаю это. Ты тоже должен обладать этим, потому что я чувствую себя возле тебя уютно, это все. Поэтому ты один из нас.

Голова у Дэвида закружилась. Джейсон по-

просил:

— Потише, Дани. Дэвид, веришь ты мне или нет, я знаю, как ты себя чувствуешь. Мне вспоминилось, что как-то однажды я рассказал тебе о столкновении — это действительно было столкновение — с одним из Хастуров. Но вот мы уже пришли.

Это была длинная комната, ярко освещенная и с прозрачными драпировками, висящими и переливающимися, словно радуга. Дэвид окинул их взглядом. Его способности были такими само собой разумеющимися для него, что он верил, что каждый обладает ими и они не стоят упоминания.

— Впечатления страха света, исходящие от высокорослой девушки у задней стены, высокой не девушки, не юноши с массой длинных распущенных, светлых волос, стройной бесполой фигуры — человеческой?

— Высокая, властная женщина, согнутая годами, но с таким выражением превосходства, словно она была молодой и царственной.

— Стройная, кажущаяся чувственной, угрюмая девушка, откинувшаяся в кресле, взгляд ее, как мышь, бегает по комнате и скользит между мужчинами.

— И снова: страх (свет), страх высокой девушки (юноши) со светлыми волосами, в длинной одежде. Это все?

— Вы Дэвид Гамильтон, — сказал стройный молодой мужчина. Дэвид каким-то образом понял, что волосы его поседели преждевременно. — Я — Регис Хастур. Я очень рад, что вы прибыли, Дэвид Гамильтон. Никогда еще не придпринималось ничего подобного, мы можем забыть о земном медицинском образовании. Люди, которые владеют телепатией, не нуждаются в развитии медицины и, насколько мне известно, они также не нуждаются в ее услугах. Во всяком случае, мы не нуждаемся. И земные медики не уверены, существуем ли мы. Им, в конце концов, пришлось уступить, но это им не нравится — за исключением присутствующих здесь, — добавил он, бросив дружеский взгляд на Джексона Элисона.

— Меня доставили сюда в качестве врача?

— О, да. Как только вы овладели этой способностью, вы должны были стать на редкость хорошим врачом, это мы знаем, — объяснил Регис. — И потребуется совсем немного времени, чтобы вы научились исключать нежелательные контакты. Этим любой член Комина овладевает за пару недель. В этом вам окажут помощь все

присутствующие телепаты. Ваша проблема заключалась в том, чтобы никто не мог показать вам, как контролировать ваши способности. Счастье, что когда мы обнаружили вас, вы были еще молоды. Множество изолированных телепатов в нетелепатических культурах сходят с ума и становятся никому не нужными. Мы обнаружили это, когда штаб-квартира проекта начала поиски таких, как вы. И теперь у нас есть кое-кто, являющийся квалифицированным врачом — поэтому мы очень рады, что обнаружили вас.

Это было похоже на внезапно появившееся черное облако. Дэвид не однажды уже спрашивал себя, каким образом Регис узнал о его всеобъемлющем страхе? Но он же и не пытался скрыть ощущения, которые искажали его лицо судорогой страха. В первый раз в своей жизни он расслабился и сосредоточился на потоке ощущений, которые доставляли ему его возросшие способности к восприятию. Джейсон спросил:

— Разве тебе не сказали, Дэвид? Иди, учись тому, что знают другие. Ты последний в этой группе, прибывшей с другой планеты. Может быть, позже сюда прибудут другие телепаты, но сейчас здесь все, кого удалось обнаружить в Империи. Рондо…

Маленький сгорбленный человек встретил взгляд Дэвида быстрым взглядом своих серо-голубых глаз. Потом он почти незаметно пожал плечами.

Это один из праведников, ничего интересного. Дэвид, который не имел никакого опыта в общении с людьми из подпольного мира, типа Рондо, был поражен его почти враждебным отношением.

Мужчина в костюме, казалось, погрузился в апатию, но он вежливо встал и протянул руку Дэвиду.

— Очень рад, доктор Гамильтон. Меня зовут Дэвид Коннер.

— Тогда мы тезки, — улыбнувшись, ответил Дэвид. В голове у него промелькнуло: не психотик? Что с ним? Тип Коннера, по крайней мере, был ему знаком. Он был высок и худ, преждевременно облысел, кожа была коричневой, почтя черной, темные, блестящие глаза, теперь помутневшие от апатии и потрясения, ведущий себя наполовину цивилизованно. Он не был враждебен, но Дэвид с дрожью понял, что Коннер и ухом не поведет, если все вокруг него вдруг умрут. Он даже позавидовал ему.

Джейсон повел его дальше.

— Керал.

Высокий юноша-девушка, на два дюйма выше Дэвида, быстро и грациозно повернулся. Дэвид увидел ясные глаза, глубокие, как текущая вода, услышал светлый, приятный голос, похожий на голос девушки, который мягко и без всякого акцента произнес:

— Вы-оказали-нам-любезность-тем, что вы прибыли-сюда, Дэвид Гамильтон.

— Кто и что?

Джейсон прошептал ему на ухо:

— Чири, племя Дарковера. Большинство из нас думали, что оно не существует, пока одно из этих существ ни вышло из леса и примкнуло к нам.

— Он… и?

Джейсон воспринял смущение Дэвида.

Позже Дэвид часто спрашивал себя, приблизился ли Джейсон Элисон, сам не зная об этом, достаточно близко к телепатам, чтобы улавливать мысли. Дэвид так до конца никогда и не выяснил этого.

— Он или она, ты имеешь в виду? Я тоже не знаю этого.

Может быть, Р.С.- сокращение, которым Медицинская Служба Империи обозначает Разумные Существа — и не стоит спрашивать, какого оно

пола: он, она или оно. Не стоит, если не имеешь представления, как оно отреагирует на это. Может быть, Регис знает.

Взгляд Дэвида снова вернулся к чири. Керал посмотрел на него и впервые улыбнулся. Это была чарующая улыбка, осветившая испуганное лицо, и чири своим светом и блеском осветил помещение. Дэвид спросил себя, как другие могли отвести глаза от нее… от него… проклятье!

Коннер встал и подошел к Дэвиду. Он тихо сказал ему на ухо:

— Когда побываешь на дюжине планет и увидишь несколько различных культур, привыкаешь ко всему. Ты будешь прав, если однажды попытаешься улыбнуться соблазнительной девушке, привлекшей твое внимание и переживешь неприятное удивление, когда обнаружишь, что это очаровательное существо оказывается местным воином. Культуры иногда выдают смешные штуки.

Он рассмеялся. Дэвид рассмеялся тоже и почувствовал некоторое облегчение. Итак, апатия Коннера не постоянна, потому что в это мгновение космонавт казался нормальным человеком.

Коннер продолжал все тем же дружелюбным, доверительным тоном:

— Но берегись при этом допустить ошибку…

Недовольная девушка с осознанной и наигранной заинтересованностью взглянула на Дэвида. У нее были густые светлые волосы, уложенные в искусную прическу и словно для кого-то, кого она должна была предупредить о холодном и бурном климате Дарковера, ее одежда выглядела так, будто она сама хотела замерзнуть до смерти. Однако, как сказал Коннер, культуры на различных планетах имели различные точки зрения на нормы поведения женщин и, несомненно, какое-то основание для того, чтобы девушка выставляла себя напоказ таким образом. Она ослепительно улыбнулась и сказала:

— Хелло, Дэвид.

— Который Дэвид? — спросил Коннер и Дэвид Гамильтон подумал — он ревнив!

Девушка по имени Миссии вздохнула:

— Вы оба, конечно, — она задержала руку Дэвида немного дольше, чем нужно, но рука ее была холодной и мягкой, и это противоречило взгляду, полному чувственности и заинтересованности, который она бросила на него. Ложь, холодно и точно определил Дэвид. — Я уже думала о том, как это будет возбуждающе, познакомиться с вами. Такое приключение! — Еще одна ложь!

Чего она хочет?

Джейсон прошел дальше, а Коннер опустился в кресло рядом с Мисси. Он, очевидно, старался взять себя в руки.

— Меня, как обычно, оставили напоследок, — произнес жизнерадостный голос.

Это была пожилая женщина, и она была еще старше, чем предполагал Дэвид. Лицо морщинистое, щеки запали, но фигура была такой же стройной, как раньше. На ней была прелестная длинная накидка из плотной темно-синей материи, а поверх была накинута шаль из меха. Ее руки, узловатые и высохшие от старости, все еще грациозно двигались, а голос был чистым и светлым. Взгляд ее скользнул по Мисси, но не с завистью старости к молодости, а словно эхо собственного любопытства Дэвида, Потом она повернулась к Дэвиду.

— Вас уже прогнали сквозь этот строй. Я — Дезидерия из Сторна; если я невежлива, извините меня, я еще никогда не находилась среди такого количества землян. Однако, как говорят в горах, никто так не юн, чтобы ему рано было учиться и никто так не стар, чтобы ему было поздно учиться. Итак, нам хочется знать, чему мы можем научиться друг у друга. Вероятно это будет

больше, чем мы ожидали. Я стара, чтобы тратить время на ожидание. Джейсон?

Доктор Элисон сказал: — Регис, это к тебе… Ты эксперт.

— Но я не совсем эксперт, — ответил Регис Хастур.

Дэвид удивился тому, что он, не двигаясь, не повышая голоса, привлекает к себе всеобщее внимание. Впервые в голову Дэвида пришло, что, может быть, даже совсем неплохо быть искусным телепатом, который может использовать скрытые силы своего мозга.

Регис сказал:

— Как это известно большинству из вас, однажды на этой планете стало слишком много телепатов. Теперь же они редки и они большей частью утратили свою силу. И теперь они или не могут передать свой талант по наследству, или не могут использовать его из-за недостатка знаний. Мне до некоторой степени известно, что я могу сделать с собственными способностями. Я точно знаю, что они такое и как я их использую, и я могу предположить, что большинство из вас находится в такой же ситуации. С помощью этого проекта, который в данное время является лишь небольшой попыткой, мы хотим установить,

какими способностями обладает каждый из нас, как и почему мы их получили, насколько они совершенны, играет ли обучение какую-нибудь роль в их улучшении и так далее. Короче говоря, мы хотим обнаружить, из чего складывается телепатия. Как нам начать — я не имею никакого представления. У каждого из нас есть свой собственный опыт. Каждый в отдельности охотно внесет в это свои мысли и ответы, и мы исследуем каждую мысль, имеющую хотя бы отдаленную связь с этим делом. Тем временем… — он сделал вежливый жест, — считайте, пожалуйста, себя моими гостями и если у кого-то из вас появится какое-то желание, ему надо будет только сказать об этом.

— Тогда, как единственный нетелепат в этой группе, — вмешался Джейсон, — я предлагаю, чтобы мы начали, как обычно начинают свои дела земляне. О пси-способностях болтают множество суеверной чепухи. Первое, что сделали бы земляне, если они наткнулись бы на что-то непонятное, это измерили бы это. Если все с этим согласны, я с помощью Дэвида Гамильтона исследую каждого из вас в отдельности, чтобы установить, обладаете ли вы общими физическими признаками, например, заметной

электрической активностью мозга или особым излучением. Потом я попытаюсь замерить ваши пси-силу хотя я уже теперь считаю, что мы не сможем получить верной шкалы отсчета. Нельзя измерить то, что не имеет соответствующих масштабов. Но, может быть, один из вас все же поможет нам определить эти масштабы. Дэвид, я хочу начать с тебя, а потом ты поможешь мне с исследованием других. Лаборатория, предоставленная в наше распоряжение, находится двумя дверями дальше. Мне очень жаль, что остальным некоторое время придется подождать, но это продлится недолго.

Они прошли в небольшую лабораторию, на двери которой была табличка «Спецпроект. А. Д-р Элисон.»

— Что это такое? — спросил Дэвид у Джейсона. — Ты запустил в компьютер мою историю болезни, начиная за полгода до того, как я, будучи студентом медицинского колледжа, на четвертом году обучения (во время игры в теннис) сломал мизинец на ноге. Я знаю, что это досье последовало за мной на Дарковер. Тебе так же мало нужны результаты исследований, как мне — вторая голова.

— Виноват, — рассмеялся Джейсон. Он подошел

к считывающему устройству на столе. Назвал имя Дэвида и номер его договора с Земной Империей. Впрочем, тебе сказали, что ты занесен в платежную ведомость Медицинской Службы? Нет? Я искал случая, чтобы сообщить тебе об этом. А теперь мне хочется получить электроэнцефалограмму. Обычно при помощи нее определяют, нет ли у человека эпилепсии или повреждения мозга, и если у тебя есть то или другое, я это узнаю. Мне нужны будут энцефалограммы всех... — говоря это, он прикрепил к черепу Дэвида узкие электроды. — А позже, когда вы попробуете свои телепатические способности, я проверю, не выделяется ли при этом измеримое количество энергии. Сердце, легкие и желудочно-кишечный тракт мы в данное время можем оставить в покое. Сюда, ложись сюда, — он включил аппаратуру, Пару минут полежи спокойно.

Некоторое время спустя, когда он вынул ленту из считывающего устройства, то произнес: — Я умираю от желания заполучить в свои руки чири.

— Они человекоподобные?

— Этого никто не знает, даже на Дарковере. Я сомневаюсь, чтобы землянин когда-то говорил хоть с одним из них. Если да, то мне об этом неиз-

вестно. К счастью, мне разрешили держать этот проект в тайне, но все же медицинский штаб следит за этим бедным существом, конечно только из любопытства, все-таки новый экземпляр.

— Я могу себе это представить, я должен признать, что мне тоже очень любопытно, — Дэвид не сказал, что чири интересует его не только как медика.

— Я ребенком пару лет прожил с нелюдями, лесными жителями, — продолжал Джейсон. — Потому, пару лет назад, уже находясь в Медицинской Службе, я боролся с ужасной эпидемией, разразившейся среди них, — голос его звучал как-то горько. — О, штаб-квартира землян была очень обходительна с ними, с лесными жителями. Было сделано все, что возможно, чтобы они чувствовали себя как дома. И, несмотря на это, они — экземпляры в зоопарке. Может быть, надо быть дарковерцем, чтобы жить вместе с нечеловеческой расой и принимать их как нечто само собой разумеющееся, прежде чем начать смотреть на них как на людей.

— На Дарковере существует много нечеловеческих рас?

— Насколько мне известно, по крайней мере, четыре, ответил Джейсон, и я убежден, что есть и

другие, о которых я ничего не знаю.

Дэвид на некоторое время задумался над этим. Потом он спросил:

— Может быть, именно поэтому здесь находится так много естественных телепатов? Телепатия может быть единственной возможностью общения с нечеловеческими разумными существами.

— Это точка зрения, которая не приходила мне в голову! — воскликнул Джейсон. — Поэтому мне и нужно собрать всех в этот проект. Никто, кроме телепатов, не может знать — как это выразился Регис? — откуда взялись телепаты. Нужно ли нам теперь изучать остальных?

Первую половину дня они большей частью занимались рутинной работой. Для Дэвида это обыденное начало проекта, который он представлял себе весьма экстравагантным, было успокаивающим. Оба врача не обнаружили почти ничего, чего бы им уже не было известно. После небольшого обеда они просмотрели электроэнцефалограммы у дарковерцев, и у чужаков, таких, как Коннер. А его телепатические способности явно не врожденные, а судя по его предистории приобретенные. Она была похожа на остальные но в ней были кое-какие особенности, подобные тем, что возникают при врожденной мигрени и

психомоторной эпилепсии. В меньшей степени то же было и у Дэвида, у Рондо и Данило также были обнаружены следы этого. Самым удивительным было то, что электроэнцефалограмма, снятая у Регис Хастура, не показала ничего подобного. Обследование Дезидерии еще не было закончено, а за Мисси и Керала они еще не брались.

— Может быть, это и является тем таинственным фактором? — спросил Джейсон.

— Я сомневаюсь. Почему же тогда мы не зарегистрировали ничего подобного у Регис? Я считаю, что он, как телепат, представляет нечто уникальное, — сказал Дэвид. Он также уникален и во всех других отношениях, подумал он.

— Во всяком случае, он обладает уникальной привлекательностью, согласился Джейсон, и Дэвид громко рассмеялся. Ему показалось, что они уже давно знают друг друга.

— Джейсон, окажи мне любезность, позволь мне снять твою электроэнцефалограмму.

Джейсон удивленно посмотрел на него, потом усмехнулся и пожал плечами.

— Пожалуйста. В заключение все полученные нами результаты я скормлю большому компьютеру Медицинской Службы, и он установит, нет ли здесь каких-либо общих факторов в составе

крови или еще в чем-нибудь!

— Два общих фактора я могу назвать сразу же, — ответил Дэвид. У всех нас серые или голубые лица — и у дарковерцев, и у чужаков, таких, как Коннер. — А его телепатические способности явно не врожденные, а судя по его предистории — приобретенные.

Джейсон задумался.

— Несколько лет назад группа землян вместе с группой из Комина некоторое время вела исследовательскую работу по изучению телепатии и матрикс-механики — ты знаешь, что это такое?

— Я читал о дарковерской матрикс-технике — это недрагоценные камни, которые создаются из энергии прямым мозговым излучением без применения расщепления атомов или их слияния.

— Это так. Простые матрикс-приемы может использовать каждый, даже если он не телепат. Сложные же приемы требуют мощных телепатических способностей. Торговля этими камнями замерла, потому что недостаточно телепатов, которые могут обращаться с ними, из подобных же оснований телепатия представляет опасность и для профессиональных политиков. Поэтому публикуется так мало материалов о телепатах Дарковера. Но вот что я хочу сказать: в последние

сто лет все время предпринимались спорадические попытки работать вместе с телепатами Дарковера. Дарковерцы всегда отклоняли эти попытки, а сейчас, возможно стало слишком поздно. Сегодня уже получены первые результаты. По крайней мере, стало известно, что телепатия связана с рыжими волосами. Если ты увидишь рыжеволосого дарковерца, будь уверен — он телепат.

— Это значит, что телепатия связана с функцией желез, вырабатывающих адреналин, — произнес Дэвид. — Я могу сказать тебе еще кое-что, что у них у всех есть общего. Все они — эктоморфные типы.

— Это… извини, что такое?

— Физический тип — эктоморфный — это высокий и худощавый, мехаморфный — мускулистый, эндоморфный — толстый и округлый.

— Я не знал об этом, — Джейсон отодвинул свою тарелку. — Идем, убедимся, можно ли это сказать о других. По крайней мере, это можно было сказать о Дезидерии.

Пожилая дама была очень общительна. Она ослепительно улыбалась, когда позвали медсестру, чтобы помочь ей раздеться.

— В моем возрасте не стоит делать любезных

комплиментов, юноши.

Даже сестре стоило усилий сделать лицо, приличествующее ее профессии, а Дэвиду пришлось отвернуться, чтобы скрыть улыбку. Боже, какой очаровательной она была сорок или пятьдесят лет назад!

— Сколько вам лет? Это имеет значение для наших исследований, — спросил он.

Она ответила на его вопрос. Джейсон, уже давно знакомый с дарковерской системой летоисчисления, перевел это в стандартные годы Земной Империи, это составило девяносто два года. Дэвид осведомился: — Это правда, что у всех телепатов Дарковера рыжие волосы? Это значит, что чем рыжее волосы, тем больше способности к матрикс-работе и сильнее лара-одаренность, и мы установили, что это закономерно.

— Я принадлежала к небольшой группе девочек, которые вместе с некоторыми из землян обучались матрикс-работе. Посмотрим, помню ли я еще специальные выражения, — произнесла Дезидерия. — Раньше у меня была великолепная память, но посмотрите, как я стара, — она на мгновение замолчала. — У меня есть или было ясновидение, и великолепное яснослышание, по меньшей мере, в течение трех месяцев, а также

ограниченные телепатические способности — это значит, что я без помощи матрикс-техники могла передвигать силой мысли предметы, весом не более четырех гран, — заключила она. — Может быть записи об этом еще находятся в крепости Альдаран, если она не была уничтожена в войне. Если хотите, я могу навести справки об этом.

— Мы очень хотим, — горячо заверил ее Джейсон. — Есть среди вас, телепатов, кто-то толстый? Или вы все высокие и худощавые?

— Высокие и худощавые, или низенькие и худощавые, — сказала Дезидерия. — Здесь также значится: чем выше девушка, тем сильнее ее ларан-способности. Старейшины утверждают, что у некоторых телепатов из Комина в жилах течет кровь чири, а если все чири выглядят как Керал, в это можно поверить.

Джейсон и Дэвид сделали выводы из этого, прежде чем Дезидерия заметила, что она сказала что-то необычное. Оба врача посмотрели друг на друга. Дикое предположение пришло им в голову.

— Если возможно спаривание между людьми и чири…

— Это значит, что чири не нелюди, а один из подвидов человека, — сказал Дэвид.

— Это только легенда, — предупредила Дезидерия, — дошедшая до нас из доисторических времен.

— О, пожалуйста, расскажите нам об этих легендах! — Джейсон попытался скрыть возбуждение и отвернулся к машине. Он начал исчерпывающей лекцией как она функционирует, прежде чем укрепить на голове Дезидерии электроды, но та только махнула рукой.

— Хватит! У вас, землян, своя технология, а я слишком стара, чтобы быть очень любопытной. Пока меня не ударило током, я довольна, — она улыбнулась и откинулась назад.

Дэвид колдовал над выключателями и самописцами, когда без всякого предупреждения и без всякой связи по его телу словно пробежал электрический ток; Глубоко в его теле возникло сильное, интенсивное, почти болезненное желание, сексуальное пробуждение, сильная чувственность…

Шокированный и пристыженный, Дэвид глубоко вздохнул и выпрямился. Джейсон остановил работу. Он наморщил лоб, однако, казалось, ничего не заметил. Физическое волнение продолжалось. Дэвид обнаружил, что у него без всяких видимых причин произошла эрекция.

Что? Как?..

Нежные пальцы женщины касались его. Мягкие слова неслышно нашептывались на языке, которого он не понимал. Мягкость теплого, прекрасного тела под ним, вокруг него…

К дьяволу! Откуда это? При всех своих опытах с недобровольной телепатией дома в больнице, Дэвид никогда не ощущал ничего подобного этому, и это повергло его в глубочайшее смущение. Он чувствовал себя как половой извращенец. Дезидерия закрыла глаза, но Дэвид видел, что она тоже смущена.

Чувствует ли она то же самое? На мгновение ему показалось, что тонкая, хрупкая серая фигура старой женщины преобразилась, на ее месте лежит молодая, прекрасная девушка в облаке светящихся нежно-золотистых волос. Она улыбается с закрытыми глазами, сознавая свою женственность. Дэвид повернулся, желудок его мучительно подкатился к горлу.

Это распространилось как искрящаяся ткань, тонкая паутина. В комнате этого не было. Коннер в мучительном одиночестве молил о контакте — и внезапно Дэвид осознал: Коннер держит в руках Мисси, крепко вжимается в нее своим обнаженным телом, все глубже и глубже, пока не

происходит мощный взрыв…

Потом, когда его дыхание снова нормализовалось, он подумал — был ли у него самого оргазм? Нет, по крайней мере, не физически — Дэвид воспринял самый краешек тонкого как паутинка контакта: смущение Регриса, сальный смешок Рондо и вспышку, при которой он вступил в контакт с Кералом. Это устремилось в него и окутало все его «я».

Дэвид? Это было почти как голос и он принес ему утешение и удовлетворение. Я здесь, Керал. Я этого не понимаю, но я считаю, что этого не стоит бояться.

Дэвид все еще не пришел в себя. Дезидерия, не касаясь его, все еще действовала на него, как дважды экспонированный фотоснимок.

Открыл ли он глаза? Он не мог поклясться в этом — чарующая юная девушка (старая женщина) желанная, податливая. Словно по принуждению, Дэвид взял ее руку и нежно поднес к губам. Она открыла глаза и снова стала пожилой женщиной, а из ее серых глаз бежали слезы. Она положила руку на его щеку, и Дэвид заметил, что и у него тоже слезы. А потом помещение внезапно нормализовалось, захлестнувшая его волна сексуальности исчезла. Они были одни, не считая

не обращавшей ни на что внимания медсестры, которая молча ходила и убирала клочки газет и другой мусор.

— Нет, — прошептала Дезидерия. Дэвид подумал, что она разрыдается в голос, но она этого не сделала. Глубоко вздохнув, она снова восстановила самообладание. — Нет, Дэвид. Я старая, очень старая женщина. Это было… будь она проклята! Нет, это не так. Она юная, она, может быть, ничего не знает, и она, возможно, не давала обета.

Они оба услышали Регис — это была словно его мысленная молитва.

— …Я могу вынудить ее прекратить это, но она воспротивится мне, и мне придется использовать весь свой авторитет. Это ведь дарковерка, а я не хозяин лесного поместья.

Дезидерия тихо сказала:

— Чтобы эта глупая девчонка начала так рано! В случайно собравшейся группе телепатов вспыхнула ничем не сдерживаемая сексуальность, словно в свору кобелей-волков выпустили суку. Но это не привело к порядку. Дэвид, нужно ли мне сообщить вам пару фактов из ее жизни?

Снаружи до него дошли мысли Регис: «Сделай это, Дезидерия. Мы никак не сможем это использовать. Однако, ты должна понять, что

она никогда в жизни еще не была знакома с другими практикующими телепатами. Вероятно, она сделала это по своей невинности. Почему бы ей и Коннеру не обняться во время встречи, если им этого хочется? Но она должна понять, что нельзя излучать свои желания на всех окружающих. Проклятье, мне не хотелось бы, чтобы это произошло. Ты поговори с ней, а Дэвид может поговорить с Коннером.»

— Спасибо — я думаю… — иронически ответил на эту просьбу Дэвид, и удивился, услышав ясные и четкие мысли Регисса: — Я сам сделал бы это, но ты, по крайней мере, землянин. Меня он не станет слушать.

Внезапно Дэвид снова вернулся к реальности. Джейсон почему-то покраснел до ушей. Он пожал плечами.

— Я заметил, что что-то произошло, но не знаю, что.

Со смущенным взглядом Дезидерия ответила: — Я объясню тебе позже. Сейчас ты не поверишь этому.

— Кто же живет на Дарковере? — произнес Джейсон. Каждый день перед завтраком учишься верить по меньшей мере шести невероятным вещам. Я сам немного научился этому. Почему

она взялась именно за Коннера?

— За кого же еще? — произнесла Дезидерия. — Регис стоит намного выше ее, Данило ее не интересует, ты и Дэвид — вы делаете слишком много, Рондо стар и психопатичен. Керал жуток и по внешности не совсем мужчина. А для Мисси вполне нормально, если она немедленно вступает с кем-то в сексуальные отношения. Это один из методов выживания. Коннер молод и мужественен. Глупо только, что она так рано занялась этим.

Дэвиду стало неприятно, словно он попал под дождь. Ему показалось, что он разделяет нечто странное, особенно с Дезидерией и Кералом, но именно это странное сглаживало впечатление. Он почувствовал себя лучше и испугался этого облегчения, когда Дезидерия спросила:

— Если вам сейчас не надо никаких ответов, могу я воспользоваться преимуществом своего возраста и отдохнуть? Все остальные ответы вы получите позже.

— Конечно! — Джейсон сказал сестре: — Отведите леди в ее комнату. Потом вернитесь и приведите к нам Керала.

Джейсон и Дэвид молчали, пока не вошел чири. Дэвид поднял взгляд и вынужден был признать,

что он рад был видеть чарующую, лучащуюся улыбку Керала.

Керал вошел и послушно опустился на указанное ему место. Джейсон почти не понимал, с чего ему начать, но чири сам взял инициативу в свои руки.

— Я очень юн и очень мало знаю о жизни здесь, — сказал Керал. — Я также слишком медленно учу языки и в моем распоряжении слишком мало слов, чтобы описать вещи, которые я могу сделать. Может быть, вы поможете мне и будете меня учить? Регис сказал мне, что вы хотите исследовать мое тело. Вы совершенно спокойно можете сделать это. А я охотно узнаю больше о существах вашего вида. Итак, мы все хотим обменяться знаниями.

Джейсон повернулся к медсестре с Дарковера:

— Таня, если хоть одно слово выйдет отсюда за пределы проекта, прежде чем я позволю это, вы погрузите свои вещи на ближайший космический корабль и отправитесь проводить обычные исследования в горы Вольф-814.

— Я знаю все условия, господин доктор, — чопорно ответила она.

— Тогда постарайтесь соблюдать их.

Чири без колебания разделся и теперь спокой-

но стоял перед ними, словно нагота была так же привычна для него, как и одежда. Итак, в его культуре нет никакого табу в отношении наготы. Да, в его, потому что Керал был мужчиной. Этот вопрос был решен. И, как ни странно, Дэвид почувствовал себя разочарованным. Были быстро установлены обычные данные, причем Керал сам объяснил, что он делает: давление крови, немного ниже нормального давления крови человека, пульс несколько быстрее, сердце расположено ближе к правой стороне. По человеческим понятиям у него были небольшие отклонения в форме аорты, в устройстве внутреннего уха и в строении сетчатки. Но наиболее удивительное их ожидало впереди.

— Теперь ты знаешь это, — произнес Джейсон тихим голосом, накладывая электроды.

— Да. Но если Керал — отклонение… — он не хотел говорить «ненормальность» — … или это нормально для чири…

— Для человека это определенно нормально, — ответил Джейсон, — и для лесного жителя тоже, хотя я слышал, что так часто бывает. Тебе, наверное, ясно, что это такое. Керал, по крайней мере, частично функционирующий гермофродит — двуполость, может быть, с небольшим уклоном

в мужскую сторону.

Дэвид посмотрел на Керала и снова встретил этот неожиданно проникновенный взгляд. Что это было, что они только что узнали?

— Я предлагаю просто спросить у него. Я сомневаюсь, что эта тема для них табу. У культур, в которых нет табу на наготу, нет также никаких табу и на сексуальность.

Однако, хотя Керал до этого все время охотно отвечал на их вопросы, на этот раз он оказался необычайно упрямым, и Дэвид не продвинулся ни на йоту. Его народ? Нет, конечно, они не были такими, как он. Каждое живое существо отличается от другого. Нет, он никогда не воспитывал ребенка.

(Вопросы, казалось, мучили его. Дэвид уж было подумал, что Керал вот-вот заплачет и почувствовал почти болезненное желание утешить его). Наконец они сдались. Как только Дэвид лучше овладеет языком, он поймет, что имеется в виду. Может быть, подумал Дэвид, он сможет задать ему вопросы при беседе, не испытывая затруднений из-за языкового барьера. Я за один день проделал огромный путь, подумай Дэвид. Потом он уже был готов рассматривать это как разумное решение проблемы.

Керала отпустили, он уходя бросил Дэвиду еще один дружественный взгляд. Дэвид вздохнул. Он устал.

— Осталась только Мисси, — сказал он. — Приведите ее сюда, Таня. Мы обследуем ее.

Он весело подумал, что им обоим будет безопаснее, если медсестра будет поблизости.

Мисси посмотрела на Дэвида с несколько вызывающей улыбкой, но так ничего и не сказала, когда он записывал ее данные в специальную карточку. Имя? Месснисса Джентри, но обычно все зовут ее Мисси. Родная планета Войнуол-6.

Ложь, — подумал Дэвида. Возраст? Двадцать четыре года. Еще одна ложь. Почему она все время лжет? Неужели она думает, что действительно сможет что-то скрыть в группе телепатов? Разве она НЕ ЗНАЕТ этого?

Внезапно он заметил, что она пытается соблазнить его — улыбка, небольшие чувственные покачивания тела, искра готовности отдаться. Не была ли она эксгибиционисткой?

Или нимфоманкой? Или просто очень глупой? Холодно и профессионально он приказал ей раздеться и сесть.

— Таня, дайте ей покрывало, — сказал он и отвернулся, пока она тщательно закутыва-

лась, — Рост — пять футов десять дюймов. Вес — девяносто девять фунтов, давление семьдесят ка сорок восемь. Опасно низкое, но я не знаю силы тяжести, к которой она привыкла. Слепая кишка. Не могу найти эту проклятую штуку при помощи флюороскопа. Рентген — хм… что это? Женские… о, в этом нет никакого сомнения, если подумать, как она ведет себя. Но, несмотря на это, здесь явно какая-то аномалия…

Поразительно. Он отложил электроды, уложил ее и попросил полежать спокойно и неподвижно. Он начал рассматривать кривые, странные, необычные, такие же, как…

Вновь он почувствовал подозрение. Он посмотрел на Джейсона.

— Я видел этот узор только один раз, пару минут назад, и больше никогда. Никогда прежде ни у одного человека.

Мисси, лгунья и нимфоманка, была чири. И она прилетела с другого конца Галактики.

Дэвид снял электроды. Он старался говорить нормальным, даже несколько усталым голосом:

— На сегодня хватит, — сказал он. Когда она оделась и ушла, оба врача посмотрели друг на друга.

— Ну, наконец, — произнес Дэвид, — если мы

хотим знать, откуда берутся телепаты, то это хорошее начало. И я запутался теперь еще больше, чем утром.

— Мы оба запутались, — чистосердечно признался Джейсон.

Маленький караван вьючных животных медленно спускался с горы под моросящим дождем. Впереди каравана ехали две дарковерские погонщицы, которых наняли в городе поблизости от космопорта. Они были членами гильдии Свободных Амазонок и носили обычную одежду: низкие сапоги из легкой неокрашенной кожи, отделанные мехом рейтузы, меховые куртки, специально приспособленные для верховой езды и тяжелые вышитые кожаные накидки с капюшонами. У одной из них были рыжие волосы, заплетенные и перетянутые на затылке и спрятанные под капюшоном, у другой коротко подстриженные темные локоны. У обеих был несколько грубоватый, мальчишеский вид женщин, которые вопреки всем законам этого патриархального общества выполняли мужскую работу и были совершенно независимы от мужчин. Кроме того, одна из них, с заплетенными в узлы волосами, казалась искусственно созданным существом среднего рода, какими Амазонки иногда делали себя. Такая

операция на Дарковере была запрещена, но она, как почти все, что было нелегально, проводилась за определенную цену.

— Это самая дьявольски холодная весна за последние сорок лет, — сказала Амазонка с заплетенными в узлы волосами своей подруге и плотнее запахнула накидку. — Что этой тупоумной иномирянке приспичило ехать в горы в это время года?

— Она говорила, что хочет заняться экспортом пушных зверей и ей необходимо провести кое-какие исследования, ответила молодая девушка, скептически пожав плечами. Она, вероятно, родилась на одном из холодных миров, по крайнем мере, здешний климат ей не мешает. Я предложила ей меховое пальто и накидку, оно она сказала, чтобы я не беспокоилась об этом. Она также ездит под дождем без непромокаемого плаща, но если она хочет заработать ревматизм — это ее дело. Иномиряне сумасшедшие, если ты меня о них спросишь, даже более сумасшедшие, чем эти земляне. Но что-то с климатом стало не так, правда, Дарилин? Я выросла в торах. Это мало напоминает дождь, обычный для этого времени года — сейчас моросит, а должно было бы лить — и очень холодно.

Дарилин яростно кивнула головой в сторону далекой цепи холмов. Склоны их были голы и черны, а не покрыты, как обычно, сероватой зеленью и синевой хвойных лесов.

— Лесной пожар, — произнесла она, — что теперь? Подумай о кричащих детях, которых мы встретили в трех или четырех деревнях. Нищие — и это в горах! — она произнесла это с отвращением и гневом. — Было время, когда люди охотнее умирали с голоду, чем опускались до такого состояния, Монелла.

— Может быть многие из них уже умерли с голоду, — задумчиво произнесла Монелла. Они достигли группы небольших холмов. Монелла взглянула вниз, рот ее горько скривился при виде серых, грязных канав по которым вымывалась рыхлая пахотная земля.

— Посмотри! И это при таком слабом дождичке! А если этим летом задует Ветер-Призрак, здесь не останется ничего, кроме голых скал.

Андреа Клоссон, ехавшая в паре сотен шагов позади них, проявляла очень мало интереса к обеим женщинам Дарковера. Ее мысли были заняты собственными планами, и она замечала каждый предмет, каждый признак эрозии и других изменений.

Почему бы этому миру не стать городом-портом? Здесь очень мало того, что стоило бы защищать, думала она без всякого проявления чувств. Леса, которые я знаю — они исчезли давно, вместе с теми, кто населял их.

— Сумасшествие, что я отправилась в это путешествие. Что я здесь надеюсь увидеть?

Она остановила лошадь и подождала, когда к ней подъедут ее ассистентки. Обе они дрожали, несмотря на накидки и костюмы с электроподогревом. Она посмотрела на них с безразличным презрением и спросила себя, как другие агенты могли выносить все это, агенты, рассеянные по всей планете. Сама она, одетая в костюм для верховой езды, находила климат влажным, но вполне сносным.

— Дальше мы сегодня не поедем, — сказала она. — У нас достаточно экземпляров, чтобы признать это вероятным.

Один из мужчин кивнул и указал на одного из вьючных животных, нагруженных маленькими клетками.

— Полдюжины самцов и самок, и по меньшей мере дюжина маленьких детенышей. Как я слышал, именно этот вид туземцы предпочитают использовать для изготовления меховой одежды.

И некоторые из них действительно великолепны.

— Как только мы вернемся в Торговый Город, мы проведем полный анализ их способа размножения, вероятно, что они смогут приспособиться к другому климату, — сказала Андреа. — Девушки так же хорошо выполняют работу по отлову, как и свои обязанности погонщиц. Может быть, теперь было бы неплохо собрать пробы почвы из среды обитания этих животных. Мы разобьем недалеко отсюда ночной лагерь, соберем пробы, а завтра утром вернемся назад.

Вскоре они достигли поляны и установили маленькие палатки: одну для двух Амазонок, одну для Андреа и одну для ее ассистентов. Один из них что-то записал в своем блокноте с непромокаемой обложкой. Амазонка Монелла ушла с силками, чтобы добыть мяса на ужин. Андреа молча стояла под деревьями, взгляд ее был устремлен на далекий горизонт, перед ней, в пелене дождя одиноко торчали черные, обгорелые пни. Безрадостное зрелище для любителя леса, подумала она равнодушно. Но я уже видела, как умирали ради доброго дела и более прекрасные миры, чем этот. Я тоже умру ради доброго дела и этим помогу человечеству распространиться еще

дальше, продвинуться вперед по пути прогресса. У меня нет детей и никогда не было, но. может быть, некоторые из этих огромных космопортов. огромные шаги, которыми человечество шагает от звезды к звезде, и являются моими детьми? И если один из миров встанет на пути у технологии, как я могу знать, кто из них мир или технология имеет больше прав на существование? Старая раса умрет, новая родится. Какая из них будет лучшей? Раса без способности к выживанию вымрет, как и многие лучшие расы, которые возникали и умирали прежде.

В космопорте мне сказали, что Свободные Амазонки являются лучшими проводниками и следопытами, чем большинство мужчин, и до сих пор это было именно так. И все же, это кажется мне странным — женщины, которые могут рожать детей, по доброй воле решили не делать этого. На любом из миров этой может быть признаком того, что связь между мужчинами и женщинами нарушена. И я так же мало понимаю этих женщин.

Понимаешь ли ты вообще кого-нибудь и понимала ли когда-нибудь? Теперь мне лучше подумать о своем бизнесе.

Я знаю планеты и экологию, а на этой планете

я выполняю особое задание.

Она вернулась назад к палатке и открыла металлический ящик с надежным замком, открывающимся определенной комбинацией цифр. Она не стала поворачивать наборный диск, а пальцем одной руки слегка коснулась своего виска, а пальцем другой — замка. Спустя мгновение замок открылся. Андреа достала из ящика запечатанный пакетик, сунула его в карман и направилась в лес.

Под деревьями она присела на колени и без всяких инструментов, своими сильными руками, выкопала в земле ямку. Она взяла пригоршню почвы. Почва была влажной, мягкой, пропитанной дождевой водой и сладко пахла. Она была живой, в ней копошилась масса невидимых живых существ.

Андреа сияла с пакетика защитную оболочку из неразрываемого пластика. Содержимое его было похоже на сероватую пыль с черными вкраплениями. Это тоже живое, подумала она. Ну, это жизнь. Другие времена — другие хищники.

Кто выживет? Может быть, я слишком сильно надеюсь на это? Что окажется сильнее? Это — она пощупала живую почву Дарковера — или это?

Она высыпала серовато-черную пыль в ямку и

засыпала ее. Потом она тщательно вымыла свои длинные пальцы и вернулась в лагерь.

В ее воображении возникла картина. Кристаллический черный вирус работает над почвой, убивает всех крошечных живых существ, червей, нематод, все, что делает землю плодородной, распространяется, растет, размножается, оставляя после себя мертвую, совершенно стерильную местность.

Что я сделала с людьми, которые отравили мои леса?

Почему я что-то должна была делать? Мне совершенно не нужны были наши леса. Но, с другой стороны, мне не нужно проливать слез о тех, кто придет после нас. Когда придет их время уходить — они уйдут, как ушли мы.

Внезапно перед ее мысленным взором возник список: Телепаты.

Леса.

Почва.

Море? Нет. Выжившее после всего этого население должно ведь чем-то питаться, оставим море в покое. В настоящее время его едва ли можно как-то использовать, а когда на суше нечего будет есть, переселение людей из лесов на морское побережье вызовет довольно сильные социальные

беспорядки и столкновения. Тогда существование морей и океанов как единственных источников питания будет непременно работать на меня. Люди должны зайти настолько далеко, чтобы просить о технической помощи, чтобы начать разработку богатств морей и океанов и добычу сырья.

Она медленно побрела к лагерю. Знакомо пахнущее облако дыма донесло до нее запах готовящейся еды. Она увидела, что Монелла и ее спутница двигались вокруг костра. Ее ассистенты наблюдали за девушками, но, как ни странно, без всякого вожделения. Свободные Амазонки немного смущали Андреа.

Ей казалось трюком то, что они жили вместе с мужчинами, не вызывая их желания, словно они при помощи своей силы воли могли стать мужчинами…

Опасно! Оставь это!

Напряжение, с которым она постаралась убрать вновь нахлынувшие опасные мысли, опустошило ее лицо. С отсутствующим видом она потянулась вверх и сорвала полную горсть листьев и почек, которые под весенним дождем превратились в полные пушистых семян стручки. По старой привычке она вскрыла стручок, вытащила оттуда

пушистые, легкие волокна и пальцами скрутила из них тонкую нить.

Все еще прядя нить, она направилась в лагерь. Внезапно она осознала, что она делает. Она скомкала нить и бросила ее в костер. Подчеркнуто весело она сказала:

— То, что варится, пахнет весьма привлекательно. Когда мы будем есть?

7

Дэвид Гамильтон получил форму врача, белый синтетический китель с красно-синей палочкой эскулапа, знаком Земной Медицинской Службы и двумя маленькими звездочками на рукаве, которые означали, что он работает уже на двух планетах. Он был удивлен, насколько лучше он почувствовал себя в ней. Среди других его китель означал, что он где-нибудь на самом космодроме, или в штаб-квартире, или в больничных зданиях был совершенно анонимен, в нем никто бы не узнал врача штаба. Он также получил свободный доступ к любой измерительной аппаратуре, которая могла ему потребоваться и не должен был ставить в известность об этом Джейсона…

Регис Хастур вежлива предложим им показать город, Мисси, Коннер и Рондо приняли приглашение, а Дэвид остался в больнице.

Таким образом, сегодня он еще не видел своих спутников и провел весь день изучая результаты исследований, и особенно интересуясь последним поразительным открытием, что Мисси была чири. Была ли она функциональным

гермафродитом? Теперь он заметил, что он, сам не сознавая этого, называл Мисси «она», хотя он не был уверен в ее поле, как это было с Кералом. Он сидел за столиком в кафетерии и уже некоторое время держал обе карточки, сравнивая их. Мисси проявляла признаки чири, аномалии внутренней структуры, и ни с чем не сравнимые мозговые волны. И хотя ее половые органы содержали существенные признаки обоих полов в рудиментарной форме (как это наблюдается у всех эмбрионов человека), но мужские признаки были почти полностью подавлены. Это, по крайней мере, давало хотя бы минимальные различия в поле чири. Мисси почти на каждый вопрос, который ей задавали, отвечала ложью. Если она не привыкла к телепатии, тогда она вообще не могла знать, что им известно, что она лжет. Может быть, она скажет правду, как только доверится нам и поймет нас? По виду ей меньше двадцати четырех лет, я бы дал ей не больше четырнадцати. Зубы — ну, они у нее как у двадцатилетней, это может что-то означать, а может и не значить ничего, и четыре еще не прорезались, как у Керала. Значит ли это, что она моложе его?

Карта Керала. Такая же картина. Как мне хотелось бы знать их язык. Я думаю, что даже Регис,

разговаривая с ними, наталкивается на языковый барьер. Это действительно важная область применения телепатии!

Когда он думал о Керале, о каждом мгновении общения с ним, в нем поднималось чувство теплоты. Он подавил его и принудил себя соблюдать научную объективность. Кроме того, Керал был больше мужчиной, чем женщиной.

Флюороскопия показала неразвитые, но вполне определенные и, может быть, даже функционирующие женские половые органы. Однако оба они, и Джейсон, и Дэвид, видели его обнаженным и сочли мужчиной, пока при помощи флюороскопа не изучили его лучше. Почему его так взволновали наши вопросы о сексе? При его разумности и отсутствии табу на наготу, я этого не понимаю.

Дэвид сунул обе карточки обратно в папку. Пересекая зал к нему с подносом направлялся Коннер, Его темное лицо было печальным, на нем было выражение отстраненности и одиночества, но оно внезапно осветилось, когда он остановился перед столиком Дэвида.

— Можно мне присесть к вам?

— Да, конечно, — Дэвид освободил место. — Вернулись из города? Как там?

— Великолепно, хотя я видел и более примеча-

тельные вещи в различных уголках Галактики.

— Все вернулись? Рондо, Мисси…

— Нет, они захотели задержаться, — ответил Коннер. Очевидно они лучше выносят толпы людей, чем я. Регис утверждает, что я могу учиться, защититься от моих… эспсенсоров, он назвал это так. Однако он согласился, что я никогда не буду чувствовать себя счастливым в скоплении народа. Вероятно это является следствием того, что… мы то, что мы есть, — Вы обнаружили, что вы из себя представляете? — осведомился Дэвид. Коннер явственно вздрогнул и Дэвид быстро добавил, — оставьте это. Забудьте то, о чем я спросил, — Когда-нибудь. Когда я… буду более объективен, — сказал Кокнер. — Неприятно быть не единственным телепатом в группе, но нужно к этому привыкать.

Они ели в дружеском молчании. Конечно, Дэвиду была неприятна мысль о том, какое задание ему еще предстоит выполнить. Как, ко всем чертям, ему сообщить одному из почти чуждых существ, какую роль играет ненамеренное половое извращение в переживаниях, которые, очевидно, играют очень большую роль для этого чужака? Проклятье, что это Регис взвалил на меня? Было бы проще, если бы я находил Мис-

си симпатичной и мог бы доверять ей, но надо принять во внимание, что все, что она говорила Джейсону или мне — ложь, и мне это очень и очень неприятно.

И чем ближе я знакомлюсь с Коннером, тем я менее уютно чувствую себя в своей шкуре. Она не проявляет к нему никакого интереса как к человеку. — Он к ней — постоянно.

Она мила. По крайней мере, так должно было быть до этого несчастного случая.

Коннер поднял взгляд от своей тарелки с удивительно вкусной смесью — и его улыбка была немного ироничной.

— Регис сегодня сделал замечание, из которого я мог заключить, что в обществе телепатов существует мудреный этикет в личной сфере и повседневной жизни. Это сделано для того, чтобы сгладить острые углы. Еще никто из нас не имел возможности освоить его, но, конечно, здесь считается некрасивым задумываться о присутствующих, доктор Гамильтон.

Дэвиду захотелось, чтобы его лицо было таким же темным, как у Коннера. Он только что заметил, что краснеет.

— Извините меня, Коннер. Если здесь имеются какие-то правила, то я их еще не знаю. И не хоти-

те ли называть меня просто Дэвид?

Коннер, рот которого все еще был набит едой, признался: — Я еще не все обдумал. Будем честны друг с другом. Почему ты все время думаешь обо мне? Считается полезным иметь при себе врача, который рассматривает тебя не только как медицинский случай. Что ты обо мне думаешь?

— Во-первых, что тебя тоже зовут Дэвид и как мне нужно называть тебя? — уклонился от ответа молодой врач — И еще, только не здесь. Не хочешь подняться ко мне? Там мы сможем поговорить.

— Охотно. Ты уже видел автоматы? — на пути к выходу из кафетерия Коннер остановился перед одним, который выдавал маленькие пакетики с фруктово-ореховой карамелью. Он извинился.

— Я почти всегда ощущаю голод. По-видимому, это действие здешнего воздуха.

Дэвид взял горсть карамели. Он уже пробовал ее, очевидно она, как и большая часть еды в здании штабквартиры, была местного производства.

— Одно, общее для всего проекта, это необычно высокий метаболизм, что предполагает, что телепатия требует огромного расхода энергии. Конечно, я слышал, что они также входят в транс, — он заметил пакетик, который Коннер

нес в руке. — Ты уже охотился за сувенирами?

— Нет. Это дал мне Данило и посоветовал мне поставить в комнате — это, может быть, заинтересует меня как технический прибор. Само собой разумеется, я тщательно проверил это. Я склонен доверять Данило — но я не могу исключить того, что дарковерец использует нас для какого-то эксперимента, чтобы посмотреть, как мы отреагируем.

Они молча поднялись на лифте в маленькую комнатку Дэвида в одном из зданий штаб-квартиры. Войдя, Дэвид сложил карточки по порядку и положил их в ящик письменного стола, пока Коннер распаковывал свой маленький прибор. Он передвинул один из рычажков, глухое гудение наполнило комнату. Дэвид почувствовал, что в голове у него зашумело, зрительные и слуховые способности притупились…

Нет. Он слышал и видел так же хорошо, как всегда. Что было притуплено, так это дополнительные чувства, но они были не отключены полностью, а только притуплены. Как слепое пятно при мигрени, которое только мешает видеть, но не лишает человека зрения полностью…

— Да будь я проклят, — выругался Коннер и поставил рычажок на пульт. Гудение прекратилось.

Дэвид снова вернулся в обычное состояние. — А говорят, что в этом конце Галактики у дарковерцев нет никакой технологии!

Дэвиду абсолютно не было ясно, откуда он взял ответ, но он произнес, прочитав один из отпечатанных листков:

— Нет технологии понятной для Земной Империи. Я тоже хочу изучить все это. Если мы узнаем, как этот прибор отключает телепатию, мы продвинемся далеко вперед в изучении телепатии. Но я могу держать пари, что хотя дарковерцы и создали этот прибор, сами они точно не знают, как он функционирует. Это типично для общества с низким технологическим уровнем развития. Можно вспомнить как земляне в начале космической эры использовали электричество, не понимая его структуры.

— Весьма возможно, — Коннер ощупал прибор своими гибкими, искусными пальцами. — Это, вероятно, один из аппаратов, которые называются телепатическими глушителями. Это выражение я слышал в городе. Почему же они мне его дали?

Дэвид поднял взгляд. Он внезапно улыбнулся. Он получил точное выражение, и он использует его.

— Ну, я могу себе представить, к примеру,

твои с Мисси личные отношения, о которых ты говорил.

В следующее мгновение Дэвид полетел головой в стену. Он оцепенело поднялся. Проклятье, он же не имел в виду ничего дурного, и Коннер мог дать ему понять, что он достаточно зол для драки, вместо того, чтобы нападать без предупреждения!

Потом в его сознание проник крик Коннера, в котором смешались смущение и подавленность. Коннер заботливо помог ему подняться на ноги.

— Дэвид, клянусь, я даже не пошевелился! Я только подумал о том, чтобы ударить тебя. В следующее мгновение мне стало ясно, что ты не имел в виду ничего дурного, но ты уже взлетел в воздух! Великий Боже!.. Что… Боже, Боже!.. — Коннер задрожал, а потом заплакал. — Лучше бы я умер… — у Дэвида появились мысли, которые побеспокоили бы любого человека. Он сам сожалел обо всем, но по-другому.

— Коннер… Дэйв, — заклинал он его. — Не воспринимай это так тяжело, я же не ранен. Это относится к тем способностям, которыми мы обладаем.

Коннер медленно кивнул. Лицо его посерело, как у негра, у которого кровь схлынула с лица.

— Тогда, в больнице на Каппеле-9, я что-то чи-

тал о буйстве вещей. Конечно, это было в связи с… ну, с сексом, нарушенной сексуальностью некоторых людей. Тут, возможно, произошло нечто подобное.

— Это так. Тогда завтра утром мы проверим, насколько хорошо ты можешь это контролировать, — сказал Дэвид. И еще, мы должны открыто говорить друг с другом. Ты не знаешь, что вы с Мисси… — что это вы на нас всех излучаете?

— Я не знаю, как я это делаю. Я просто могу вас всех чувствовать, ответил Коннер. — Это кажется не играет никакой роли. Это со мной случилось впервые со времени несчастного случая, впервые я… я был не один, — он опустил глаза. — А теперь мне стыдно. Тогда мне не было так стыдно.

С нежностью, которая не понравилась ему самому, Дэвид ответил:

— Может быть, нам всем нужно учиться не стыдиться себя, Коннер. Пока мы получше не изучим правила жизни среди телепатов. Но в одном я все же уверен. Мы должны отказаться от многих наших старых предрассудков и под этим я имею в виду не только секс. Уже одно то, что мы находимся здесь, изменило нас обоих.

Напряжение спало. В известной мере они снова отгородились друг от друга. Сразу же после этого

Коннер пожелал Дэвиду доброй ночи и ушел. Дэвид все еще сидел, не чувствуя ни малейшего желания снова заниматься карточками. Он налег на дарковерские сладости, едва соображая, что он делает.

Что будет, когда он обнаружит, что Мисси не человек?

Он боялся за Коннера и не знал, почему. Я так изменился, думал он, и мне самому надо выяснить, кто я.

Что это мне даст?

Он заснул с горящей лампой и внезапно в панике проснулся. Свет! Люди! Чужие лица, критически смотрящие на меня глаза, они преследуют меня. Дэвлд, Дэвид, помоги…

Крик смолк. Дэвид спросил себя, звал ли Керал вообще и что он ему передал. Одним толчком он вскочил из кресла и выбежал в коридор. Нетерпеливо, не ожидая, когда поднимется лифт, он бросился вниз по лестнице, прыгая через две ступеньки, не встретив никого на пути. Как что-то не очень важное на самом краю его сознания возникла мысль, что он, какнйстранно, ничуть не сомневается, куда идти. Панический крик вел его как путеводный луч, хотя он еще никогда не был здесь, снаружи…

Снаружи было темно. Солнце зашло, и ночное небо, беззвездное и темное, нависло над прожекторами космопорта.

Поразительно… ни одной луны, ничего, и я не могу сориентироваться… Воздух был ледяным, ветер налетал несильными порывами и пронизывал, как нож, тонкий китель Дэвида. Он не обращал на это внимания и бежал дальше.

Паника Керала теперь была молчаливой — мешанина страха. Дэвид обогнул здание и вышел на небольшую площадь, залитую ярким светом. Там собралась толпа, бормочущая, шепчущаяся. Тон голосов выдавал удивление, огромное удивление, враждебное любопытство зевак, которое Дэвид связал с жаждой зрелища, которое собрало этик людей на месте катастрофы. О Боже, он ранен…

Дэвид протиснулся сквозь толпу и сказал авторитетным тоном, которому он научился в больнице за последнюю неделю:

— Пропустите меня… пропустите, я врач, пропустите меня… — он благодарил судьбу за форму, в которую он был одет.

В больнице она делала его анонимным, никем, одним из множества людей, имеющих право находиться там. Однако вне больницы она придавала ему авторитет. Толпа отступила от него,

и Дэвид протиснулся вперед, безжалостно распихивая людей плечами и локтями.

Он увидел Керала, сердце его упало. Чири скорчился, обхватив руками голову и был так бледен, что Дэвид испугался, что он напуган до смерти. Нежное, чувствительное существо, совершенно не привыкшее к обществу людей, Что его побудило выйти? Потом веки его затрепетали. Дэвид подошел к нему, положил руку на плечо и тихим голосом сказал: — Все в порядке, через пару секунд люди, собравшиеся здесь, уйдут.

Он повернулся к зевакам:

— Идите, здесь не на что смотреть. Или мне надо вызвать космический патруль?

Большинство присутствующих были землянами, и Дэвиду было ясно, что они не имели в виду ничего дурного. Они просто с любопытством рассматривали чуждое существо.

Внезапно Дэвид устыдился того, что он человек. Толпа медленно расходилась. Дэвид положил руку на локоть Керала и поставил его на ноги.

— Они ушли, но вам лучше на некоторое время пойти со мной.

Дыхание Керала восстановилось, его лицо было бледным. Он произнес:

— Я хотел посетить тебя, я был убежден, что

найду дорогу. Но в космопорте я заблудился, а они преследовали меня и глазели. А когда я побежал, мне стало еще хуже. Я думаю, некоторые даже не знали, почему здесь собралась толпа, они думали, что это охотятся за одним… из беглецов.

— Теперь все позади, — Дэвид повел Керала назад путем, которым он пришел. Ему дважды пришлось спрашивать дорогу, потому что сигнала, который привел его сюда, не было. Было очень холодно, ветер становился все сильнее и сильнее, и Дэвид совершенно замерз. Быстрыми движениями чири набросил на плечи Дэвида край своей собственной накидки.

Тепло дома штаб-квартиры окутало их, и Дэвид с благодарностью освободился. От Керала исходили волны новой паники, Дэвид озабоченно повернулся к нему. Керал слабым голосом произнес:

— Я привык не находиться долго среди людей. Но это все же лучше, чем находиться среди толпы.

В его мозгу вспыхнула картина быстрая, странная и прекрасная, многомерная и многозначная — мягкий ветер в листве, тысячи ароматов, крыша, пахнущая листьями, поддающаяся ветру и все же надежно защищающая от дождя струящейся

воды, эластичная почва под ногами.

— Твоя родина?

— Дэвиду не понадобился ответ. Он втянул чири в первую же кабину одного из лифтов, которые в этом громадном здании были само собой разумеющимися, и ему показалось, что он должен извиниться. Проклятье! Дэвид, оборвал он себя, не будь так романтичен! Может быть в лесу жить великолепно, но ты здесь и должен заниматься работой.

Несмотря на это, его мучил контраст, который представлял из себя Керал в его безрадостной, безликой комнате, неужели он уже много лет, ничего не видя и не слыша кроме своей работы, привык к окружению, к своей комнате, голой, как камера заключенного? Он заставил себя войти в комнату, предложил гостю сесть и почувствовал, что дрожь напряжения постепенно покидает чири.

— Ты сказал, что хотел посетить меня, Керал. Конечно, ты для нас желанный гость, даже в этот час. Однако, что же ты хотел от меня?

— Мне в голову пришла мысль, — ответил Керал своим звонким, чуждым голосом, — что я от вас тоже могу кое-чему научиться, пока вы изучаете меня, и это будет очень просто, если я

буду среди вас, а не один. Я еще не очень хорошо говорю на вашем языке. Мне будет легче, если я буду прикасаться к тебе… — он взял руку Дэвида и мягко сжал ее.

Поток картин хлынул в мозг землянина.

— … Цивилизация, новая и странная и все же отличающаяся от той, которая известна моему народу уже тысячелетия. Может быть, это было эгоистично с нашей стороны, что мы вернулись обратно в наши леса (в сознании, что мы умрем в одиночестве под звуки жалобных песен) и стали жить в красоте и воспоминаниях. Может быть те, кто придет после нас, смогут воспользоваться тем, что мы знали и что мы узнаем теперь. Мы должны пойти к ним и обучить их. Мы должны принести им опыт, который наш народ собрал, живя в лесу. Это на тот случай, если нас больше не будет…

Поток мыслей наполнил сознание Дэвида почти болезненным чувством одиночества. Он вынужден был высвободить свою руку из руки Керала и сглотнуть, иначе он может заплакать. Керал посмотрел на него, с любопытством, но без всякого презрения.

— Прикосновение не разрешено вашей культурой? Извини меня. Я не мог это делать для

каждого, но ты… я могу тебя коснуться без того, чтобы… испугаться, — Керал подыскал слова и снова коснулся Дэвида своей тонкой, холодной рукой. Дэвид заботливо спросил: — Почему умирает твой народ, Керал? Регис сказал нам, что сегодня вы — лишь легенда.

…Бесконечная печаль, как оторванность от далекого берега. Листья падают, почки высыхают, мы стареем и умираем, и дети не подхватывают наших песен… А я, самый одинокий из всех, потому что я умираю здесь, в изгнании…

Рука чужеземца стискивает мою руку, это желанный чужеземец, но, несмотря на это, он все-таки чужеземец Дэвид?

Добровольное изгнание — все же изгнание… которое примиряло меня с путем, по которому я должен идти один…

Горы отделяют нас и мир от морей… и во сне мы видим…

Волна вознеслась, разбилась и запенилась на молчаливом берегу боли. Дэвид тяжело сглотнул, и руки их разъединились. Они уже так доверяли друг другу, так сошлись за это короткое время, как только было возможно, а теперь они снова отдалились. Керал сказал:

— Я пришел сюда затем, чтобы вы узнали, что

стало с моим народом. Остальные слишком стары, они умрут вне леса. Я готов сказать вам все, что смогу. Но я сам жажду знаний. Позволь мне принять участие в исследованиях, Дэвид. Позволь мне узнать, что ты обнаружил, скажи мне, что ты изучаешь. Я быстро усвою язык твоего народа, у моего народа очень большие способности к языкам.

— У тебя, несомненно, они есть, — с удивлением заметил Дэвид.

Еще вчера Керал с трудом мог подобрать пару слов в сравнительно несложном языке каста Регисса, а теперь он говорил на гахуэнга или на Свободном Языке, который земляне и дарковерцы использовали на всех планетах, и говорил довольно бегло. Дэвид изучил язык при помощи учебных лент на пути сюда. Он сказал:

— Я ничего не имею против этого и я уверен, что Джейсон и администрация охотно предоставят тебе эту возможность, если ты этого захочешь. И если ты хочешь остаться здесь, я сделаю все, что смогу, чтобы ты чувствовал себя как можно менее… одиноким и естественным. Конечно, сам я не могу этого решать, ты должен будешь поговорить с Регисом. Если ты хочешь знать, что мы обнаружили, я с радостью расскажу тебе все, что

знаю сам. А ты не ответишь мне на пару вопросов? Ты вчера был так смущен и к тебе было так трудно пробиться. К примеру, сколько тебе лет?

Он выгладит приблизительно лет на семнадцать, хотя он должен быть старше.

— Я самый молодой из моего народа, — ответил Керал. — Почти последний из рожденных. Но ты хочешь знать, как много солнечных восходов я прожил, но этого я не могу сказать. Я думаю, вы измеряете время иначе, чем мы. Для нас прошло много солнечных восходов и это как сон за сном, начало и конец песни. Я должен попытаться думать другими понятиями, когда я говорю с вами, и это одно из оснований, почему более старшие среди нас не могут больше выносить общения с вами. Дни и падение листьев, кажется, управляют вашими мыслями, словами, поступками и телами. Я родился — как я могу выразить это таким образом, чтобы вы поняли? Это было до того времени, как большая звезда дошла до своего места над полярными льдами. Говорит ли тебе это что-то?

— Нет, — признался Дэвид, — и я не астроном, но я держу пари, что кто-нибудь может установить эту дату, он был подавлен. Ты говоришь мне, что тебе, может быть, уже сотня лет! Легенды

о бессмертных расах! — И хотя твой народ так долго живет, ты говоришь, что он вымирает? Я не хочу причинять тебе боли, Керал. Но мы должны это знать.

— Мы начали вымирать еще за столетие до того, как земляне пришли на Дарковер, — объяснил чири. Он говорил тихо и с убеждением. — Мы никогда не были многочисленной или продуктивной расой — это верные слова? — и хотя мы в течение долгого времени росли и процветали, как стоящее в цвету дерево, все имеет свой конец. Время очень мало значит для нас, мы его просто не замечаем. Может быть, произошли какие-то изменения в наших клетках и эти изменения были вызваны охлаждением солнца. Время между появлением наших детей становилось все длиннее и длиннее, между рождениями, происходило все больше и больше солнечных восходов и закатов. Я думаю, чем холоднее становилось солнце, тем больше был этот промежуток. Часто бывало, что один из наших людей, созревший для спаривания, не мог найти себе партнера. И хотя мы не умирали сами, мы гибли от несчастных случаев, диких зверей и непогоды. Умирало больше, чем рождалось. Этот процесс протекал очень медленно, так медленно, что мы ничего не знали об этом,

пока наши старейшины не увидели, что больше вообще не появляется детей, хотя некоторые из молодых людей достигли возраста спаривания. Когда-нибудь не скоро, но и не в таком уж далеком будущем, нас больше не будет, — в его голосе не было никаких эмоций. — Мы перепробовали множество средств. Когда ты научишься понимать наш язык, я расскажу тебе, что я слышал от наших старейшин — о мерах, предпринятых для спасения нашего народа. Однако ничего не помогало. Мы исчезнем, словно нас никогда и не было, как зеленые листья последнего лета.

Тишина и безнадежное спокойствие Керала врезались Дэвиду в сердце. Он не выносил тишины, он не выносил, не хотел, чтобы свет, который зажегся в его душе, когда он впервые увидел Керала, погас в этой безнадежности. Но что он мог сделать?

— Ну, у моего народа есть и поговорка: «Никогда не говори о смерти, сказал он. — Регис думает, что телепаты Дарковера вымирают, но он что-то предпринимает против этого, он не поет жалобных песен. Может быть еще не поздно, как ты думаешь, Керал? Ко даже если это и так, мы сделаем все от нас зависящее, чтобы узнать от вас побольше, и будем благодарны вам за это.

Керал снова ослепительно улыбнулся.

— Мне приятно это слышать. Как я тебе уже сказал, мой народ очень долго живет в лесах, поет жалобные песни и ждет, пока его покроет опавшая листва. Итак, я здесь.

Дэвид взял в руки папку, которую он изучал за обедом.

— Ты убежден, что больше не существует расы, подобной вашей?

Согласное молчание Керала.

Дэвид взорвал бомбу равнодушно, почти без нажима.

— Ты знаешь, что Мисси тоже чири?

Он не подготовился к такой поспешной реакции. Керала, к такому потоку страха, отвращения и негодования.

— Это невозможно… Эта… самка животного? Нет, Дэвид, поверь мне, мой друг, это невозможно! Дэвид, я касался ее, как я только что касался тебя. Ты сейчас серьезно думаешь, что я ошибаюсь?

— Не по твоим понятиям, — Дэвид был смущён, но готов был защищать достижения своей собственной науки, пока Керал не сможет назвать ему более веские основания, чем просто физическое отвращение. — Во всяком случае, существует раса, похожая на твою, как два близнеца. Я пока-

жу тебе, что я имею в виду.

Он достал карточку с психическими данными. Керал показал большее знание анатомии, чем он предполагал. Очевидно, у него были способности и в этой области и он воспользовался ими, преодолев языковый барьер. Дэвид объяснил ему обозначение шкал приборов и диаграмм, и Керал, наморщив лоб, смотрел на них со все возрастающим беспокойством.

— Дэвид, я не понимаю этого! Мой инстинкт говорит мне, что ты неправ, а мой разум утверждает, что ты прав. Мы должны разгадать эту загадку Мисси на каждый вопрос, который ей задавали, отвечала ложью. На каждый вопрос без исключения, словно ее вынуждали к этому. Если она действительно хорошая телепатка, а это так — мы оба знаем о том, что произошло с Коннером — почему же тогда она это делает? Как она может поверить, что это у нее пройдет без последствий? — он чуть было не проглядел, что Керал уставился на результаты исследований и замолк, когда речь зашла о сексуальности. С другой стороны, Керал был клинически точен, когда он с сожалением говорил о своем народе и его все уменьшающейся способности к размножению. Загадка…

Керал сказал:

— Я знаю только один путь удостовериться в этом, но он может быть опасным, но мы испробуем и его. Ты можешь привести сюда Мисси, не побеспокоив ее, Дэвид? Может быть, мне удастся установить истину. Почему лжет это существо? Только ли из страха, или для того, чтобы извлечь из этого какую-то пользу, а какую пользу может принести ее ложь? Может быть, мы обнаружим за этим страх и будем в состоянии помочь ей?

— Я хочу попытаться, — Дэвид оставил Керала одного (тот свернулся на постели Дэвида и с наслаждением сосал фруктово-ареховые леденцы) и вышел в коридор больницы, потом спустился в холл. Он вспомнил, что они все, за исключением дарковерца, размещались в этом крыле. Он смущенно спросил себя, не найдет ли он Коннера в постели Мисси? О дьявол, да кого же это интересует? Если я в доме на Земле встречу в постели двух знакомых, я извинюсь и попрошу рассказать обо всем, если они захотят. Это все проклятое половое извращение — табу, в конце-концов телепату уже давно пора привыкнуть к этому. Регис, кажется, не мешает, он только боится, что остальные из нас будут выведены из равновесия, потому что мы не привыкли к такому поведению.

Если Мисси не человек, но свободно и беспрепятственно может вступать в половую связь с людьми, можно ли тогда вообще назвать чири нелюдями? А если они действительно могут спариваться с людьми, почему же тогда они вымирают? Проклятье, я ищу ответ, прежде чем сформулировать точный вопрос. Я должен хорошо проработать пару фактов.

Мисси открыла дверь своей комнаты, и Дэвид увидел, что она одна.

— Дэвид? Что ему нужно? Я чувствовала, что он придет.

Идиотизм обмениваться фразами там, где каждый может воспринимать мысли и эмоции другого. Вероятно никто из нас еще не привык к этому.

Чтобы унять странное беспокойство, которое он чувствовал, он сказал вслух: — Мисси, если у тебя есть время, не можешь ли ты на минутку зайти в мою комнату? Мы хотим задать тебе пару вопросов.

Любопытство замерцало в ее светло-серых глазах. Она произнесла:

— Почему нет? — и пошла с ним. Дэвид снова обратил внимание на ее рост и грацию, на красоту, не такую ослепительную как красота Керала,

но все же достаточно впечатляющую, чтобы сделать ее заметной в любом мире. Мисси легким удивлением отреагировала на присутствие Керала, однако ничего не сказала. Он предложил ей фруктовые леденцы, которые принес из кафетерия, и Мисси опустилась на край постели возле Керала.

Привычка двигаться и разговаривать зависит от культуры. Мисси ходила и вела себя как красивая женщина, которая знает, что она привлекательна и пользуется этим…

Как глубоко сидит в ней это сознание? В ней было что-то потерянное. Да, это так. Он отличается от всех остальных.

Дэвид попытался превратить все в обычную дружескую сосредоточенность.

— Мне очень жаль, что я не могу ничего тебе предложить. Если бы мы были здесь подольше, все было бы организовано гораздо лучше. Неужели здесь, поблизости, не найдется чего-нибудь выпить! Это будет первая планета Империи, о которой я слышал, что на ней нет выпивки. Мисси, я забыл, на какой планете тебя нашли?

БДИТЕЛЬНОСТЬ. БДИТЕЛЬНОСТЬ.

Внезапный страх, как у зверька, который торопливо спешит в свою норку.

…Существует так много миров…

— Это одно из тех названий, которые не выговоришь, заверила она.

Керал поймал ее взгляд своими светло-серыми глазами.

Между ними словно проскочила слабая искра.

— У меня способности к языкам, — сказал он, слегка улыбнувшись. Попытайся сказать мне это.

ПАНИКА. ОТСТУПЛЕНИЕ. СЕЙЧАС. ОНА ПОСПЕШНО ОТДЕРНУЛА РУКИ.

Она этого не сделала. Она даже не пошевелилась. — Я родилась на Ланахе, поэтому вы можете называть меня ланачкой.

Дэвид не почувствовал никакой предупреждающей дрожи, которой раньше сопровождалась каждая ее ложь и подумал, что на этот раз она говорит правду, или то, что она считает правдой. Он сказал:

— Я видел Ланах на звездных картах, но считал, что он колонизирован разными этническими группами с темным цветом кожи.

— Это так, — ответила Мисси. — Поэтому я всегда чувствовала себя немного незаконнорожденной, — она, дрожа, вдохнула воздух. — Поэтому я и покинула этот мир и никогда больше не вер-

нусь туда снова.

— Ты была подкидышем?

БДИТЕЛЬНОСТЬ. БДИТЕЛЬНОСТЬ… Чего они хотят…

Она объяснила.

— Я так считаю, хотя я и не уверена. Я не помню своих родителей, — и снова между ней и Кералом словно проскочила искра. Потом Керал быстро отвернулся, Дэвид ощутил почти осязаемую неприязнь, отвращение, и его напряжение снова возросло. Проклятье, эта девушка выглядит как двадцатилетняя и приводит его в смущение! Чувствовал ли Керал отвращение потому, что он стал свидетелем ее отношений с Коннером? Очевидно, была область, где все должно быть осторожны с чири — странный сексуальный кодекс? Не влечет ли уменьшающаяся продуктивность расы сексуальные ограничения?

Керал собрался с силами. Невыразительным голосом он спросил: — Почему ты нам лгала, Мисси? Сколько тебе лет?

ПАНИКА НАСИЛЬСТВЕННОСТЬ…

СПРЯТАТЬСЯ — БЕЖАТЬ — ИСЧЕЗНУТЬ — БЕГСТВО ОТЧАЯВШИЙСЯ ЗВЕРЕК В ЗАПАДНЕ…

Картина размылась. Другие волны мыслей стерли ее. Мисси соблазнительно повернулась

на постели, потянулась, закинула руки за голову, Дэвид спросил себя, почему он считает ее еще не созревшей? На его лице медленно расцвела улыбка.

Мисси сказала:

— Привилегия женщин — держать свой возраст в тайне. Но я старше, чем я выгляжу.

Хотя она не шевелилась, у Дэвида на мгновение появилось впечатление, что она протянула ему руку, что-то зашевелилось между его бедрами, и он бессознательно рванулся к ней.

Керал издал придушенный звук отвращения.

… Она одна из нас? Такая? Чушь, и все же я чувствую… это правда, но как… подкидыш? Но это невероятно, беглая сучка… много мужчин во всех мирах…

Дэвид, почувствовав испуг Керала, снова обрел разум и отшатнулся от Мисси. Он холодно сказал:

— Ты могла этим трюком одолеть Коннера, Мисси. На мне он не сработает, во всяком случае, не сейчас. Ты невероятно красива, но это не основание для того, чтобы мы сошлись здесь. Нам не нужно от тебя ничего, кроме правды, Мисси. Почему ты нам лжешь? Чем тебе может повредить правда? Откуда ты прибыла? Сколько тебе лет?

— ПАНИКА, СТРАХ, БЕСПОКОЙСТВО И МУЧИТЕЛЬНАЯ, ПОТРЯСАЮЩАЯ ЖАЖДА БЕЗОПАСНОСТИ… если они от меня ничего не хотят и я достаточно хороша, как же мне спрятаться… СПРЯТАТЬСЯ…

Комната взорвалась без всякого предупреждения. Щетки Дэвида, лежащие на полке для бритья, полетели через помещение в зеркало. Как сумасшедшая кошка Мисси перевернула креста, корзину для бумаг, сбросила со стола письменные принадлежности; они поднялись и закружились в воздухе. Вверх по стене поползли языки пламени.

Дэвид услышал крик ярости и ужаса, но несмотря на это, в других комнатах все было тихо, Затем и в его комнате воцарилась мертвая тишина.

Потом Мисси замерла, словно окаменев. Она извивалась и корчилась в невидимой схватке Казалось, что ее сжали чьи-то сильные руки.

Уймись! — это был настоящий голос, пронизывающий и гневный. Он выдал присутствие Дезидерии.

Я знаю, что у тебя нет ни манер, ни образования, но сейчас самое время учиться владеть собой. Моя девочка, опасно такие способности, как твои, высвобождать спонтанно, и чем скорее

ты поймешь это, тем лучше.

Невидимые руки отпустили ее, и Мисси упала на пол.

Вокруг нее медленно опускалась кружащаяся, летающая мебель. Личность Дезидерии отступила, словно иронически усмехнувшись. Керал и Дэвид тяжело дышали.

Мисси, всхлипывая, поднялась на ноги и убежала.

Дэвид выдохнул долго сдерживаемый вздох.

— Фу! Чем, во имя девяти галактик, это вызвано?

— Мы напугали ее, — деловито произнес Керал. — Я задал не тот вопрос, спросив о ее возрасте.

Дэвид увидел картину в душе Керала, которая была так далека от его собственного тихого, но не очень древнего безвременья.

— …Бегство с планеты на планету, когда люди замечали, что она не изменяется, не стареет, постоянные поиски новых защитников, которые, в конце-концов, стареют и умирают. Новые и новые миры, которые покоряются, так не успев дать ей убежища, использование ее способностей на низком уровне, чтобы сковать мужчину, привязать его к своему телу…

Голос Керала дрожал.

— Мне очень жаль. Мне дурно, это все. Это одна из нашей расы — о да, она наша, она должна ею быть, хотя я еще все не знаю… Мы, наш народ, мы просто не можем делать так… Эти… изменения, должно быть, были вызваны очень тяжелой жизнью — нет, я вижу, тебе это непонятно, — на его лице появилось то же испуганное, дикое выражение, как при их первой встрече, и он быстро отшатнулся.

— Керал, Керал — нет… — Дэвид взял его за руки, надеясь, что сможет успокоить его, как в первый раз, но Керал судорожным жестом отмахнулся от него.

Не прикасайся ко мне!

Потом Керал почувствовал, как обижен Дэвид и заставил себя успокоиться. Он сказал:

— Так много нужно объяснить, а я не могу объяснить всего. Наши старейшины должны узнать об этом. Мы откажемся от Мисси. Мне нужно слишком много рассказать тебе. Я уже упоминал, что наша раса уже находилась на грани исчезновения, прежде чем в этот мир пришли люди и назвали его Дарковером. Мы не всегда были жителями лесной чащи. У нас были города, миры, корабли, путешествующие между звездами, а

когда мы узнали, что должны умереть, мы покинули этот мир и на протяжении многих, многих лет посетили множество миров со всевозможными типами обитателей. Мы искали панацею, способ остаться в живых и не исчезнуть… но ее не было. В конце концов, мы снова вернулись сюда и бросили наши корабли ржаветь в бездне времени, а наши города были засыпаны пылью вечности. Вы ушли в бескрайние леса и ждали, пока мы все умрем, для нас больше не осталось ничего… Некоторые из наших людей остались на тех или иных мирах. На каких — неизвестно. Даже догадаться невозможно. Они должны были жить по обычаям других рас, которые ничего не знали о них, скрываться от остальных. Я могу предположить, что Мисси — одна из них, однако я ничего не знаю и не могу ничего сделать.

Он спрятал лицо в ладони и замолчал. Потом он слабо произнес:

— Я устал. Позволь мне поспать.

Комнаты в больнице были обставлены так, что из мебели можно было составить дополнительные койки. Дэвиду было ясно, что силы Керала на исходе. Он молча составил для него постель. Чири тотчас же погрузился в глубокий сон, похожий на транс. Дэвид посидел еще час, уставившись в

свой блокнот. Голова его кружилась от всего, что он обнаружил.

На следующее утро обнаружили, что Мисси исчезла.

8

У Линнеа, Хранительницы и леронис башни Ариллина, было очень мало свободного времени, и она была святой. Работа Хранительницы, работа с матрикс-экранами, которые обеспечили на Дарковере использование минимума техники, была напряженной и загружала весь ее мозг. Линнеа с раннего детства была обучена безмолвному телепатическому общению, Как и все Хранительницы, она защищалась от случайного контакта с нетелепатами и щадила свои силы всеми средствами, которые только были в ее распоряжении.

Когда один из немногих слуг в башне Ариллина сообщил, что две Свободные Амазонки с гор хотят поговорить с нею, она не поверила ему.

— Я не принимаю гостей и путешественников. Я не незаконнорожденная, чтобы собирать деньги за вход в башню. Отправь их прочь, — еще пару лет назад, думала она сердито, никто не отважился бы на такое бесстыдство.

Слуге самому было неприятно.

— Вы думаете, я не сказал им того же, ваи ле-

ронис? Я был даже груб, однако, одна из них утверждает, что родилась в вашей деревне, что она одна из ваших землячек и теперь, когда ваша бабушка покинула деревню, на тысячи миль вокруг нет ни одного человека, который мог бы ей помочь. Они ждали весь день и всю ночь, когда у вас найдется для них время.

Линнеа удивленно произнесла:

— Тогда я, может быть, приму их. Но что делает женщина из моей родной деревни в Ариллине, так далеко расположенном от гор Калгара, так далеко от Сторна…

Она спокойно спустилась вниз по длинным лестницам, так как ее тело и дух слишком устали, чтобы контролировать шахту подъемника. Она прошла через голубое силовое поле, которое защищало Хранительницу от чужой стороны, чьи мозги и тела были холодны, чужды и забаррикадированы.

Она чувствовала рудиментарное отвращение и при виде Амазонки с заплетенными рыжими волосами. Поэтому голос ее был жесток.

— Какое неотложное дело привело вас сюда, мои воительницы?

Это была молодая женщина, которая была до некоторой степени миловидной, с округлыми

формами, одетая в одежду жительницы гор. Она сказала.

— Леди Линнеа, я знала вас в Верхнем Виндторде еше ребенком, Я Монелла из леса Вадерлинг, А это моя Свободная партнерша Дарилин, и мы здесь., потому что… — преодолевая робость, она посмотрела на высокую, рыжеволосую Амазонку. Дарилин объяснила бесцветным, отрывистым, холодным голосом: — Мы не должны были вам мешать, леронис, но больше нет никого, кто может понять нас или поверить нам. Вы знаете, кто я такая, — ее серые глаза почти требовательно поймали взгляд Линнеа и та узнала ее.

— Как и ты, волшебница, я живу отрешенно. Потому что я то, что я есть, чудесна, как и всякий быстро исчезающий род, защищаюсь от прикосновения мужчины.

Линнеа опустила глаза, в ней больше не было осуждения.

Если бы она не была Хранительницей башни, она вышла бы замуж за мужчину своего рода, который разделил бы ее чувства, за телепата. Дарилин родилась в деревне и выросла, окруженная людьми, которые не понимали ее и не обращали внимания на то, чем она была (ненормальность, отстраненность). Она решила отказаться от всего

женского при помощи операции, вместо того, чтобы подчиниться мужчине, который был для нее только разумным животным.

Теперь голос Линнеа звучал дружелюбно:

— Я приветствую вас, воительницы. Я была невежлива, потому что я устала. Вам можно предложить что-нибудь? В горах на нашей родине все в порядке, Монелла?

Дарилин, внешне выглядевшая спокойно, ужасно нервничала. Она рассказала:

— Моя Свободная партнерша и я недавно путешествовали с одной из женщин другого мира. Она не была Свободной Амазонкой, хотя во многих отношениях была похожей на нас. Она наняла нас на время путешествия а горах в качестве проводниц и охотниц. Она была такой же странной, как Хранительница, потерявшая свои силы, но все жители внешних миров сумасшедшие и ото нас не удивило. Я могла немного читать ее мысли, она не делала никаких попыток скрыть их, и я думаю, что она ничего не утаила, — внезапно Дарилин задрожала, — Она была злпн, — убежденно сказала он;;. — Она ехала "к рг.;; сгор'-р. шне л'л. а я яьпл. дсл;; так, словно jrn она cv/i t. i'.'iCHHi-JMis PVI;:.M;I алмалала VHV, 1'гч. шь. Он;:юсм'.":;.см";;.;,("", ь я!;,н, — .чь*, что "кч;" Haiii

ро;" должен уорст" п;" ее во Л'. А потом я уни, н...1..1, как она дак. тыадст ь лесу ко. иювстно и поняла, что момва по ее воле сделается бесплодной, и знаю, что что ЗВУЧИТ ужасно, Линнеа. Я выучила, прежде чем у меня появились груди, что нет никакого колдовства, и желание зла может повредить так же мало, как хорошие намерения принести добро. Однако, я ничем не могла ЭТОМУ, помочь, я узнала, что желание зла этой женщины убьет наш мир, Это загадка, которую я не могу разгадать, паи леронис, и: его может сделать только Хранительница.

— Это глупое суеверие, — сказала Линнеа — Голос ее ослаб и она замолчала.

ЭТО ЗАГОВОР ПРОТИВ НАШЕГО МИРА ЧТО СКАЗАЛ РЕГИС?

— Работа колдуньи? Невозможно. Но может быть, это правда, эта девушка с се странным пониманием? То, что она сама считает правдой, говорит каждая черточка ее убедительного, мальчишеского лица. И ни один дарковерец не будет лгать Хранительнице. — После некоторого раздумья Линнеа мягким голосом сказала: — Я не знаю как может быть то, что вы сказали, и все же вы видели что-то, что заставило вас поверить. Вы оставили службу у этой женщины?

— Еще нет, Леди. Когда мы отправились к башне Ариллина, мы сказали ей, что должны засвидетельствовать вам почтение, и она, похоже, не имела ничего против этого.

Линнеа приняла решение.

— Я сама рассмотрю все это. Вы знаете, что я могу сделать кое-что из того, о чем вы слышали.

— Я отрезала лоскуток от ее одежды, а она и не заметила этого, сказала Монелла. Линнеа рассмешил странный контраст между суеверным страхом и практичностью этих женщин. Всем было известно, что колебания волн мыслей человека можно было читать лишь с огромным трудом, если у тебя не было какого-то предмета, который принадлежал этому человеку, или, по крайней мере, находился с ним в контакте. Почему только чужаки считают этих женщин колдуньями?

Линнеа не стала продолжать разговор о чужаках. Она предложила Амазонкам освежающий напиток, еще с полчаса поболтала с ними, потом отослала их. И все время с тех пор, как она услышала новости об их общей родине, ее не покидало ощущение холода, закравшегося в сердце.

Регис Хастур должен как можно скорее узнать об этом.

Заговор. Но почему? И чей заговор? Уловили девушки самую суть этих событий или нет?

Она должна как-то и где-то узнать об этом.

Регис знает об этих вещах больше, чем она. Не ищет ли она просто предлог, чтобы увидеть его? Она так тоскует о нем! Во всяком случае, она должна сообщить ему обо всем.

Регис…

Линнеа, моя любимая, где ты (так далеко от меня и так близко)…

В Ариллине, но я должна прийти к тебе, даже если я при этом буду вынуждена нарушить правила. Это очень важно.

Это… Любимой, что это? (Ты боишься? Могу ли я разделить это с тобой?) Не таким образом, если нас могут подслушать (они не только боятся, они вне себя от ужаса перед опасностью, угрожающей нашему миру и нашему народу). Линнеа, я могу направить к тебе самолет землян, если ты не боишься лететь на нем и если захочешь смириться с гневом остальных. (Я так жажду тебя, ты можешь быть здесь еще сегодня вечером, но для себя самого я этого никогда не потребую.

Я не боюсь за себя (чтобы увидеть тебя, я плюну на гнев остальных, но не из-за себя), я должна сообщить тебе обо всем, что я узнала.

Регис оборвал контакт и вздохнул. После короткой передышки все многочисленные страхи и затруднения вновь нахлынули на него. Он был рад снова увидеть Линнеа, но страх, который он ощутил в ее мыслях, был настолько силен, что почти поверг его в панику. Кроме того, он был голоден и истощен от напряжения, необходимого для того, чтобы поддерживать контакт на таком расстоянии. Это мы тоже должны учесть в земном проекте, думал он. Это физическое истощение, которое наступает после контакта на большом расстоянии или продолжающегося длительное время. Да, отсюда до Ариллина большое расстояние, больше тысячи миль. Большинство телепатов этого мира не смогут справиться с этим. Линнеа должна обладать поистине выдающимися способностями, гораздо большими, чем он думал. Сегодня, когда мы испытываем недостаток в настоящих талантах, одна из Хранительниц устанавливает контакт с одним из телепатов между Ариллином и Тандарой и не только устанавливает, но и хочет прибыть сюда лично. Это был признак паники Линнеа, потому что она отказалась от почты, и признак ее силы, потому что ей удалось это, хотя бы и на пару секунд.

Регис знал, что не будет задано никаких вопро-

сов, если он попросит администрацию землян отправить самолет в Ариллин. Это было так, но несмотря на это, он беспокоился, устраивая все это. Ему и Линнеа снова придется выносить критические замечания — но не от землян (будь они прокляты, они так усердно стараются услужить Хастурам), а от его собственных людей. Одна из партий прокляла их, потому что они имели дело с землянами, а другая прокляла, потому что они недостаточно тесно сотрудничали с ними. Их прокляли обе партии.

У него все это время были очень неприятные дела, и теперь ему тоже предстоял весьма неприятный разговор. Ему было неприятно идти в больницу штаб-квартиры землян, хотя он знал, что то, что он там найдет, по большей части будет совершенно безобидным. А тут еще была проблема Мисси. Куда она делась? Космопорт на Дарковере был огромным, Торговый Город тоже огромен, она потеряла голову, чего прежде с ней никогда не стучалось. Его разум говорил ему, что Мисси умрет от безвестности, а не от известности, и все же страх грыз его.

Другой проблемой была природа личности. Регис тащился по коридорам больницы, храбро вынося взгляд сестры, идущей рядом с врачом,

его спрашивали (некоторые из них, другие хорошо знали), что здесь делает человек в одежде дарковерца.

Джейсон и Дэвид оба были тут, а так же Керал, который с недавних пор много времени проводил в больнице и участвовал во многом, что они делали. Регис был удивлен, с какой быстротой чири поглощал технические знания, чтобы, по-видимому, воспользоваться ими.

Джейсон сердечно приветствовал Региеа, однако он вздрогнул, когда землянин воскликнул:

— Регис! Как я рад тебя видеть, хотя я думал, что сегодня до обеда у тебя не найдется для нас времени! Доктор Шильд сказал мне, что мы должны поздравить тебя. Как я слышал, это прекрасный мальчик, шесть фунтов, и совершенно здоровый.

Регис ответил:

— Я тоже хотел бы посетить Мелору и ребенка — если она захочет меня видеть. Она вероятно, очень зла на меня, она даже не послала мне сообщения.

— Однако, тут ты ничего не можешь поделать, — произнес Дэвид. — Почему ты должен отказываться от своего сына. За ней великолепный уход, я знаком с Мариан Шильд, и она производит впечатление самой лучшей сестры,

которую только знага эта планета.

— В хорошем уходе я уверен, я благодарен вам всем, — сказал Регис. — Но тот факт, что она не сообщила мне…

Он встретил взгляд Дэвида и увидел в нем понимание.

— Если женщина любит мужчину, от которого она произвела на свет ребенка, она захочет, чтобы он был возле нее в этот час.

— Я должен, по крайней мере, послать ей привет, — решил Регис. — Вы что-то узнали о Мисси?

— Ни слова, Регис, — ответил Джейсон. — Ее, конечно, обнаружат, если она попытается покинуть планету, а иначе — там, снаружи, чертовски огромный мир и, очевидно, она привыкла убегать и прятаться. Она беглянка из моего народа!

Мысли Керала были почти осязаемы, и Регис почувствовал неопределенное желание утешить его, однако он не знал как. Он видел, как Дэвид молча взял Керала за руку и это показалось ему немного печальным. Ему показалось, что он обладал этим, пока это не оказалось вне пределов его досягаемости. Он потряс головой и отогнал эти мысли. Нелепость! Потом он вздохнул. Скоро здесь будет Линеа.

Керал объяснил свое удивление: — Я еще никогда не видел новорожденного ребенка человека. Можно мне пойти с тобой и посмотреть на твоего сына. Регис?

— Конечно, я охотно покажу его вам всем, — ответил Регис.

Дэвид решил сопровождать их, и они все вместе пошли по коридорам больницы. Высокорослый, стройный чири все еще вызывал любопытные взгляды. Но здесь, в больнице штаб-квартиры, эти взгляды были дружескими. Многие за это время уже видели Керала, говорили с ним, и он уже не был чуждым существом, сенсацией.

Мелора лежала в отдельной палате в дополнительном крыле здания. Помещение это часто использовалось для важных дарковерских гостей-телепатов. Окна его выходили на горы. Одна из акушерок Дарковера и одна из служанок свиты самой Мелоры находились здесь, чтобы ухаживать за ней. Мелора сидела в одном из кресел, одетая в длинное синее шерстяное платье, щеки се слегка покраснели. Это была красивая женщина, высокая, с гордой грацией, каштановыми волосами и серыми глазами. Даже теперь, с закинутыми на плечи косами, она выглядела почти ребенком. Глаза Регисa, в которых был застаре-

лый страх, были прикованы к люльке, в которой лежал малыш (было видно только маленькое красное личико, остальное было закрыто белой больничной простыней, под которой он спал), но потом он посмотрел на Мелору. Он сделал ей знак, чтобы она не вставала, нагнулся к ней и поцеловал в щеку.

— Это чудесно, Мелора. Я благодарю тебя. Если бы я знал об этом, я остался бы здесь, рядом с тобой.

— Ты ничего бы не смог для меня сделать, а здесь очень обо мне заботятся, — холодно ответила молодая женщина и отвернула щеку от нового поцелуя.

Помещение было полно напряжения, и все трое, стоявшие возле нее — все телепаты большей или меньшей силы — чувствовали ее гнев. Регис внезапно понял, что он взял остальных с собой из трусости, потому что он надеялся, что Мелора не будет устраивать сцен в присутствии жителей других миров. Ее мучило, что ее ребенок родился в таком чужом месте, она не знала, почему Регис потребовал от нее этого и имела право, сказал себе Регис, устроить ему сцену в присутствии чужаков.

Керал решил предотвратить сцену, для этого он

подошел к ребенку и нагнулся над колыбелькой. Мелора тихо вскрикнула, но тут же расслабилась, когда Керал взглянул на нее счастливым взглядом. Да, она даже улыбнулась чири и сказала: — Теперь, если хотите, возьмите его, вы благородный, вы оказали нам милость.

Керал поднял ребенка. Его длинные руки ловко скользили по маленькому тельцу, словно он привык обращаться с младенцами. Но Дэвид, наблюдавший за ним, был убежден — хотя он и не знал откуда пришло к нему это — что Керал никогда прежде не видел и не касался ни одного новорожденного.

Керал очаровательно улыбнулся: — Его мысли странны и бесформенны. И, несмотря на это, как он отличается от маленького животного!

Дэвид про себя подумал, что младенец выглядит как обычное новорожденное существо, маленькое и не умеющее говорить. Но он также знал, что эта точка зрения возникла от намеренно культивируемого цинизма медиков. На мгновение он предположил, что видит ребенка глазами Керала, маленькое чудо, новое творение. Это очень угнетало его, он разорвал контакт и осведомился у Регис:

— Как ты хочешь его назвать?

— Это право Мелоры, — Регис улыбнулся молодой матери. — Я дам ему имя только в том случае, если она попросит меня об этом.

Лицо Мелоры смягчилось. Она вложила свою руку в руку Региса.

— Сделай это, если хочешь, — сказал она, Дэвид коснулся плеча Керала. Тот заботливо уложил младенца назад, в люльку. Потом они ушли, оставив молодых родителей наедине с ребенком.

Позже Дэвид подумал, что этот контакт с ребенком и Регисом растрогал его, но сейчас он предпочел не думать об этом. Он провел день с оставшимися членами проекта. Рондо, при попытке замерить степень его контроля над небольшими предметами, высказал свое недовольство и нежелание сотрудничать. Он был не готов говорить о своей карьере игрока и своих методах и отказался манипулировать картами и кубиком, которые дали ему Джейсон и Дэвид. Дезидерия была очень лаконична и казалась озабоченной. Коннер снова погрузился в апатию, не хотел говорить и отказывался работать. Дэвид ясно почувствовал, каким покинутым ощущал себя космонавт без Мисси.

Регис больше ничего не сообщил о себе. Данило, появившись ненадолго, сказал, что тот изви-

няется, но у него личные дела. Затем охранник снова исчез.

После того как Рондо угрюмо объяснил, что у него болит голова и он устал (конечно, Коннер тоже заявил, что ему все равно, что с ним произойдет), Дэвид обратился к Дезидерии с просьбой рассказать что-нибудь об обучении Хранительниц. Он слушал без всякого удовольствия и делал заметки — чистый автоматизм, думал он, потому что это все записывается на ленту.

— Обучение начинается с игры, подобной манипулированию этими предметами. — Это началось, когда мы еще были маленькими, — Дезидерия кивком головы указала на кучку кубиков, перьев и других небольших предметов, которые Дэвид предложил Рондо. — Существует также игра, во время которой прячутся сладости и другое, чтобы мы все это отыскали, а потом более трудные задания, при которых прячутся доказательства или одна группа от другой. За этим следует довольно напряженная психическая тренировка нервов — дыхания, концентрации, мы час за часом контролируем дыхание и медитируем. Мы учимся психически влиять на тело снаружи и изнутри. Конечно, происходит всякое, прежде чем нам позволяют увидеть матрикс.

Когда мы будем в состоянии контролировать все наши естественные способности, мы начнем работать с матрикс-камнями, сначала с небольшими.

Дэвид обнаружил, что многое из того, что он услышал, напоминает древнюю, традиционную тренировку йогов, которая все еще использовалась некоторыми группами землян по религиозным соображениям или как путь к самосовершенствованию. Он оставил любопытство на время, когда он на досуге сможет оценить все услышанное.

Весь вечер Дэвида угнетали неясные, раздраженные голоса. Керал, хотя и нервничал, был тих и сдержан. Ему отвели в больнице комнату рядом с комнатой Дэвида, и так как это уже стало их общей привычкой, они вместе пошли обедать в кафетерий. Но Керал едва ли произнес и дюжину слов и не имел никакого желания зайти в комнату Дэвида и беседовать, как они делали это всегда Коннер тоже ни с кем не говорил. Молчание Керала не очень беспокоило Дэвида, но молчание Коннера беспокоило его. Если эта привязанность удержится, не сделает ли космонавт новую попытку самоубийства? Он вернулся к жизни для Мисси. Теперь она исчезла. Не унесла ли она с

собой его интерес к жизни? К дьяволу Мисси! Теперь Дэвкд ожесточился. Он не мог и не хотел брать на себя ответственность за физическое и душевное благополучие каждого члена этого проклятого проекта!

Это было детище Джексона — и он должен сам расхлебывать это!

Прошло много времени, прежде чем Дэвид заснул.

Странная иллюзия — он краем сознания ощущал голоса, которых он не слышал ушами. Они были похожи на отдаленные крики и всхлипывания, которые он, как ему казалось, сможет понять, если будет прислушиваться. Напрягая слух, он нервничал при мысли, что это начнется снова.

Наконец он погрузился в нечто вроде легкой дремоты, когда дремлющий все помнит и сознает, что находится как бы на полпути между дремой и сном, качаясь от бодрствования ко сну и обратно. Дважды на него накатывало чувство, что он падает и снова поднимается. Тут сон слился со сном Коннера, Лицо Мисси, кошмарно искаженное от плача, появилось перед его глазами и чуждые руки Керала, обнимающие розовое тельце младенца, а вокруг в это время звучала странная мелодия.

И внезапно Дэвида осенило, Он вскочил. Полуодевшись, он помчался…

Пустой коридор. Позади него послышались быстрые шаги Керала. Белое от ужаса лицо, расширившиеся зрачки, придушенный голос:

— Ты не сможешь там выйти!

Дверь с треском распахнулась. Темная фигура вторгшегося, угрожавшего, — дыхание Мслоры замедлилось, кровь отхлынула от лица…

Керал нагнулся, схватил, швырнул черную фигуру, ужасный крик — и вторгшийся ударился о стену, треск, грохот, звук ломающихся костей — и что-то умерло. Белое лицо Мелоры. Дэвид опытными пальцами приподнял веко, позвал на помощь Комната полна врачей, сестер. Рот ко рту женщины, дышать, дышать, дышать…

— Я сменю вас, доктор Гамильтон.

Отойти в сторону. Дыхание нормализовалось. Керал смертельно бледен. Младенец в руках, голос Керала:

— Ему нужно помочь. Его грудь не раздавлена, но я думаю, что сломано ребро: — чувство хрупкого ребра под его рукой, судорожный, придушенный крик полузадушенного младенца, медленно возвращающегося к жизни…

Люди склонились над мертвецом в коридоре.

Дрожащие руки Керала, бледное лицо — маска ужаса, вопросы, голоса, зоо мундиры, халаты. Один официальный голос перекрывает другой.

— Здесь в его кармане ампулы со снадобьем, которое он дал девушке. Он, вероятно, сначала оглушил сестру Коннистон. Доктор Гамильтон, как вы себя чувствуете? Кажется, вы пришли своевременно и предотвратили два убийства.

Дэвид слушал свой голос, он донесся до него совершенно неожиданно.

— Я действительно ничего не знаю. Может быть, я услышал Керала — ты вызывал меня, Керал? Я знаю только, что проснулся и у меня появилось чувство, что я должен спешить. Я не имею никакого понятия, откуда я узнал, что Мелора и ее ребенок в опасности.

— Кто он? — мужчина в форме перевернул труп.

— Та же старая история. Он может быть кем угодно. Каким-нибудь бездельником из космопорта, даже с хирургически измененными отпечатками пальцев.

— Нам дьявольски повезло. Представьте себе, что произошло бы: Регис Хастур доверил нам безопасность своего сына, а мать и ребенок убиты в самом центре земной штабквартиры! Какой

политический капитал они могли бы извлечь!

Все еще смущенный, Дэвид спросил себя, кем они были, какой политический капитал можно извлечь из смерти ребенка и какое чудовище может решиться на такое преступление? Он должен был еще дважды повторить свой рассказ, и каждый раз он чувствовал себя полностью дезориентированным и не верящим ни во что. Ребенок был вне опасности, но служащие штаб-квартиры утроили охрану возле комнаты. Дэвид встал. Команда, хлопотавшая возле Мелоры, больше не нуждалась в нем. Потребовалось больше получаса, пока Мелора начала дышать без посторонней помощи, ее отравление было почти смертельным. Появился Джейсон Элисон и отправил прочь полицейских из космического патруля, которые допрашивали Дэвида. "Керал? Где был Керал?" Дэвид не чувствовал его присутствия, он чувствовал опустошение… Космический патруль послушался Джейсона. Полицейские уставились на Дэвида, словно он был каким-то монстром.

Откуда-то в этот час появился Регис, бледный, как выбеленный непогодой скелет. Он пытался что-то сказать Дэвиду, но не мог. На его лице было все написано. Наконец он обвил руками Дэвида и прижался щекой к щеке землянина.

При этом прикосновении мир Дэвида внезапно обрел краски и реальность, словно вдруг исчез окутывающий его туман. Он знал, что он бодрствует, и все это было реальностью, а не диким, сумасшедшим кошмаром. Руки Регисса сжали руки Дэвида и он сказал:

— Все хорошо, Регис? Они оба остались в живых и теперь, когда мы предупреждены, ничего больше не случится. Но… великий Боже! Где Керал? Что с ним случилось?

Перед его мысленным взором появилась картина: лицо Керала, искаженное ужасом, повернутое к человеку, которого он убил.

Ни один чири еще не убивал живого существа. Чири не едят мяса!

Дэвид вернулся в свою комнату, он почему-то был уверен, что найдет там Керала, и это так и было. Чири свернулся в клубок, спрятав лицо. Сгусток страдания и отвращения, его дыхание было таким слабым, что сердце Дэвида почти остановилось при мысли, что шок может убить его. На бледном, чужом лице не было ни следа сознания, никаких признаков того, что он заметил Дэвида. Дэвид осторожно повернулся к нему. Его снова поразила женственная красота чири, его собственный сон со странными обертонами

снова вернулся. Дэвид испугался и устыдился. Сердясь на себя, он прогнал эти мысли.

Керал нужен тебе, ты не можешь критиковать его по человеческим меркам и меркам своих сексуальных отношений!

Керал был холоден, как лед, и почти так же жесток, как мертвец. Дэвид опустился на колени возле его постели и в слепом инстинкте прижал его к себе. Он снова и снова шептал его имя.

— Керал! Керал, это я, Дэвид. Вернись. Я здесь. Все хорошо, все будет хорошо. Керал, Керал, ты не должен умирать, — слова теперь были ничего не значащим бормотанием, но они сделали возможным сконцентрировать его сознание, всю его личность на глубоком поиске.

— Керал. Куда ты ушел? Вернись. Вернись ко мне. Я зову тебя назад, я ищу тебя повсюду, куда ты хочешь уйти, я ищу тебя в молчании страха…

Дэвид впервые ощутил черный, бесформенный ужас, в который погрузился Керал, и был почти уничтожен.

Смерть. Я убил живое существо. Он держал ребенка в своих руках, он убивал его. Как может кто-то убить ребенка? Как может кто-то убить кого-то? Я убил своими руками… я умираю своей смертью, захлестываемый этой темнотой…

— Боже, помоги мне, — вполголоса произнес Дэвид. — Как мне добраться до него? — мысленным взором он увидел, как жизнь медленно возвращается на посиневшее лицо полузадушенного младенца, ощутил поток благодарности и любви, которые Регис передал ему в своем прикосновении.

Медленно, как начинает биться сердце от потока живительной энергии, сознание Керала начало возвращаться из тьмы к жизни. Дэвид все еще держал Керала в своих руках и что-то бормотал ему, как ребенку, как женщине, пока, наконец, огромные светлые глаза чири открылись и он с отчаянием и печалью посмотрел в лицо Дэвида.

— Я не хотел убивать его, не хотел быть таким же злым, как он. Но я не представлял себе, как он был слаб и насколько сильны мои руки, когда меня охватывает гнев, — он задрожал. — Мне так холодно, так холодно…

— Это шок, — очень мягко сказал Дэвид. — Скоро станет легче. Тебе больше ничего не надо делать, Керал.

— Ребенок…

— С ним все в порядке, — Дэвид снова удивился. Как рассказывал сам Керал, его раса вымирает.

Керал никогда не видел детей своего собственного народа. Почему же он так беспокоится о ребенке совершенно чужой ему расы? Это глубокое чувство схожести…

Постепенно тело Керала согрелось, мертвенное окоченение прошло, и с некоторым смущением Дэвид осознал, что он все еще лежит возле Керала и сжимает его в своих объятиях как любимую. Он довольно быстро пришел в себя и встал. Практическое мышление одержало верх.

— Ты все еще мерзнешь? Я хочу приготовить тебе кое-что согревающее. И я укрою тебя, — его мучило чувство, что от него что-то ускользнуло, у него был ключ к Кералу, который, в свою очередь, являлся ключом ко всем тайнам.

Керал приподнялся.

— Я хочу пойти…

— Оставайся на месте, — приказал Дэвид. — Это приказ врача. Я узнаю, как обстоят дела с Мелорой и младенцем, а потом расскажу тебе все. — Он избегал давать чири с его чуждой психикой успокаивающие средства, однако, горячее питье ему не повредит. Где-то в штаб-квартире есть кофе или нечто подобное горькому шоколаду — какой-нибудь дарковерский эквивалент этим вещам.

Это была чертовски изнурительная ночь. Дэвид

даже не удивился, когда бросив взгляд на окно обнаружил, что солнце уже встало.

Так же мало его удивило, когда в первой половине дня он узнал, что Коннеру уже известно обо всем, что произошло.

Он медленно привыкал к тому, что был телепатом и уже начал извлекать из этого пользу.

Он уже сформулировал вопросы, которые хотел задать Кералу. Научное изучение чири больше не привлекало его.

Он хотел довериться своей интуиции и пойти туда, куда она его приведет.

Регис Хастур вышел, красноватое туманное утро ослепило его, он равнодушно посмотрел вверх, на небо. Мелора была вне опасности и благодаря быстрому вмешательству Керала ребенок тоже не подвергся настоящей опасности. Оба они теперь спали, и Регис оставил их в надежных руках. Но он до смерти устал, и страх снова охватил его.

Может быть он видел все возможности яснее, чем другие люди. Был ли этот удар нанесен одной из злобствующих партий ненавистников землян, чтобы дискредитировать землян, если ребенок Хастура будет убит у них на глазах?

Было ли это частью плана уничтожения теле-

патов, который давно уже выводил его из себя? Как ему показаться на глаза родителям Мелоры после того, как он с огромным трудом вырвал разрешение на нечто, чему здесь не было еще аналога! Знатная дарковерская женщина отдала своего ребенка под покровительство Империи!

Если кто-то из нашего народа последует ее примеру, у нас больше не будет ничего, что стоило бы спасать! — подумал он с безнадежностью и отчаянием. Он направил свои органы чувств внутрь, чтобы не чувствовать присутствия земной охраны, следующей за ним по пятам и с трудом старался не досаждать чужакам, охраняющим его.

С уверенностью опытного телепата он узнал, что в его доме находится кто-то чужой. Он остановился в слабо освещенной прихожей и попытался установить, не представляет ли он какой-то угрозы. Он прислушался к происходящему в комнате, где находились два его старших ребенка со своими няньками, эта комната тщательно охранялась. Там было все спокойно. Своего младшего уцелевшего ребенка вместе с его матерью он отправил в Замок Хастуров. Чувство присутствия в доме кого-то чужого осталось…

Линнеа! Я забыл о тебе в эту ужасную ночь!

Ты тут?

Он почувствовал, как она побежала вниз по лестнице, увидел ее и заключил в объятия. С мучительным желанием он прижал ее к себе, и ее гибкое тело слилось с ним, словно барьер плоти мог пасть, словно о мог как-то абсорбировать Линнеа в себя (в здании штаб-квартиры, далеко от них, Дэвид с внезапным смущением выпустил Керала. Снаружи, в Торговом Городе, Мисси каталась в беспокойном сне и стонала). Потом Регис поставил ее на ноги, отступил назад, вздохнул и улыбнулся.

Это эгоистично с моей стороны, перекиоза, и я снова должен отослать тебя назад. Но я счастлив, что ты пришла ко мне.

— Моя бабушка тоже была рада видеть тебя. Конечно она показала, что шокирована тем, что я покинула свой пост в Ариллине. Я рада, что Мелора и ребенок в безопасности. Я зайду к Мелоре, если позволят земляне и не сочтут меня хитрой покушающейся.

— Самое худшее, что я услышал это не только от тебя, они мне сказали то же самое, — признался Регис. — Однако, я стыжусь того, что рассердился на это, так как им обоим грозила смертельная опасность.

— Ты слишком устал, чтобы думать разумно, — произнесла Линнеа. — Позволь мне позвать слугу, который принесет тебе еду. А потом… Регис, мне неприятно и еще больше страшит взваливать большую ответственность на твои плечи, но я должна сообщить тебе, что мне стало известно.

Личный дневник Андреа Клоссон.

Записано кодом.

Опушка леса выполнила свою цель. В этом направлении не надо больше предпринимать никаких усилий, потому что рыхлая пахотная земля изменилась до критической точки, по крайней мере, в трех больших областях. Обычных, вызванных ударами молний пожаров будет достаточно, чтобы деморализовать горцев.

С началом весенних дождей на отрезках Н и В в Хеллерсах, начнется эрозия, которая захватит и предгорья. Уровень воды в результате чрезмерного стока в сожженных областях вскоре опасно понизится. Как только в местности Карсон начнется засуха, начнутся песчаные бури, которые уничтожат последние крохи урожая.

Некоторую помощь продуктами питания можно ожидать от хорошо обеспеченных водой городов и низменных областей, но ее не хватит. К Земной Империи обратятся с просьбами

о принятии политических решений, которые будут способствовать желаемому объединению (прим.: у Империи есть проект увеличения количества оборудования космопорта, который Совет отклонил. Вопрос этот снова будет поднят в ближайшие пять месяцев, это будет одно из ключевых решений).

Ожидаемые сельскохозяйственные катастрофы начнутся уже этим летом, хотя еще не в таких всеобъемлющих масштабах. Настоящий голод для всех, за исключением изолированных, обитающих в лесах нечеловеческих культур, начнется только года через три. Несмотря на это, стоит рассчитывать на некоторую панику.

Агенты должны выполнить свое задание и начать работу с нелюдями, раздувать панику и волнения. Если они склонят их к нападению на города людей, будет сделан большой шаг к достижению окончательной цели. Так как если начнется война между людьми и нелюдями, она без остатка поглотит все средства, которые иначе могут быть использованы для проведения санитарной обработки почвы в сельскохозяйственных областях.

Нужно удвоить усилия, чтобы воспрепятствовать вмешательству Хастура. Релейные башни,

вероятно, недоступны, но при относительно низком уровне внутрипланетной политики никто ничего не заметит, пока не будет уж поздно предпринимать скоординированные действия. Иного и ожидать нельзя в этом мире с его индивидуальным идеализированным социальным порядком.

Если мои расчеты верны, я в несколько месяцев смогу достичь той точки, откуда невозможен будет возврат. До этого времени нужно держать всю деятельность в строжайшей тайне, пока процесс станет необратимым и Дарковер, для того, чтобы выжить, будет вынужден просить помощи под руководством технических экспертов. Возможно даже, что мы уже достигли этой точки, потому что на Дарковере уже имеются механические устройства, но их недостаточно, чтобы без посторонней помощи снова сделать плодородной почву планеты. Эта помощь должна быть связана с политической концессией, которая поможет достичь желанной цели — поставить планету на новую ступень и достичь полного 306 открытия этого мира. Не исключено, я недооцениваю Хастуров, но кажется, в данное время они заняты только своими глупыми делами правителей. Собственно, центрального правительства не существует вообще. Этот мир давно открыт.

— Эта планета давно открыта, — медленно произнес Регис, направив взгляд на Линнеа. — Я уже подумал об этом. Я достаточно читал об истории Империи я тебе уже рассказывал, что юношей я хотел покинуть Дарковер и уйти в космос? — чтобы знать, что значит уничтожение планеты. Я не знаю, почему, но я верю, что Дарковер приговорен.

Данило Сиртис сказал:

— Я никогда не верил этим выродкам из Империи, — его напряженное молодое лицо было неумолимо. — У некоторых из горцев есть правильные мысли. Поднимайся и прогоним всех землян с нашего мира, разрушим космопорт и засыпем солью почву на его месте!

— Ты глупец, бреду, — дружески ответил Регис. — Это не Империя. Земляне честно ведут дела с нами и выполняют свои обязанности. Если бы они силой захотели открыть этот мир, они сделали бы это еще триста лет назад.

— Но кто же тогда, Регис, если не земляне? — спросила Линнеа.

— Я только могу сказать, что Галактика велика и существует множество я забыл, сколько — обитаемых миров, — ответил Регис. — Как найти нам один единственный нужный нам орех в ле-

су? Уже на одной единственной планете поиски нужного нам лица… это факт, что у нас нет централизованной организации… — он использовал новый язык, потому что в древнем языке не было таких понятий и слов, — … чтобы с ее помощью проделать это. Это война, а у нас очень давно не было войн. Только отдельные стычки. А также вражда, нападения. Еще прежде чем у меня стала пробиваться борода, я был при том, когда Кеннард Элисон повел нас против Кадарина и его сброда. Но мы ненавидели друг друга и сражались один на один, два на два, или десять на десять. Просто неразумно ненавидеть большие группы людей, которые ничего не сделали лично вам, только потому, что они здесь. Поэтому мы никогда по-настоящему не защищались против Империи, хотя я верю, что большинство людей не хочет, чтобы на Дарковере были космопорты. Это большой мир, и здесь достаточно места для различных мировоззрений. Так, по крайней мере, думают дарковерцы. Мы многому научились у землян, и они многое дали нам. А за это мы снова вешаем на Империю наш ярлык. И мы не можем понять, что идет война. В общем и целом, мы мирный народ и мы особенно уязвимы для такого вида саботажа.

— Тогда ты веришь, что не существует способа удержать врага? — спросила Линнеа, а Данило сжал кулаки, — если нам придется, мы можем сражаться.

— Существует и другой путь, — ответил Регис. — Но в данное время мы не можем идти по нему. У нас есть одна единственная надежда, но и она исчезает.

— Что ты имеешь в виду?

— Старая технология телепатов, — сказал Регис. — Только мы ослаблены инбридингом, и наша продуктивность уменьшается, очень многие убиты, что доказывает нам новое, сегодняшнее нападение. Для скоординированных усилий, которые мы должны предпринять, оставшихся в живых телепатов явно недостаточно. О, мы получили множество предупреждений. В последние сто лет земляне снова и снова пытались сотрудничать с нами! Они хотели развить нашу древнюю науку и обучиться управлению матрико-техиологией, которая была необходима для обучения матрикс-техников и телепатов. Если в башнях и в передающем круге у нас будет пара сотен способных телепатов в полной готовности, мы сможем обследовать планеты, узнать, что замышляется против нас и предотвратить на-

падение. Как показывает все происходящее, мы можем положиться на чужую технику и противопоставить наш образ жизни их образу жизни.

Он закрыл глаза и задумался. Первая пара недель проекта "Телепат" выявила только пару отдельных необученных телепатов, а их изучение до сих пор не дало никаких результатов. Конечно, Дэвид спас жизнь Мелоре, они узнали новые и поразительные подробности о легендарных чири, но это было каплей в море. Открытые на дюжине других планет телепаты были уже на пути на Дарковер. Сколько из них были психопатами, как Рондо или Мисси, и не были способными перенести обучение?

Данило спросил:

— Как много телепатов находится на Дарковере?

Регис слабо ответил:

— Альдонес, как можно это узнать? Ты меня считаешь Богом? Потом он подумал: — Но я могу узнать это по собственному опыту. Я глупец, я изучал другие силы, но только не свои собственные!

С принужденным спокойствием, которое никак не соответствовало внезапно возникшему возбуждению, он сказал:

— Мы еще подумаем над этим. Как много башен

еще действует, Линнеа:

— Девять, — ответила она, — остальные разрушены. В Ариллине восемь, в остальных башнях от семи до одиннадцати-двенадцати человек.

Регис продолжал:

— В Торговом Городе у нас есть 14 матрикс-техников. Я знаю также, что в старых семьях все время рождаются телепаты — но с каждым разом становится все хуже, некоторых из них так и не обучают, однако у них, несомненно, есть ларан-способности. Никто никогда не пытался пересчитать их или заставить развивать свои способности. Теперь, если мы будем работать вместе…

— Это фантастично, — воскликнула Линнеа, — и, может быть, даже невозможно. Ты знаешь что должен выдержать круг башен; прежде чем он начнет работать как группа и достигнет чего-то? Каждый раз, когда мы берем нового члена, нам требуется неделя, чтобы привыкнуть к телепатическому общению с ними. Семь или восемь человек, это кажется минимум.

Регис вполголоса произнес:

— Трое из нас, связанные друг с другом, разрушили матрицу Шарры. А что смогут сделать остальные пятьсот?

Линнеа вздрогнула.

— Все старые матрикс-экраны выше девятого уровня уничтожены несколько лет назад. Они расценены как нелегальное оружие. Говорят, что они опасны, когда с ними обращаются человеческие существа, Регис, — ее взгляд скользнул по его преждевременно поседевшей голове. — Час с одной из наших матриц… причинит тебе… вред.

Он серьезно кивнул.

— По человеческим понятиям это опасно. Однако, есть ли у нас другая альтернатива?

— Во всяком случае, вопрос этот академичен, — защищать, ответила Линнеа. — Полому что матриц больше не существует, и никто из ныне живущих людей не знает, как их ее делают. И, как я считаю, это только хорошо.

— Несмотря на это, это наша единственная надежда, — снова сказал Регис. — Матрицы — наша единственная собственность, которую Империя не сможет продублировать вне планеты. За это, может быть, Империя поможет нам, не требуя никаких политических концессий, которые, как нам известно, неминуемо уничтожат Дарковер. Есть только бег, бег вперегонки со временем. Но я сделаю это, — лицо его не выражало ничего. — Я не просил о том, чтобы меня поставили

во главе Совета. У меня никогда не было желания идти этим путем. Теперь у меня появилась такая власть, чем это кончится я не знаю, но я должен использовать это.

— Я этого не понимаю, — сказала Линнеа. — Зачем Империи нужны телепаты? Насколько мне известно, они с трудом верят, что у нас они есть.

— Подумай хорошенько, Линнеа! — Регис внезапно заспешил. — Достаточно обученный телепат при помощи матрикс-камней может производить энергию так? Те немногие горные выработки, которые у нас есть, управляются матрикс-кругом, который извлекает минералы и отправляет их на поверхность. Нам нужно мало металла, потому что мы не хотим никаких фабрик, но для того, что нам нужно, у нас есть кое-какая техника или она у нас вскоре будет.

— Да, но производственные издержки…

— Можно компенсировать. Один из обученных телепатов, имея собственную матрицу, может создать, например, самолет. Но самолет нам понадобится только в том случае, если будет необходимо летать. Теперь насчет связи: у нас на Дарковере приборы механической связи на большие расстояния не нужны.

— Верно… главной задачей почты на Дарковере,

особенно теперь, является передача сообщений.

— Империи уже давно известно, насколько хороши телепаты, — продолжал Регис. — В космосе, для связи. Механическое передвижение при помощи левитации или контроля над электронами безполезно, когда отказывают все эти механизмы. При помощи же матриц любой ребенок представляет себе структуру материи достаточно ясно, например для того, чтобы определить степень коррозии или обнаружить усталость металла. Вся загвоздка лишь в нехватке телепатов. А также нежелании дарковерцев работать вместе с людьми Империи. Ни один из нас не предоставит себя в их распоряжение для изучения. Мы знаем очень мало попыток изучить эти вещи, и срываются эти попытки из-за нежелания людей сотрудничать. Но существует еще один путь, и теперь самое время пойти по нему.

— Что ты намереваешься делать? — Линнеа избегала читать его мысли.

— Я потребую, чтобы дарковерцам по связи (всем телепатам) был послан призыв, — ответил Регис, — как приказ Кастура, со всем, что это означает.

Линнеа бросила быстрый взгляд ему в глаза и оборвала контакт. Регис в это мгновение, каза-

лось, был почти сверхчеловеком, и она подумала о древних легендах о Сыне Хастуров, который был более чем человеком — и Регис однажды держал в руках меч Альдоны, который был выкован для рук Бога. Можно было выразиться и так: ему удалось приручить и использовать силы человеческого духа, которые для обычного Человека были непознаваемы…

Она перешла к менее важной теме разговора:

— Мы можем закрыть все башни и собрать здесь всех телепатов? Мы можем позволить себе отказаться от той техники, которая у нас есть?

— Да! — внезапно вмешался Данило. — На Дарковере есть телепаты, которые считают работу по связи само собой разумеющимся. Закройте башни на пару месяцев или лет и позвольте нашему народу узнать, как он будет жить без телепатических сил. В течение месяца население очнется, это помешает ему узнать, что нас убивают одного за другим. Было время, когда мужчину, который похитил Хранительницу мучили до смерти. Теперь же детей и женщин просто убивают, и никого это не заботит.

— Ты утверждаешь, что мы, при помощи одних только телепатических сил можем прекратить то, что они делают с нашим миром? — спросила

Линнеа.

— Нет, я так не думаю, — ответил Регис. — Я считаю, что планете причинено слишком много физического вреда. Но мы можем обнаружить, кто это сделал и остановить его. И мы, с помощью которая нам необходима, может быть, сможем иметь дело с землянами как равноправные. Во всяком случае, потребуется время для того, чтобы мы перестали артачиться и серьезно занялись проектом "Телепат". Иначе мы пойдем путем чири, а в Империи есть много людей, которые не заплачут о нас, И потом они смогут эксплуатировать Дарковер как захотят. Мы попробуем выдержать это.

9

Это была скудно обставленная комната, безрадостная и вонючая, а Мисси зачастую лежала тут, неподвижно скорчившись и едва сознавая, что с ней и что происходит вокруг.

Время потеряло для нее всякое значение, хотя она давно уже привыкла замедлять свое восприятие, чтобы хотя бы частично видеть мир так, как его видели другие, те, с которыми она теперь должна жить.

Так много изменений, так много странностей. И эти новые события. Впервые кто-то ответил на ищущее прикосновение, вещь в мозгу, которую она сама никогда не могла понять. До сих пор мужчины были для нее только орудием выживания. Она знала, что она была аномальной, другой, не способной найти кого-то, кто был таким же, как она. Свое тело она не задумываясь отдавала каждому, кто хотел ее.

После первой попытки теперь она вздрагивала при воспоминании о том, что то, что для нее значило так много, для мужчины было ничем, она больше не задумывалась над этим. И вот теперь.

Коннер. Долгое, притупившееся чувство (она испытывала какой-то странный страх и одиночество, которые сформировались внутри нее) протянулось к ней и коснулось ее таким образом, что она едва восприняла его. Она мало знала о своих собственных эмоциях. Она никогда не отваживалась быть интроспективной, но она понимала, что если она заглянет внутрь себя, она обнаружит там воющий ужас, как это произошло тогда, когда она коснулась сумасшествия Коннера. Она все еще чувствовала вдали от себя беспомощное одиночество его бедственного положения. (Как она должна сберечь его, поспешить к нему, лететь…) Мисси, ты нужна мне. Мисси, вернись, без тебя я снова погружусь в ночь…

Имя было несущественно, она носила его только несколько последних лет. Но боль от далеко распространяющегося зова Коннера достигла ее. Он как-то внутренне коснулся ее. Этого она никогда не могла забыть. Но она же могла выйти из сферы его досягаемости…

Она должна была остаться возле Коннера и быть счастливой, как это возможно для такого существа, как она. Да, как она вынесет, когда он будет стареть и умрет у нее на глазах?.

Его прикосновение к кому-то другому…

В ее душу проник Керал, словно он физически протянул руку и что-то вырвал изнутри. Он ненавидел ее. Он боялся ее. И, несмотря на это, между ними было что-то, хотя он и не был человеком. Что хотел Керал? И этот Дэвид равнодушно оставался рядом с ним. Впервые отказало колдовство, против которого до сих пор не мог устоять ни один мужчина.

Со времени встречи с Кералом с ней происходило что-то невероятное: слияние, удушение, изменение в ее теле и в необъятной, неизмеримой глубине ее души. Тут она поняла, что для них обоих не было места ни на одной планете, и в убийстве она не находила никакого интереса. Она убивала дважды. Один раз, чтобы спасти свою жизнь, а другой раз, чтобы спасти свою тайну, но ей совсем не нравилось делать это, только крайняя необходимость могла заставить ее снова совершить это.

Лучше она опять убежит.

— Позвольте мне уйти, — попросил Коннер. — Посмотрите, я космонавт и у меня есть опыт в этой области. Дарковер — порт, как и все остальные. Кто видел хоть один из портов, знает их все. Я слышал, что так говорят, и если мне что-нибудь понадобится, я…

Хотя Дэвид думал, что он переживает исчезновение Мисси из Центра, но Коннер выглядел так жалко, что он почувствовал к нему сострадание. Рондо, напротив, грубо сказал:

— Будь доволен, Коннер, что тебе удалось пережить все это. Эта девочка — потаскуха и психопатка.

Дэвид подтвердил:

— Коннер, это правда. Тут есть еще кое-что. Если бы здесь не было Дезидерии, Мисси легко убила бы Керала. Она очень опасна.

Джейсон Элисон добавил:

— Конечно, мы получили сообщение, что если она попытается покинуть планету, во все космопорты отдан приказ задержать ее. Я только боюсь, что она не захочет, у нас нет никакого права…

— Я предостерег ее от того, чтобы она причиняла кому-то вред, — в отчаянии взмолился Коннер. — Но я должен найти ее, должен!

На удивление всем ему на помощь пришла Дезидерия.

— Я думаю, Коннер прав. Психопатическая потаскуха с сильно развитыми ларан-способностями, талантом психокинетика, могущая вызвать буйство вещей, которую ненавидят все человеческие расы, которая свободно разгулива-

ет где-то на Дарковере, я не могу думать об этом без содрогания. Теперь идем, Дейв — и если я чем-то смогу помочь тебе — вызови меня.

Мутный свет в комнате превратился в полумрак, и темное солнце висело на низком небе, как огромный красный уголек, когда Мисси встала, пригладила свои длинные волосы и стала прихорашиваться автоматически, ей почти не надо было смотреть в мутное, треснувшее зеркало. Она надела легкую одежду, покинула дом и осторожно пошла по грязной улице, на ногах у нее были тонкие тапочки.

Четверть красных фонарей была точно такой же, как и в городах-космопортах на других планетах: дешевые бары и индустрия развлечений, рестораны и дома наслаждений, игровые залы и кабачки всех видов и рангов. Мисси знала это более чем под полудюжиной солнц. Дарковер был несколько более холодным, чем большинство других миров, немного менее освещенным. Она медленно брела от бара к бару и, как только входила в помещение, с одного взгляда сразу же оценивала всех присутствующих. Обычно ей требовалось четыре или пять минут, чтобы оценить всех посетителей и составить мнение об уровне этого заведения. В большинстве случаев она скры-

вала свои волосы по капюшоном пальто и вела себя скромно и незаметно. Ее замечали немногие, им казалось, что это всего лишь девочка, может быть, маленькая дочь одного из космонавтов или служащих космопорта, которая кого-то ждет и совершенно не замечает сомнительного окружения. В других заведениях она использовала свои способности и отклоняла попытки к сближению, пока не находила очередную жертву.

Он оказался очень богатым. Его мундир сразу сказал ей, что он второй офицер на одном из пассажирских кораблей Империи — короче говоря, у него кроме денег был авторитет и высокая должность.

Офицер поднял взгляд от стакана и взглянул на молодую девушку ослепительной красоты. Волна серебристых волос ниспадающих вниз, как облако окружала ее узкое лицо, и она смотрела на него бездомными, светящимися серыми глазами. Действие этого взгляда было таким, что он был совершенно повержен и в последствии не мог объяснить, почему он поддался на ее чары, когда она появилась на его пути. Он был не новичок с женщинами — этого нельзя было представить в отношении офицера корабля, особенно такого, на рукаве которого семь маленьких драгоценных

камней, говорящих о том, что он служил на семи планетах. Он не нашел ни одного слова, он мог только спросить, как смущенный юноша:

— Тебе не холодно? В легкой одежде, на такой планете?

Мисси таинственно улыбнулась.

— Я никогда не мерзну, — ответила она. — Но я уверена, что мы сможем найти более теплое местечко, чем это.

Позже он спрашивал себя, почему ему эта примитивная открытость, колдовство и красота, окружавшие ее, показались такими новыми, странными и чарующими? В течение последующих часов, которые он едва мог вспомнить, он находился под действием этого колдовства и покорно последовал за ней по темной улице в печальную маленькую комнатку. Она ничего не потребовала от него. Опыт научил ее, что мужчины задним числом всегда были великодушны и готовы помочь ей во всем. Она не знала, почему она излучала эту странную притягательность, которую она могла распространять вокруг в необходимом случае. Она также почти не сомневалась в том, что она потом сможет убедить его тайком взять ее на борт корабля. Не менее десяти раз капитаны и корабельные офицеры ставили

на карту свою карьеру, и этот сделает то же и даже будет благодарить ее за эту привилегию. Для нее было бальзамом и утешением почувствовать внутри себя его желание, его настоятельное требование после неудачи с Дэвидом (не был ли в этом виноват Керал?), ей нужно было самоутвердиться, чтобы прогнать чувство страха, чтобы она не стала чужой для себя самой.

Его руки, его прикосновения, его губы были требовательными. Она откинулась и позволила ему раздеть ее. Ее глаза были огромными и сияющими, и офицер двигался словно во сне. Неуверенно, дрожа от возбуждения, он сорвал с нее легкое шелковое белье…

А потом его грубые руки швырнули Мисси через всю комнату, и его внезапно ставший жестким и яростным голос исказился от разочарования и отвращения.

— Проклятый, дерьмовый, вонючий извращенец! Вшивый выродок, омбардина — я слышал, что на Дарковере много таких проклятых оогом вшей, но мне никогда не приходилось…

Страх сжал сердце Мисси ледяными когтями. В треснувшем тусклом зеркале она едва могла разглядеть свое лицо, но теперь зеркало с беспощадной резкостью отразило ее обнаженное тело,

невероятные, сумасшедшие изменения в нем. Она увидела голого, буйствующего мужчину с поднятыми кулаками, приближающегося к ней и отступила, все еще не веря этому.

ЭТО НЕВОЗМОЖНО! И в припадке нелогичности: ЭТО СДЕЛАЛ СО МНОЙ КЕРАЛ! Она опустила глаза, зрачки ее раскрылись так широко, что глаза сделались черными, она смотрела на свое собственное тело, словно в зеркале она увидела сумасшедшую картину, которая не имела ничего общего с ее собственным телом, но неразвитые, но все же несомненные признаки мужского пола сильно поразили ее: груди все еще были, но маленькие, а внизу выступал маленький, но заметный розовый мужской половой член…

Мисси закричала больше от боли, чем от страха. Она закричала снова, когда кулак мужчины ударил ее в лицо, неуверенно подняла вверх гибкие руки, чтобы защититься. Она не всегда понимала ругательства, которыми он осыпал ее, ее уши их не воспринимали. Только парой слабых движений она пыталась уклониться от диких, жестоких ударов. Она почувствовала, как кровь выступила на ее разбитых губах, ощутила, как под его пинками сломалось одно ребро.

А потом Мисси завопила.

Откуда-то она всегда знала, что она была много сильнее, чем любая другая женщина. Это была часть ее физической ненормальности, она никогда не испытывала ни малейшего страха перед любым насилием и всегда действовала сильно и ловко в различных ситуациях в своей длинной и суровой жизни. Теперь она была очень удивлена, но запах ее собственной крови и всеохватывающая паника превратили ее в настоящего берсерка. Как разозленный тигр, она вскочила с пола. Вопль и удар ее невероятно сильной руки — и тело мужчины пролетело через всю комнату и ударилось о стену.

Она схватила его своими внутренними силами, при помощи которых она двигала предметы и мебель в комнате Дэвида.

Взревев, как раненый бык, мужчина приложил руки к бедрам. Скамья мгновенно поднялась в воздух, пролетела через помещение и ударила его по голове с такой силой, что обычный человек сразу же упал бы замертво. Но этот офицер был не обычным человеком, и вид летающей и парящей мебели еще больше разозлил его. Снаружи на улице в воздухе витали облака крутящейся пыли. Камни сами взлетали и устремлялись к двери жилища. Мисси отчаянно защищалась

от ударов и пинков. А потом офицер внезапно схватил летающую в воздухе скамью и ударил Мисси по голове. Мисси упала на пол и замерла, как мертвая.

В дверь забарабанили, строгий голос что-то прокричал и четыре человека, одетые в черную кожу космической полиции, переступили порог комнаты. Они увидели перед собой обнаженного мужчину и лежащее без сознания, истекающее кровью существо, которое на первый взгляд казалось обычной девушкой. Без долгих предисловий космические полицейские забрали их обоих и отправили в тюремный лазарет посмотреть, что они из себя представляют и насколько серьезно они ранены.

И там космическая полиция сделала открытие, которое повергло ее в такую же панику, как и офицера пассажирского корабля.

Мужчине на экране, с которым они уже связались, была хорошо видна их растерянность.

— Вы доктор Джейсон Элисон? Вы руководитель спецпроекта Медицинской Службы Земли и работаете вместе с двумя чужаками и другими телепатами?

— Да, я Элисон.

— Итак, у нас здесь для вас кое-что есть. Вы

случайно не потеряли одного из ваших людей? Мы не знаем, что это и не можем с ним общаться. Может быть вы прибудете сюда и заберете его или ее с собой, прежде чем весь этот проклятый богом космопорт охватит пожар?

— Ох, — сказал Джейсон самому себе и пожелал, чтобы у него была кнопка выключения паники, на которую он мог бы нажать. Он понял, что Мисси найдена.

… Моя семья…

Керал. Тебе хорошо среди чужаков, любимый?

Мне плохо, хотя один из них любит меня — он мне как кровный брат. И я многое узнал о своем народе и мире. Но я один и в отчаянии. Эту жизнь в четырех стенах я больше не могу выносить. И что мне делать, если у меня наступит изменение или я сойду с ума, прежде чем успею предупредить их? Мне здесь все так чуждо, что я постоянно боюсь. Меня уже один раз ранили и один раз убили, оба раза ненамеренно. И здесь есть некто странный, который вызывает у меня страх. Я не хочу умирать. Я не хочу умирать…

Джейсон взял с собой успокаивающее, достаточное для того, чтобы успокоить двух буйствующих слонов, но Мисси, лежащая в шоке, лицо как светлое пятно над плотно завернутым вокруг

нее покрывалом, не двигалась и не сопротивлялась. Она молчала, не открывала глаз, когда он осторожно перенес ее на носилки и доставил в машину скорой помощи. Пока они летели назад, совсем недолго, возвращаясь в штаб-квартиру, Джейсон тихо сидел возле, не касаясь ее. С серьезным лицом он задумался над тем, что сообщила ему космическая полиция. Он собственными глазами видел заваленную обломками комнату, а также черное пятно на том месте, где пламя ударило в потолок.

Я видел на Дарковере огромное множество странных телепатов и эсперов, свирепо сказал он самому себе, но неконтролируемое буйство вещей для меня нечто новое, но будь я проклят, если я знаю, с чем я вынужден иметь дело. Регис должен мне помочь. В конце-концов, это входит в его обязанности. Я врач, а не волшебник.

Уже поверхностное исследование изменений, происшедших с Мисси, ужаснуло его. Хотя ее своеобразная красота все еще сохранилась, светлая кожа, казалось, стала грубой и пятнистой. Глаза больше не сияли — это, конечно, могло быть результатом шока. Но самым существенным было не это. Джейсон один был всегда иммуным к требовательной, экзотической сексуальности,

которую Мисси излучала всеми своими порами — но и она исчезла, Ну, и это могло быть результатом жестокого обращения. Она явно была основательно избита, и врачи тюремного лазарета боялись прикасаться к ней. За это он не мог винить их.

К счастью, Мисси никогда не проявляла к нему враждебности. Когда он изучал ее в первый раз, она помогала ему, да и была — в известной мере дружелюбна. Только на Дэвида и Керала она реагировала с отвращением.

Джейсон надеялся, что сможет незаметно доставить ее в больницу, но, может быть, он должен привыкать к этому, работая с телепатами — все они уже были тут и ждали его.

Он сказал людям, катившим носилки, чтобы они остановились, сделал знак Дэвиду — по крайней мере, Дэвид был его коллегой — и тихо сказал:

— Другие должны подождать. Она в очень плохом состоянии, у нее может быть сотрясение мозга или внутренние повреждения. Дэвид, ты пойдешь со мной, а остальные останутся здесь, — его взгляд быстро скользнул по их лицам. Регис, напряженный и испуганный — почему? Коннер, посеревший от мук отчаяния, ненадолго про-

будил в нем сочувствие, и он положил руку на плечо этому человеку.

— Я знаю, что ты переживаешь, — сказал он. — Как только будет возможно, я пущу тебя к ней, поверь мне. Ей нужен кто-то, кто будет добр к ней, после всего, что с ней произошло.

Хотя Коннер отошел назад, Дэвид, ставший очень чувствительным, воспринял беспомощный гнев этого человека.

Никого, впрочем, не заботит, что с ней… Она нужна мне, она один из случаев… как я после катастрофы корабля…

— И его мысли потеряли связность. Ярость, отчаяние и влечение так переплелись, что сам Коннер больше не знал, что с ним. Дэвид спросил себя: "Как может она так много значить для него?" — и закрыл дверь, радуясь, что было темно и не видно всех этих лиц, лишенных всякого выражения.

Лицо Мисси на подушке было белым, с кровоподтеками и синяками, один глаз прятался в огромном пурпурном распухшем синяке, ее светлые волосы были распущены. Это зрелище сжало горло Дэвида, он подумал: те эмоции, которые он воспринял, принадлежали девушке или Коннеру, а может быть это только беглое, болезненное

сходство Мисси с Кералом. На этом прекрасном неприкосновенном лице останутся шрамы, там, где кулак или какой-то тупой предмет разорвал ей щеку.

Он подошел к кровати и стал поправлять покрывало.

Мисси открыла глаза. Они были холодными и блестели, как сталь.

— Нет, — прошептала она кровоточащими губами, исказившимися в приступе боли. — Не прикасайся ко мне, не прикасайся ко мне!

Бедный ребенок, подумал Джейсон, после того, что он перенес, я его ни в чем не виню.

— Все хорошо, Мисси, — успокоил он ее, — никто тебе больше не сделает больно. Я должен осмотреть эту рваную рану на лице и посмотреть, нет ли каких-то других повреждений. Я думаю, мы сможем сделать так, что не останется шрамов. Скажи мне, тебе больно? Позволь мне посмотреть…

Он решительно взялся за покрывало и попытался разжать пальцы Мисси, которыми она вцепилась в него.

В следующее мгновение Джейсон, вскрикнув и в дожде искр, пролетел через комнату. Он ударился о противоположную стену, неудачно упал

и остался лежать беспомощной куклой. Мисси буквально выплюнула:

— Не прикасайся!

— Э… — запротестовал Джейсон и поражение поднялся на ноги, — я не хотел причинять тебе боль! — Глаза Мисси, пустые и холодные, как металл, уставились на него. Дэвид стоял возле кровати и ощущал шторм мыслей, торнадо ужаса и стыда, которое было так жутко, что…

— Подожди, Джейсон, — сказал он и нагнулся над Мисси.

— Девочка, все прошло, никто больше ничего тебе не сделает. Это только врач. Он всего лишь хочет посмотреть, как тяжело тебя ранил этот человек. Пожалуйста, скажи нам — он тебя изнасиловал? Нам всем жаль… — впервые за всю свою карьеру врача Дэвид всеми своими силами проникал через баррикаду страха, чтобы добраться до спрятавшейся за ней девочки. Чуждость Мисси он больше не воспринимал, он так же мог говорить с испуганным ребенком.

Специфическое сексуальное содержание страха, ясно понятное без всяких слов, привело Дэвида к совершенно ложным заключениям.

— Мисси, если ты боишься нас, может быть лучше чтобы к тебе пришла одна из женщин,

например, доктор Шильд?

Еще один сильнейший взрыв ярости и страха пронесся как шторм, по помещению. Глаза Мисси сверкали, когда Дэвид взялся за покрывало, руку его парализовало словно электрическим током.

Джейсон еще раз попытался поговорить с ней разумно.

— Мисс Джентри, это глупо. Так мы не сможем помочь вам, нужно перевязать ваши раны — вы видите, лицо все еще кровоточит, если вы не позволяете нам этого…

— Нет никакого смысла аргументировать это, — произнес Дэвид тихо. — Я думаю, она не слышит, что мы ей говорим, Джейсон.

Дверь открылась, Керал сказал своим робким голосом:

— Доктор Элисон, мне кажется, я знаю, что происходит с Мисси. Вы же знаете, что она моего рода, моей расы. Это то, чего она не понимает. Я хочу попытаться достичь ее души…

Керал, казалось, напрягся, и Дэвид почувствовал его страх, подобный страху Мисси. Это сумасшествие изменений… и если она выросла на другой планете и не знает, что с ней происходит, если она пришла к нам ничего не зная…

— Послушай меня, — выдохнул он. — Будь со

мной, Мисси. Я не враг тебе. Я из твоего собственного народа…

Она расслабилась. Ее глаза все еще блестели, но тело обмякло. Дыхание превратилось в сухой, смертельный шелест. Дэвид знал, что она слышит Керала, даже если глазами она не выдала этого. Голос Керала дрожал. Он должен был собраться с силами, и все же в его голосе была какая-то нежность, по которой оба слушателя поняли все болезненное одиночество чири.

— Мисси. Открой свою душу и слушай меня. Я могу тебе помочь. Тебе не нужно меня бояться, заблудившийся ребенок с нашего мира, маленькая сестричка, маленький братик, маленькая потерявшаяся птичка…

Пристально смотревшие на него глаза Мисси открылись.

Она со всхлипом вдохнула воздух…

А потом комната взорвалась. Керал вскрикнул от муки и дико начал сбивать пламя, которое вспыхнуло под его руками. Потом буря стихла. Он опрокинул передвижной столик с бинтами и инструментами. Металл звенел, стекло разбилось. Дэвид нагнулся над разлетевшимися осколками, Джейсон что-то проревел…

Керал отвернулся с побледневшим лицом и

стиснул от боли обе поврежденные руки. Он хрипло прошептал:

— Я не могу ее достать, она сошла с ума… возьмите Дезидерию, она поймет, что происходит с Мисси…

Она поспешила на улицу, захлопнув дверь в комнату, в которой царил хаос. Потом она нервно и испуганно огляделась. Все навалились на нее с вопросами. Джейсон сделал знак Дезидерии и спросил:

— Как сдержать это дьявольское буйство? — потом обратился к Регису. Регис, ты специалист, что ты делаешь, если один из ваших людей вдруг превращается в берсерка?

— С такими мне еще никогда не приходилось сталкиваться, — сказал Регис. — Дэвид, позаботься о Керале, он ранен… Дезидерия, ты можешь успокоить ее?

Линнеа, тихо стоящая с краю группы, вмешалась:

— Позвольте мне помочь, бабушка. Если две Хранительницы ничего не смогут сделать, чтобы обуздать сумасшедшую, тогда для чего же мы?

Джейсон отошел, в сторону, чтобы обе женщины смогли пройти в комнату. Дэвид потянул за собой Керала. В концеконцов, это было необ-

ходимо, это было единственное место, где были перевязочные средства и медикаменты для обработки обожженной руки Керала. Он с любопытством смотрел, как Дезидерия и Линнеа остановились в паре шагов от постели Мисси и взялись за руки. Снежно-белая корона волос Дезидерии и пылающая медь волос Линнеа теперь были рядом и поразительное сходство этих женщин производило странное впечатление силы. Две пары серых глаз, так похожих на глаза Мисси, сфокусировались на ней как лучи света.

Дэвид нагнулся, поставил на колесики передвижной столик, убрал с дороги инструменты, посадил Керала на стул и поискал в аптечке мазь от ожогов. Боже, спасибо за нестандартные этикетки, дарковерский шрифт — это было бы слишком много для меня! — промелькнуло у него в голове, когда он увидел знакомый символ пламени на пакетике с мазью. Он осторожно разжал судорожно сведенные пальцы Керала и пораженно присвистнул. Вся ладонь была в пузырях. Позади себя, в комнате, Дэвид ощутил напряжение.

Мисси молча боролась, дрожа под объединенными усилиями обеих женщин.

Дезидерия холодно сказала: — Делай то, что

делаешь, Джейсон. Она будет спокойной.

Линнеа, глубоко втянула воздух.

— О бабушка, нет… о Эвальда, пощади. Эта бедная штука.

Дэвид завязал бинты на руках Керала. Он мрачно поджал губы.

— Тебе причинен небольшой вред. Ты в порядке? У тебя одна слабость? спросил он, накинув на лицо маску профессионального спокойствия, словно плащ на свой страх и гнев.

Джейсон откинул покрывало, было хорошо видно, что он чуть было не подпрыгнул. На этот раз Мисси лежала спокойно. Она казалась наполовину потерявшей сознание.

Джейсон обнажил ее тонкое предплечье, и воткнул иглу в мышцу. После мгновенного напряжения глаза Мисси раскрылись, и она задышала во сне глубоко.

Джейсон повернулся к женщинам:

— Это успокоит ее. Спасибо. Она могла убить всех нас троих, — он открыто посмотрел на них. Конфликт с врачебной этикой — обследовать пациента перед глазами посторонних — и нежелание оставить их одних наедине с опасной пациенткой. Его внутренняя борьба четко отразилась на лице.

Дэвид воскликнул: — Останьтесь, Джейсон. Вы больше знаете о телепатах и о чужих разумных существах, чем мы все.

Он странным отсутствующим взглядом посмотрел на Джейсона, который раздевал Мисси. Его захлестнуло сочувствие. Ничего странного, что изменение свело ее с ума. Ее тело стало для нее чужой и глупой вещью… но он подавил это чисто субъективное ощущение. (Керал! Как это подействует на Керала?) и постарался с холодной научной любознательностью определить новые половые признаки.

Груди по своей форме и объему существенно изменились.

Конечно, они не были большими, ненамного больше, чем у обычной девочки лет двенадцати. Несмотря на это, разница бросалась в глаза. Текстура кожи тоже, казалось, изменилась, хотя он совсем не был уверен в этом. Она потеряла свой блеск. Он заметил это, когда помогал Джейсону перевязывать и смазывать порезы и ссадины. Очертания половых органов были четкими. До сих пор Мисси была существом женского пола с небольшими отклонениями. Теперь же каждый с первого взгляда сочтет ее мужчиной. Несколько недоразвитым мужчиной — да, но, несмотря ни

на что, существом мужского пола. Все же, бедный ребенок, как же это было ужасно для нее! По привычке он все еще думал о Мисси как о девушке, и когда он вспомнил о Коннере, лицо его запылало, так испугался он за него. Мне-жалко Мисси, как я объясню Коннеру, что его девушка теперь не девушка?

— Тут мы наломали чертовски много дров, — заметил Джейсон часом позже. Мисси все еще тихо лежала в постели, совершенно оглушенная. Дэвид пролистал страницы медицинских отчетов, которые он только что прочитал. Мощные колебания, все еще продолжающиеся, и вероятно, нестабильные, между мужскими и женскими гормонами — ничего странного, что появились такие результаты эмоциональной нестабильности! — О, может быть, все чири такие? Ты друг Керала. Может быть, ты сможешь уговорить его рассказать историю своего народа. Разве он ничего не сказал о том, что чири тысячу лет назад начали искать пути спасения расы, отправились в космос, а потом вернулись умирать домой? Очевидно, Мисси одна из тех, кто затерялся где-то. Вероятно, даже не было известно, кто она — к дьяволу, если она: подкидыш, как она нам сказала, должен кто-то быть, кто с первого взгляда

решил, что она девочка, а кто может не доверять свидетельству своих глаз? Но кто из нас может быть уверенным, что нечто подобное произойдет с Кералом? Какое выражение он тут использует — сумасшествие изменения? — О проклятье, — взорвался Джейсон, — я не готов к этому! Какой же смысл вообще имеет этот проект!

Дэвид почувствовал внезапное отчаяние Джейсона, который не знал, что делать с пациенткой. Он быстро спросил:

— Джей, что случилось?

Джейсон покачал головой.

— Личная проблема. Я получил сообщение о том, что мои люди умирают как мухи — этого ты не знал — я сам вырос среди нелюдей, охотников, Ты еще мало знаешь Дарковер, но существуют лесные охотники, а жители лесов умирают… Что за смысл проводить проект или спасать пару человек, если гибнет весь мир?

Дэвид не знал, как ему утешить Джейсона… Наконец он тихо сказал:

— Я думаю, что мы просто должны делать то, что можем, Джейсон. Я поговорю с Кералом и посмотрю, что можно сделать, — Он перенес разговор на более позднее время, не понимая, почему ему так трудно подойти к чири. Была

ночь и высокие башни космопорта блестели в дождливой темноте, когда он вернулся в свою комнату. Там он обнаружил Керала, спокойного, сдержанного и бледного, как и прежде. Керал едва поздоровался с Дэвидом, молодому врачу показалось, словно здание дружелюбия и сотрудничества, которое он возвел со времени прибытия на Дарковер, рухнуло и погребло его под обломками. Коннер в отчаянии о Мисси — Дэвид. еще не набрался храбрости, чтобы сказать ему правду. Регис полон своих собственных страхов. Джейсон, тот болеет за судьбу лесных жителей. Разваливающийся мир, стонущий в муках… и он сам со своей глубокой нежностью к Кералу, который теперь-внутренне отказался от него. Дэвид думал о бледном, испуганном лице Мисси, думал, что найдет на нем отражение паники и сумасшествия. И то же будет и в светлых глазах Керала. А потом он вздрогнул, вспомнив о том утре, которое было уже так далеко. Неужели он здесь всего пару недель? Он увидел Керала в помещении бюро и впервые с самого начала был в нерешительности. Сначала он принял Керала за юношу, а при более пристальном изучении он обнаружил разницу.

— Как твоя рука, Керал?

— Пока в порядке. Мисси?

— Еще под действием наркоза. Я надеюсь, что она проснется душевно здоровой. Может быть, мы сможем помочь ей гормонами, но я в этом не уверен.

— Я чувствую себя ответственным за нее. — медленно произнес Керал. Контакт со мной оборван.

— Керал, ты же только пытаешься ей помочь, если она потеряла рассудок, то это ее дело.

— Нет. Я думаю, это был… контакт со мной… который вверг ее в изменение.

— Я этого не понимаю…

— Я тоже не понимаю и боюсь, — болезненно произнес Керал, — потому что со мной может произойти то же самое.

Дэвид удивленно посмотрел на него. Но он не отважился прервать его, потому что он почувствовал, что Керал теряет сдержанность. И спустя мгновение Керал продолжил все тем же жестким, спокойным голосом:

— Попытка, это я понимаю. За все мои долгие годы жизни я понял, что я — последний и единственный ребенок моего народа. Все другие представители моей расы стары, очень стары — не слишком стары для спаривания, но слишком стары, чтобы у них были дети. И я рос среди них,

молодой, молодой… Теперь я первый раз нахожусь среди других молодых людей, которые, если принять во внимание различие в продолжительности жизни, примерно моего возраста. В первый раз в жизни я нахожусь среди… — он замолк, задушенный словами, и Дэвид только с трудом мог себе представить, какая эмоциональная нагрузка навалилась на него…. среди потенциальных партнеров для спаривания. Поэтому я знаю, что я в любое время могу стать нестабильным и измениться, как это произошло с Мисси.

Уже до этого Дэвид видел страх на лице Керала. Теперь это был настоящий ужас, отразившийся на лице чири.

Дэвид постарался говорить деловито.

— Ты думаешь, что Мисси так реагирует именно на тебя? Биологически, я имею в виду, на этот простой факт, что ты в первый раз оказался в обществе половозрелого члена своей расы? — это было, как он с трудом понял, точное и простое решение. Эти два последних представителя своей расы могли дать ей новое начало…

— Нет, — голос Керала исказился от отвращения. — Это для меня невозможно. Это одна из причин, по которой наш народ вымирает, и все же… мы с самого начала были плохо сконструи-

рованы. Я довольно часто слышал эту историю. Сексуальное влечение слабое, э… отвращение сильное. Я не имею никакого права осуждать Мисси, я знаю ее судьбу. Я сочувствую ей. Я так сочувствую ей, что чуть было не заболел от этого. Когда я представляю, как должно быть ужасно для нее было… Оставшиеся в живых не могут вынудить ее использовать свои способности, чтобы очаровывать своими телами чужих мужчин! Но она делала это всю жизнь и я… и я не готов сблизиться с ней.

Дэвиду вспомнилось, что сказал Регис, и он со все еще не прошедшей горечью вспомнил о своей собственной юности.

— Я считаю, что это обычное дело для телепатов. Редко бывает, чтобы они — сексуально — могли делать что-нибудь, оставив свое сознание недоступным для других. Я сам пережил ужасное время и как следствие этого… — он слегка усмехнулся, — мои собственные отношения с женщинами, скажем, были минимальными. Пара экспериментов — и я более или менее отрекся от них. У Коннера было еще хуже — пока он не нашел Мисси. Он вообще не выносит присутствия других людей, и мы первые, кого он выносит.

— Это, конечно, тяжело для тебя, — сказал Ке-

рал с немедленным пониманием его эмоций, что было для Дэвида таким новым и желанным.

— Я должен признаться, что последнее время мне это приходило в голову: если здесь, на Дарковере, есть телепаты, могут также быть женщины, которые способны… — Дэвид слегка покраснел. — Не то, чтобы у меня было много времени, чтобы задумываться над этим, но когда я вижу Регриса с этой девушкой, которая недавно родила от него ребенка, а теперь с Линнеа, я тотчас замечаю, что он обеих очень любит… — он снова смущенно улыбнулся. Если живешь среди телепатов, ты не можешь спрятать свое отношение к некоторым вещам. Я имею в виду, что секс становится совершенно открытым делом. Керал, тебе неприятно говорить об этом? Боже, помоги мне, я не уверен, мужчина ты или женщина?

Взгляд Керала остался спокойным.

— Как и весь мой народ — и то, и другое. Мы… меняемся, как только это потребуется. И, как я уже сказал, если мы… сходимся, наше чувство должно быть сильным и обоюдным, иначе, в вашем языке я все еще не очень силен, но я изучил кое-что из вашей техники, но все же это еще не принесло никаких плодов. Искусственное оплодотворение. Наши женщины, или большинство из нас,

кто находится в женской фазе, спаривались под воздействием медикаментов, притупляющих их сознание, с мужчинами других рас в отчаянной надежде…

— И вы не можете скрещиваться с другими расами?

— Произвольно — нет, — ответил Керал, — хотя здесь, на Дарковере, есть легенды… это значит, что у телепатов Комина есть кровь чири. В одной из легенд говорится о женщине нашего народа… ты же сам видел Мисси…

. — Да. Она изменилась, и ты думаешь, что это произошло в результате контакта с тобой? Она была в… женской фазе, ты говоришь? Но ты…

— Я думаю, это изменение произошло в результате контакта с Коннером, ответил Керал. — После всего того, что было у нее с мужчинами для нее чужаками, почти животными, она впервые встретилась с кем-то, кто мог постичь ее мысли и чувства, и она вышла из фазы, которую мы называем эммаска, нейтральной фазы. В нейтральной фазе она — пассивно — может иметь половые сношения с кем угодно, но Коннер воздействовал на ее эмоции и эндокринные железы. Поэтому спаривание с Коннером было чем-то настоящим, чем-то, что растревожило ее до глубины души,

может быть даже глубже, чем мне казалось.

Дэвид сказал: — Я думаю, что понимаю. Но, согласно анализам компьютера, ее мужские и женские половые гормоны почти идентичны человеческим. Я имею в виду, что если это вопрос химии, Коннер как мужчина должен был глубоко войти в ее женскую фазу.

— Я не знаю этого, — ответил Керал. — У меня только бездоказательная теория. Вот она: в первый раз изменение э... колеблется то в одну, то в другую сторону, пока гормоны не стабилизируются. Старейшины меня также предупреждали, что иногда это приводит к сумасшествию.

— Я врач, Керал. Если это вообще возможно, то только я могу рассмотреть все это с точки деловой.

— Действительно, Дэвид? — Керал слабо улыбнулся. Мы иногда скрещивались с другими расами... случайно. Могло случиться, что один из нас, если пришло время измениться и никого не было из его народа, чтобы спариться с ним, пьянел от лунного света и, сойдя с ума от изменения тела и духа, сбежал в лес, встретил там человека и, не соображая, что он делает, отдался ему. Об этом мы еще не говорили. Некоторые из нас потом умерли. Но другие рожали чужих

детей. Это значит, что некоторые из этих детей были отобраны у нас и их забрали люди. Они принесли ларан — способности, телепатическую одаренность людям Комина. У нашего народа с этим связано так много ужаса и стыда, что об этом говорят только шепотом. И никаким другим способом… никаким другим способом… — Керал, задрожав и побледнев, осекся, потом зарыдал.

Дэвиду стадо ясно, что научная объективность здесь бессмысленна. Руководимый сильным чувством, он протянул руку чири и притянул его к себе. Однако Керал воспротивился.

Дэвид быстро отпустил его. Они стояли и смотрели друг на друга, Керал все еще всхлипывал, а Дэвида мучили невероятные предположения. Наконец Керал с болезненной усмешкой сказал:

— Ты именно тот, к кому я боюсь прикоснуться.

С огромным трудом Дэвиду удалось овладеть собой. Он убедил себя, что Керал принадлежит к расе гермафродитов, что он вырос, ничего не зная о человеческой культуре и даже не знал названий человеческим табу и извращениям.

Тот факт, что они оба были мужского пола, для Керала не значил абсолютно ничего. Они оба? Проклятье! Он сам был уверен, что не знает, был

ли Керал мужчиной. Но ко всему этому сначала необходимо привыкнуть. Наконец Дэвиду удалось преодолеть свой шок и он тихо сказал:

— Керал, я не совсем понимаю. Ты говоришь, что ты и я… мы можем быть партнерами?

— Я этого тоже не знаю, — голос Керала был таким же жалобным, как и его вид, когда он произнес это… — Я тебе причинил боль, или… или ненамеренно оскорбил тебя, Дэвид?

Дэвиду пришлось снова совладать со слепым импульсом обнять Керала своими руками. Это было не влечение, во всяком случае, отнюдь не сексуальное влечение (он понял это много позже, оно тоже было, даже если оно было в глубине его "я"), но всепоглощающее желание близости, жажда контакта, слияния охватила его. Чувство это было настолько сильным, что Дэвиду потребовались все силы, чтобы остаться спокойным. Он протянул руки к Кералу. Как-то он должен был успокоить его, утешить.

— Я не понимаю, что происходит, Керал. Я тоже боюсь. Но… Керал…он поднял глаза и когда встретил пристальный взгляд чири, его душу захлестнула волна невообразимого, немыслимого счастья. — Меня совершенно не беспокоит, что это. Я люблю тебя, ты ведь знаешь это. Я сделаю

для тебя все, что в моих силах. Я не буду касаться тебя, пока ты сам не захочешь этого. А когда ты… Мы друзья. А друзья могут быть также и любовниками.

Керал стоял неподвижно. Его гибкая перевязанная рука слегка сжала руку Дэвида, но он все еще стоял на месте. Потом лицо его слегка изменилось. Наконец он повернул голову и сказал:

— Но я боюсь. Мне кажется, что я сам себе стал чужим. И я не в состоянии спросить себя, не для этого ли наши люди направили меня сюда. Мне не нужно рассказывать тебе, что это значит для нашей расы. Жизнь вместо смерти… и все же я спрашиваю себя, не сошел ли я с ума и не снится ли мне всеэто.

Дэвид не отважился рассмеяться. Он только крепко сжал руку Керала. Мы должны подождать пока все станет ясно. Мы должны обнаружить…

— Не говори об этом никому, — внезапно попросил Керал.

— Я не стану делать этого, но у нас мало шансов скрыть это от остальных. Вспомни о Коннере и Мисси! Но прежде всего, Керал, прежде чем мы пойдем на какой-то риск, мы должны обнаружить… — голос его отказал и издал неподходящий к ситуации смешок. — Я смеюсь не над тобой,

Керал, но это так смешно! О Боже, представьте себе, ты родишь от меня ребенка…

Керал посмотрел на Дэвида широко открытыми прекрасными глазами.

— Как и каждый из моего народа, я при этом подвергаюсь некоторой опасности, — сказал он. — Даже могу сойти с ума. И даже умереть собственной смертью. Но я доверяю тебе, Дэвид, и люблю тебя. И я считаю, что это возможно.

А потом радость его вдруг исчезла, и он замолчал.

— О, мы дураки, Дэвид, почему мы, находясь вместе, так печальны? Я иногда могу очень четко читать твои мысли: хладнокровный эксперимент! Ты так ничего и не понял? Я думал, что объяснил тебе, что это только мое чувство чего же ты боишься?

Они обнялись, рассмеялись как дети, а потом Керал мягко оттолкнул своего друга.

— Ты прав, — прошептал он, все еще смеясь. — У нас столько времени, сколько нам надо. И мы должны узнать о нас все, что возможно, но сначала о Мисси. Я… — он смущенно рассмеялся.

— Я хочу узнать, что мне предстоит! Да, Дэвид, это так.

Они протянули друг другу руки, Дэвид понял,

что это имело глубокий смысл и налагало определенные обязанности, как и всякое объяснение в любви.

Для этого он и прибыл на Дарковер.

Может быть, он именно для этого и родился.

10

Суровая, холодная дарковерская зима пришла в горы, у подножия которых находилась Тендара. Космопорт покрыл шестифутовый слой снега и непрерывно работающим командам (при помощи машин землян) с трудом удавалось очищать от снега посадочное поле. Дни были короткими и холодными. Снег густыми облаками закрывал красное солнце.

Женщина, которую звали Андреа, собственно, намеревалась после окончания свой работы взять корабль и как можно скорее покинуть Дарковер. Ей больше нечего было делать в заснеженных горах. Потоки талой воды весной и дожди летом завершат процесс и окончательно смоют всю почву, если не предпринять решительных шагов, используя высокоразвитую технику, а это потребует огромных денег и множество рабочих рук.

Не то, чтобы на Дарковере никогда не было такой техники, но сегодня ее тут нет, думала Андреа. Но никто из тех, кто живет здесь, не был еще способен представить себе нанесенный ущерб и попытаться сконцентрировать нужные машины

и рабочих в нужном месте и в нужное время.

Теперь она могла записаться на один из больших кораблей и улететь отсюда.

— Куда? — устало думала она.

— Куда-нибудь. Куда-нибудь в другую часть Галактики. У тебя есть все, что ты можешь пожелать, есть деньги и ты можешь купить…

И все же она отодвигала отлет и ей постепенно становилось ясно, что и на тысяче миров не было того, что могло бы соблазнить ее. Я стара, слишком стара, чтобы что-то заинтересовало меня. Итак, она оставалась здесь день за днем, позволяя каждому улетать без нее, и с трудом сознавала, что она медлит покидать это мрачное красное солнце и эти высокие, зазубренные, до боли знакомые горные цепи на горизонте, которые она, когда небо было ясным, видела из окна своей комнаты. "Если я не улечу отсюда как можно быстрее, я умру здесь" — сказала она себе самой, потому что она видела, как умирали другие представители ее народа просто потому, что не было ничего, что могло бы поддерживать их жизнь.

Прекрасные, покинутые, всеми забытые. Кажется, я могла оттолкнуть и покинуть своего бедного подкидыша." Воспоминания, сотни лет содержащиеся под замком, пробили себе путь —

кошмар, который провалился и прорвался через темный занавес и тотчас был скрыт под слоями других воспоминаний. Стыд, ужас, мучение, сумасшествие скрывались решительно, твердо, гневом памяти расы, которая жила и умирала. Припоминалась давно забытая за столетия вина.

Я не заслуживаю смерти под своим собственным солнцем. Она отпустила своих ассистентов, щедро расплатившись с ними за то, чтобы они исчезли в дальней части Галактики, и они исчезли. Они выполнили роль уничтожителей планеты с большим искусством и они были точны в том, что к тому времени, когда будет обнаружен вред, все исполнители будут рассеяны на сотне планет, разделенных световыми годами и никого из них нельзя будет выследить, чтобы привлечь как свидетелей. Теперь она тоже уходит и никто кроме нее не знает, какие меры надо принять, ничто не указывает на нее, как на первую причину всего этого зла. Она с презрением думала об отдельных имеющих место связях, о том, что обе Свободные Амазонки видели, как она закапывала в почву стерилизующий вирус. Обычные женщины, которые ничего не смогут сделать!

Она оставалась в городе день за днем, неделя за неделей, говоря себе, что как только наступит ве-

сеннее таяние снегов, она улетит отсюда. Старая жизнь под своим собственным солнцем, своим небом, не должна была заставить ее остаться на разрушающейся планете и наблюдать ее гибель.

Не будь сентиментальной. Она не умрет, она как цветущий рынок Империи вступит в новую фазу жизни. С другими планетами происходило то же самое, и в этом нет ничего необычайного.

У нее была глубоко укоренившаяся привычка — в каждом месте, где она останавливалась, нанимать шпионов и хорошо платить им. Снег лежал уже три недели, когда один из них пришел с не очень обеспокоившим ее сообщением.

— В это время года передвижение незначительное, — сообщил он, — но сейчас повсюду в горы идут караваны. И в каждом из них два, три, пять представителей касты телепатов. Они, кажется, движутся к Тендаре, к крепости Комина, бывшей пустой с тех пор, как Совет Комина распался пять или десять лет назад. Я не знаю, что это значит, но вы хотите знать все, что связано с кастой телепатов.

Андреа задумалась. Раньше до нее доходили слухи, что земная штаб-квартира ищет действующих телепатов по всей Галактике. Ей в голову пришла циничная мысль пойти и изучить это

все самой. Но тут ей придется пережить несколько неожиданностей. Уже ставшая инстинктом привычка держать в тайне от жителей других миров существование своей расы, заставила ее подавить в зародыше эту идею. Во всяком случае, все другие представители ее расы были уже давно мертвы, давно исчезли — почему же она теперь должна обращать внимание на это?

Однако, если кто-то был способен обнаружить, что происходит с Дарковером, то это только телепаты. Со страшной, почти личной ненавистью она подумала о Регисе Хастуре. Как удалось этому молодому человеку избежать одного за другим четырнадцать покушений? Может быть, она недооценила телепатов Комина?

Одно было ясно: если они по каким-то причинам соберутся все в одном месте, они будут представлять из себя великолепную мишень.

Теперь она могла завершить свою работу поистине гениальным шагом, когда все телепаты собирутся вместе, и одним взмахом руки освободить Дарковер от последних препятствий, чтобы он стал еще одним звеном в цепи планет Империи.

Даже когда в ее распоряжении были все средства Общества по Уничтожению Планет, во время

планирования приходилось учитывать массовую гибель людей на этих планетах. Ну, она планировала всю длинную, суровую дарковерскую зиму. Час за часом она сидела у окна и смотрела на снежные бураны и на далекие горы. Там, за этими горами, были еще горы и леса, и в этих лесах…

Ничего. Никого. Только смерть и опустошение. Никого из моего народа нет в живых. Кроме меня, но и мне тоже осталось немного.

В комнате Мисси все еще был знак изоляции, персонал больницы устал снова и снова сообщать Коннеру: — Нам очень жаль. Но к этой пациентке не допускаются посетители.

Коннер уже почти потерял терпение. На седьмой день он вынудил себя пойти к Джейсону и Дэвиду.

— Почему вы накачали ее наркотиками и держите в изоляции? Вы мне обещали, что я смогу ее увидеть! Вы говорили мне, что она на пути к выздоровлению. Она конечно хочет меня видеть. Я должен пойти к ней!

— Коннер, — дружески сказал Дэвид, — поверьте мне, что она никого не хочет видеть. Она не реагирует на присутствие людей — она просто не вступает с ними в контакт… Мисси сошла с ума!

— Я тоже, по меркам службы Межзвездных Со-

общений Империи, — ответил Коннер. — Или вы не читали моей больничной карты? Может быть один сумасшедший сможет помочь другому.

Джейсон протянул руку.

— Сядьте же — не стойте и не возвышайтесь надо мной!

Я сочувствую тебе. Но ты же ничего не знаешь! Это… это существо чуть было не убило Керала. Его руки все еще не зажили. Она превратила в обломки камеру тюрьмы космической полиции и один из наших приемных покоев.

— Да, — подтвердил Дэвид. — и тебя она тоже чуть было не убила, Джейсон. Если бы твоя голова вместе стены ударилась бы о дверной косяк, череп твой разлетелся бы как яичная скорлупа. Дезидерия и Лшнеа вместе занимаются с ней, они удерживают ее, и мы наконец-то смогли дать ей успокаивающее. Если сказать честно, мы не отваживаемся снова разбудить ее.

Коннер был упрям.

— Она мне ничего не сделает. Она нуждается во мне. Я люблю ее.

На Дэвида снова нахлынуло чувство неуверенности. Лицо Коннера с несчастным выражением оказавшегося в отчаянии человека, который, наконец что-то нашел и тотчас же утратил, нахо-

дилось перед ним.

— Коннер, — заклинал он его, — мы пытаемся скрыть это от тебя именно потому, что ты ее любишь. Ты непременно хочешь знать, что происходит с Мисси? Она изменилась. Она больше не женщина!

— Я не понимаю…

— Мы скрыли от тебя результаты медицинских исследований, — продолжал Дэвид. — Я знаю, как ты реагируешь на Мисси. Это знаем мы все, не так ли? Но как быть с парой прекрасных фотографий полового акта? — сочувствие и гнев заставили его забыть, как сильно он ранит Коннера. Он взял из папки карточку Мисси, погруженной в сон, и протянул ее космонавту.

— Здесь твоя… подружка. Любовь? Коннер, вы же теперь не сможете реагировать на нее, как на женщину.

Коннер взял фотографию. Краска медленно сошла с его лица, и оно приобрело болезненный пепельно-серый цвет.

Он прикусил губу, сглотнул и отложил фотографию. Потом он с трудом произнес:

— Я не знаю, как это произошло. Может быть, вы можете помочь Мисси. Но… когда это случилось, она стала нужна мне еще больше, чем

прежде. Я должен позаботиться о ней.

— Ты ничего не понимаешь! — почти проревел Дэвид. — Ты все еще говоришь о ней! Она не девушка, она же… или ты имеешь тайную тягу к мужчинам?

Лицо Коннера исказилось от ярости и казалось он вот-вот бросится на Дэвида. Но Дэвид и глазом не моргнул. Коннер глубоко вдохнул воздух и взял себя в руки.

— Послушай ты, выродок, — сказал он. — Это Мисси, которую я люблю и сделаю для нее все, что потребуется. И это не только потому, что она имеет тело, с которым я охотно лег бы в постель. Мне не хотелось бы об этом упоминать, но если я захочу этого, я могу получить это тогда, когда мне будет угодно. Я случайно полюбил Мисси, я люблю ее! Или его. Или это, если это вам больше нравится. Это значит, что меня интересует, что с ней произошло, независимо от того, может она быть партнершей по сексу или нет. Очевидно, ты никогда не чувствовал ничего подобного к другому человеку и ты можешь только причинять мне боль, выродок. Если ты и дальше будешь держать меня вдали от нее, я нанесу такой ущерб, что ваш проект долго не оправится от него.

Слова, вибрируя, повисли в помещении, словно

написанные в воздухе пылающими буквами. У Дэвида появилось чувство, что он вот-вот отважится на какую-то чудовищную, личную капитуляцию. Он сказал:

— Дэйв, я этого не понимаю. Мне очень жаль. Извини меня, Джейсон…Он повернулся к другому врачу. — Я думаю, мы должны пустить его к Мисси. Если он пробьется к ней, если ему удастся объяснить ей все это, может быть, больше не будет никаких затруднений.

— Но мы идем на большой риск. Если она убьет его прежде, чем он пробьется к ней?

— Этот риск я возьму на себя, — вмешался Коннер. Мисси вытащила меня из чудовищного ада, и вы думаете, что я не попытаюсь спасти ее из ее собственного ада, если только это будет возможно?

В комнате было бело от света, отраженного выпавшим снаружи снегом. Мисси скорчилась и лежала под одеялом бледная и спокойная, разбросав свои бесцветные волосы по подушке. Ее лицо было узким и чужим, скулы сильно выступили вперед.

Нет, испуганно подумал Коннер, она больше не была прекрасной. Она же была красива, или это был просто странный блеск, исходящий от нее?

Джейсон разрешил поговорить с ней, как только действие лекарства пройдет и она проснется естественным образом. Коннер тихо опустился возле нее и стал ждать. Мисси застонала, даже сквозь ее наркотический сон Коннер почувствовал печаль, шок и наполняющий ее стыд. Он сжал ее вялую белую руку в своих руках. Кожа ее стала грубой, шершавой и слабо окрашенной. Коннер, как и все корабельные офицеры, прошел начальную медицинскую подготовку, которая, в отсутствие врачей, помогла бы ему ухаживать за пассажирами и членами экипажа, поэтому он в известной мере мог понимать объяснения Джексона. Экстремальное нарушение равновесия гормонов, уменьшение женских половых гормонов и увеличение мужских, шишковидная и щитовидная железа вышли из-под контроля, что и вызвало эту аномалию. Сокращение тканей молочных желез, частичная атрофия женских половых органов, все ускоряющаяся…

— Это, конечно, вызывается гормональной нестабильностью, — но немалую роль здесь также играет и эмоциональный шок. Я думаю, что она не имела никакого представления, что это может произойти.

Коннер достиг ее перепуганной души, ощутил

ее ужас от того, что все надежные вещи в ее мире исчезли, исчезло очарование, действующее на каждого, кого она хотела очаровать (неудача с Дэвидом вызвала ее первую неуверенность). Коннер направил свои мысли, как его учили.

… Мисси, Мисси, я здесь. Я с тобой. Наши тела мало значат для нас, мы можем их использовать или покинуть, наслаждаться ими или совершенно забыть о них. Но мы тесно связаны друг с другом, как в акте любви, и если мы таким образом обнимемся и забудем обо всем…

Он медленно приходил в себя. Мисси открыла свои огромные серые глаза и уставилась на него снизу вверх.

— Дэйв, — прошептала она и улыбнулась. Его смуглая рука крепко сжала ее мраморно-белую руку.

Слова были не нужны, однако он нагнулся и прошептал:

— Меня не интересует, что ты такое. Мисси, я люблю тебя, и ты мне очень нужна. Может быть, тебе можно помочь, но так или иначе, мы принадлежим друг другу и больше ничего, а вместе мы выстоим, выдержим все невзгоды. Теперь, когда мы, наконец, нашли друг друга, мы всегда будем вместе, а все остальное неважно.

Она была слишком слаба, чтобы двигаться, она только повернула голову, чуть приподнялась и крепко прижалась губами к его жесткой ладони. Потом она снова заснула, а ее рука все еще была в руке Коннера, который сидел возле нее.

11

День за днем они стекались в города, в караванах и поодиночке, рыжеволосые дарковерские телепаты: Комин и люди из народа, горожане и сельские жители, дворяне и простолюдины. Общим у них было только одно: рыжие волосы на Дарковере с древних времен были неразрывно связаны с генами телепатии и ларан-способностями.

Нет, у них было еще кое-что общее. Каждый из них проехал через заснеженные перевалы и сквозь удушающую пыль высоких пустынь, и все они рассказывали истории о гибнущем мире.

— Когда осенью пришло время пахать землю, она превратилась в черную пыль, — жалобно сказал огорченный человек с одной из равнин. — Там теперь не растут даже сорняки. Эта почва стала негодной, как девяностолетняя старуха.

— Мы погибнем под палящим солнцем, — произнес огромный горный Лорд с диким выражением лица. Он был одет в искусно сшитую кожаную одежду, которой в городах не было в течение уже нескольких столетий. — В горах нет больше ту-

манов, нет дождей. Испарения, поднимающиеся под солнцем от смолистых деревьев, отравляют наших животных и нас самих.

— Деревья стоят без листьев, они стали желтыми, и этой осенью на них не было ни семян, ни плодов, — сообщил спокойный аристократ с лицом, типичным для Хастуров, и серыми глазами жителя лесов. — Лесные жители умирают, они выходят на край леса и стоят там, их красные глаза выжжены почти добела и они больше не боятся других людей. Мы даем им продукты питания и все, что можем дать, но перед нами самими стоит призрак голода.

— Сейчас нет Призрачного Ветра, но Йа-люди все же спускаются с гор, печально произнесла одна девушка. Волосы ее были заплетены, ее одежда скреплялась серебряными бабочками. Голубой звездный камень Охранительницы, как украшение, свисал с шеи. — Еще никогда их не видел ни один смертный, а теперь мы видим только их трупы, лежащие на краю дремучих лесов. Мы всегда боялись их, потому что когда с гор на них дул Призрачный Ветер, они приходили в ярость, грабили, разрушали и убивали, однако, для нас мысль о том, что они вымрут и их больше не будет, ужасна!

— Там, где были пожары, почву полностью смыло…

— Деревья не дают ни плодов, ни орехов, ни масла…

— Мы больше не слышим голосов кошкоподобных существ…

— Мы умираем…

— Мы умираем…

— Умираем…

Земляне пытаются организовать снабжение продуктами.

Однако на Дарковере нет транспортных средств, и это едва ли может помочь удаленным областям. Регис предоставил в их распоряжение все свои личные возможности, но сначала нужно было определить, что произошло и каким образом.

Чем больше его родственников стекалось в город — родственников, и других, кто имел врожденные парапсихологические способности — тем безрадостнее становился он сам, словно впав в отчаяние. Как ему найти способ на время объединить их, чтобы спасти свой мир? Хватит ли вообще всех средств на Дарковере, всех его богатств?

— Проект "Телепат", — он посмотрел на Дэвида

и Джейсона. Но для этого у них теперь не было времени. Если понадобится какая-то особая помощь, Джейсон сообщит ему об этом. Прежде всего он должен спасти жизнь своим детям, все остальное могло подождать.

Линнеа не вернулась в Ариллин. Она осталась рядом с ним, и ее присутствие было одновременно и утешением, и мучением, мучением неисполнимого желания. Он не хотел подвергать ее опасности, которая преследовала Мел ору и ее ребенка даже в стенах штаб-квартиры землян. Если покушающийся смог напасть и там, женщина, носящая в своем чреве ребенка Хастуров, будет больше в безопасности в башне Ариллина, чем в Храме Холи.

После того как Регис отбыл, Дэвид взял на себя всю ответственность за проект, но он больше не видел в нем никакого смысла и прервал серию опытов. Зачем это нужно, если, установлено, что Дезидерия могла манипулировать маленькими предметами до (но не выше) восемнадцати грамм весом? Под тихие угрызения совести он занимался данными странного изменения Мисси. Однажды под вечер они находились в комнате и занимались тем, что их интересовало,

— Я едва могу поверить, что ты можешь расска-

зать мне о том, какие эмоциональные факторы вызывают изменение, — сказал Дэвид. — Но контакт с Коннером, кажется, произвел действие на Мисси. Очевидно, возвращение в мужскую фазу уже закончилось — конечно, мы проследим за гормонами. Это был акт отчаяния. Она была ужасно больна, надпочечники и щитовидная железа ее отказали. Мы должны попытаться что-то предпринять.

Он изучающе смотрел на Керала и больше не стал высказывать свои мысли. Ставшая нежной кожа, все усиливающаяся пассивность позволяли предположить, что и у этого чири началось изменение. Он боялся даже подумать об этом. Керал проследил за его размышлениями и с обезоруживающей точность сказал:

— Дэвид, ты можешь вызвать такое изменение во мне? Ты говоришь, что гормоны чири и людей похожи?

— В отношении Мисси речь идет о жизни и смерти, — ответил Дэвид. — Но я не хочу рисковать, Керал, только не при людях. Применение гормонов опасно, и их действие непредсказуемо, мы изучаем их уже на протяжении трех тысяч лет! Количество гормонов, требующихся для изменения, ничтожно, а ошибка может приве-

сти к сумасшествию или смерти. Мы должны просто подождать… Как долго это обычно продолжается?

— С постоянными стимуляторами недолго, — ответил Керал. — Как ты знаешь, мы, чири, не так связаны с солнечными циклами, как люди. Может быть полная смена фаз потребует одну ночь и один день… — по предварительной оценке.

— Что обычно вызывает задержку, Керал? Время года? Лунная фаза? — у Дарковера четыре луны, вспомнил Дэвид, и их орбиты и фазы приводят астрономов в ярость.

— Я точно не знаю, что доводит изменение до конца, произнес Керал. — Как я могу быть уверен? Старейшины Сказали мне, что я теперь достаточно взрослый, чтобы произвести на свет… нет, у меня нет никакого желания говорить об этом. Тогда я плохо знал тебя и твой язык, чтобы все объяснить. Обычно изменение, необходимое для спаривания, может вызвать многое, но очень трудно проанализировать эти вещи с вашей точки зрения. Чаще всего… ну, любовная игра, а также сам контакт. Я не знаю, как это функционирует.

Дэвид произнес с косой усмешкой: — Я никогда не думал, что стану частью исследования сексу-

альной жизни твоего народа. Может быть будет легче, если я не буду лично принимать в этом участие.

— Ты хочешь, но ты не будешь? — спросил Керал.

— О нет, — он внезапно рассмеялся, потому что его фантазия нарисовала ему Керала женщиной. Это было несовместимо с его мировоззрением. Чири в женской фазе в его глазах был таким, как Мисси, какой она была прежде, с ее искусством обольщения.

— Я знаю, — тихо сказал Керал. — И тоже боюсь этого. И, может быть, твой страх… задержит изменение.

В дверь постучали, по крайней мере, Дэвид почувствовал эту помеху. Однако Керал вздрогнул, когда в дверях появилась Мисси.

Единственными оставшимися следами психоза была пара шрамов, изменение цвета кожи. Она теперь не излучала все проникающей женственности, однако она производила общее впечатление женщины. Увидя это, Дэвид порадовался за Коннера. Очевидно, она все еще была в нейтральной фазе, и Дэвид не имел никакого представления, вступила ли она с Коннером в какие-то новые сексуальные отношения.

Конечно, он предположил, что если это так, это не ускользнет от него. Он очень четко воспринимал вызванное воздержанностью напряжение между Линнеа и Регисом, это действовало ему на нервы. Разве Регис не говорил, что в чужие группы телепатов секс приносит только беспокойство? Будут только одни неприятности, если это произойдет. Иногда ему казалось, что когда он смотрит на Дезидерию, он узнает в ней молодую девушку с ее нежной чувственностью. Тогда он не мог подавить растущее в нем влечение, однако сегодняшняя Дезидерия, с ее глубокой старостью и ее бесполым достоинством, была совершенно некстати. Она была очень сложной личностью и до самой смерти останется женщиной.

Дэвид никогда не касался ее — великий Боже, она могла быть его прабабушкой — но это было, они оба знали об этом, поэтому вели себя друг с другом очень любезно…

Он снова быстро обратил внимание на Мисси и вежливо прошептал:

— Чем я могу помочь вам?

Керал побледнел от страха. Мисси посмотрела мимо Дэвида и быстро произнесла:

— Я ведь не ранила вас, ни одного из вас, — со странным, чуть прикрытым презрением она

посмотрела на Керала. — Ты вел скрытую жизнь, не так ли?

Керал объяснил: — Мне не следует судить тебя, Мисси.

Лицо ее немного смягчилось.

— Я знаю, что ты рисковал из-за меня, Керал. — Мне очень жаль, что я была неспособна реагировать на это. Я потеряла разум. Но я благодарю тебя и я пришла, чтобы ты еще кое-что сделал для меня.

Керал опустил голову.

— Я сделаю все, что смогу, ты это знаешь.

— Ты мне сказал, что я принадлежу к твоей расе, к твоему виду. Я ничего не знаю о своем народе. Я подкидыш, буквально выброшенный из еще кровоточащей матки, выброшенный, как при аборте, — ее лицо исказилось от застарелой муки, и Керал пораженно и недоверчиво покачал головой.

— Я тоже этого не понимаю. Наш народ ценит детей, любит их, они повод для торжества и радости. Чтобы женщина чири обрекла своего ребенка на смерть… Может быть, она умерла или сошла с ума?

— Ты сам получил доказательство того, что мы можем сходить с ума, заметила Мисси с пе-

чальной улыбкой. — О, я верю тебе, тому, что ты говоришь, я видела ребенка у тебя на руках, ребенка жены Региса Хастура и, очевидно, он разбудил в тебе глубокие чувства. Но я хочу больше узнать о твоем народе.

— Ты должна узнать все, что знаю я, — сказал Керал, а Дэвид сказал: Существуют легенды о чири, которые живут среди людей. Дезидерия кое-что знает и обещала рассказать мне и Кералу. Почему бы тебе не пойти с нами, Мисси? Я убежден, что Дезидерия с радостью…

Мисси вздохнула, потом рассмеялась. Как и у Керала, у нее была колдовская улыбка, как звук колокольчика.

— Я все еще боюсь ее, — сказала она. — Но у нее тоже не было намерения причинять мне боль. И я должна научиться не бояться ее.

— Это правда, — серьезно ответил Дэвид. — Между нами возникла какая-то прочная связь, и неприязнь должна исчезнуть… Он не был уверен, почему, но это относилось к тому, чем он должен стать.

Теперь ему неожиданно вспомнилось, что он ведь не хотел лететь на Дарковер.

Раньше он жил только как бы в полжизни. Его способности, которые он считал ненормальны-

ми, теперь составляли важнейшую часть его жизни. Он установил доверительный контакт с Кералом. И возможность снова потерять его была для него даже хуже, чем слепота.

12

— Эта легенда рассказывает о времени возвышения Комина, о годах до прихода землян. Я слышала ее, когда была маленькой девочкой и обучалась в крепости Альдаран искусству матрикс-хранительницы и техника. Но она много, много старше.

В старые времена, когда Лорды Долин и Тендары сами вершили суд и ездили верхом из Ариллина в Карсон, в Карсоне жил один Лорд из Древнего Народа Королей, он правил всеми, кто там жил. Тогда еще не было Семи Доменов, не было Комина.

Там жила девушка из тфскрагногс Народа Лесов, ее звали Киректелли, что на языке народа Долин значит "кристалл", Легенды рассказывают о той, как славилась ее красота, но красота заключается в глазах любви, а не в ее особых способностях. В те дни лесами владела злая королева, и ока прогнала Киректелли, Девушка бежала в страну жителей Долин и там, возле источника Рюэль, она встретила Лорда Карсона. Он взял ее с собой в свою крепость в старом городе, который

сегодня покрыт водами Бухты Снов, по ту сторону острова Мормаллор, и там они были счастливы. Но распространился слух, что Лорд Карсона держит ее в плену и Лорды чири направили ему в качестве выкупа много ценных вещей, золота и драгоценностей. Потому что они знали, что народ Долин любит эти вещи, которые для чири не значили ничего. Киристелли, однако, хотела остаться с Лордом, и Лорд Карсона вернул назад все драгоценности до последнего камня, кольцо долго еще наследовалось домом Хастуров.

Драгоценности лесного народа — это легенда в играх Венза, потому что когда Лорд Карсона отправил их обратно, караван так никогда и не вернулся в Желтый Лес. Тут отец Киристелли сказал:

— Эти Лорды хотят иметь и женщину, и драгоценности, — он собрал своих воинов и подготовился к бою, чтобы спасти свою дочь. Однако, прежде чем вылетела первая стрела, из осажденной крепости вышла Киристелли, в рубашке и с босыми ногами. С распущенными волосами она прошла сквозь ряды защитников и нападающих, опустилась на колени перед своим отцом, попросила собрать всех Лордов и предложила им помириться.

— Я не хочу рожать ребенка в войне и ужасе, — сказала она, и когда Лорд чири увидел, что она ждет ребенка от Карсона, он опустил копье, заплакал, а потом отозвал своих людей назад, в лес. Затем они поклялись друг другу в вечной дружбе и устроили пышный праздник — и сегодня в горах еще говорят, если кому-то хотят оказать большую честь: вас чествуют как Лорда Карсона. Но сын Карсона стал отцом Кассильды, ставшей супругой Хастура, а от Хастура и Кассильды произошли сыновья Лордов Семи Доменов.

Дезидерия закончила свой рассказ, и слушатели некоторое время молчали. Потом Дэвиду показалось, что он заметил нечто важное.

— Легенда рассказывает о женщине чири…

— Это впечатление, которое она произвела на наш на род, — объяснил Керал. — Мне в этой истории показалось самым важным — и это могло быть именно так — что человек и чири без сумасшествия и страха могут произвести на свет ребенка. Я уже давно знаю, что в жилах всех людей Коминг здесь, на Дарковере, течет кровь моего народа. Мы, чири видим в них своих отдаленных потомков. Поэтому часть из нас выживет, даже если мы все погибнем.

Дэвид спросил: — А откуда появились рыжие

волосы?

— Я не уверен, — ответил Джейсон, — но я изучил историю Дарковера. Ты знаешь, существует теория, что Дарковер сначала был колонизирован одним из "Пропавших Кораблей" — людьми с корабля двадцать первого-двадцать второго столетия, задолго до возникновения Земной Империи, до гипердвигателей, когда пропадало там много кораблей и никто никогда о них больше не слышал. Рыжие волосы могли остаться от одного из древних народов Земли, особенно от высокогорных кельтов, которые, вероятно, обладали парапсихологическими способностями — но это уже другая история. Возможно, что эти способности зафиксированы в линии телепатов.

Дезидерия сказала:

— Мне кажется, что я уже упоминала о том, что матрикс-техники утверждают, что чем рыжее волосы, тем сильнее способности. Но это также значит, что слишком интенсивная психическая работа преждевременно старит Хранительницу. Мои волосы после контакта с Шаррой стали седыми почти за один день.

— Мои тоже, — послышался тихий голос Регриса.

— Частичное адреналиновое истощение? —

спросил Джейсон.

— В горах, где был мой дом, — произнесла Дезидерия, — я слышала рассказы о чири и об их красоте. Это древние песни — я никак не могу вспомнить хоть одну из них, — от напряжения ее брови сошлись. — Одна женщина чири находит себе смертного возлюбленного, не зная — она очень сильно любит его — что он со временем постареет и умрет…

Мисси прошептала, не поднимая взгляда:

— Раньше я знала, кто я… и я думаю, что сейчас я полюбила первый раз. Я останусь молодой, буду выглядеть как девочка, а он будет стареть…

Голос ее затих. Керал прошел мимо Коннера и взял се руку. Она кротко и печально улыбнулась. Регис взял руку Линнеа и положил ее на свою.

— Всегда — женщина чири, — пробормотал Дэвид, даже не заметив, что говорит вслух.

Линнеа подняла взгляд на Керала.

— Это не праздное любопытство, поверьте мне. Я слышала легенды о странных вещах. Легенды лгут, как лжет и старая песня — это для нас лишь пустые слова. Теперь скажите мне: это правда, что вы выбираете только одного партнера и никогда больше не берете другого, если с первым происходит несчастный случай и он умирает?

— Это не совсем так, — ответил Керал. — Правда, что мы редко присматриваемся, если наше сердце и наши чувства отданы кому-нибудь. Это я знал из воспоминаний своего народа, а не по собственному опыту, вы это должны понять, леди. Чири почти всегда приходят к своему любимому непорочным, как и любимый к чири. Не то, чтобы мы этого требовали, это просто потому, что все происходит в свое время, и мы, как я уже говорил, не имеем ни фруктов весной, ни цветов в зимнюю стужу… — он вздохнул. — Мы не испытываем никакого влечения ни к кому другому — мы этого не переносим. И это одно из оснований, почему наш народ вымирает… Может быть, Эвальда таким образом забирает назад свой подарок, долголетие, которое она нам дала, когда создавала мир. Наши женщины только — я не знаю вашего слова куэре — только сезонное явление. Год? Да, они могут оплодотворяться только один год в течение столетия и иногда беременеют от нас, тех, кто находится в мужской фазе, но это бывает очень и очень редко. Все остальные куэрем абсолютно бесплодны. Как мы теперь думаем, очевидно происходит так, что встречаются двое фалва — созревшие для спаривания, один производит, а другой принимает. Поэтому у нас всегда было

мало детей. Существуют исключения. Иногда женщина так страстно хочет ребенка, что ищет другого партнера. Это всегда горькое, тяжелое дело, стоит оно огромных усилий.

Линнеа спросила:

— Это правда, что двое из вашего народа только тогда ложатся вместе… — она использовала вежливое и всеобъемлющее каста-слово акандири, говорила она тихо и без смущения, — … если они хотят иметь ребенка?

Керал усмехнулся.

— Хотя истории фальшивы — мы все же очень странный народ! Нет, Линнеа, я считаю, что мы можем быть вместе, как все другие люди на этом и других мирах, и можем получать утешение от одиночества, удовлетворение, облегчение. Однако, чтобы не было сумасшествия изменения влечения, не должно быть никакого насилия. Никакого насилия, только приятное, как музыка или танец.

Дэвид медленно произнес: — Народ без разделения на полы, без сексуального влечения…

— … имеет низкий фактор выживания, — продолжил Джейсон, а Регис добавил: — Что-то из этого попало также и в вашу кровь. Я в течение многих лет знал, что половое влечение среди

телепатов слабее, чем среди обычных людей.

Коннер, до сих пор находившийся в тени и не произнесший ни одного слова, тихо сказал:

— Это разумно и имеет смысл. Люди с "закрытыми мозгами" не имеют другой возможности достичь друг друга, кроме как при слепом прикосновении тел во время секса.

— И секс может быть глубоким контактом, — серьезно сказала Линнеа. — И он может помешать — если кто-то занимается тяжелой телепатической работой явиться серьезной помехой. Одно время верили, что Хранительница должна быть девственницей. Большинство из них сегодня уже не являются таковыми, — я, во всяком случае, нет, но нужно быть осторожными. Мужчины, работающие с матрикс-экранами, большую часть времени бывают импотентами.

Дезидерия кивнула.

— В моем девичестве девственность Хранительниц была непременным условием. Моя первая любовь — за нее меня выгнали со службы. Но вскоре я обнаружила, что силы мои не утрачены, но потребовались годы, чтобы я нашла в себе мужество снова использовать их.

— Еще кое-что, — Линнеа посмотрела прямо в лицо Дэвиду. — Среди телепатов Комина муж-

чины и женщины не имеют особой разницы, и иногда случается, что девушка влюбляется в другую девушку, а юноша в своего партнера по работе.

— Это известно также и землянам, — сказал Джейсон, но табу на это очень сильно.

Регис все еще держал руку Линнеа. Он сообщил:

— Для меня это ужасный конфликт. Уже с раннего детства мне вдалбливали, что я последний из Хастуров-мужчин. Мой отец умер очень молодым, мой дед был уже очень стар. С раннего детства у меня было чувство, что меня рассматривали только как семя. Некоторое время я ненавидел женщин. Много лучше я чувствовал себя в обществе мужчин, моих родственников и кузенов… — он бросил на Данило быстрый взгляд и улыбнулся.

Дэвид заметил:

— Эту проблему в Империи было бы легко разрешить, тебя просто занесли бы в банк спермы. — Он рассмеялся, когда Регис непонимающе посмотрел на него, и объяснил ему все, и с удивлением увидел покрасневшее лицо Региса Хастура. Очевидно, секс у телепатов не был избавлен от всех табу, как он думал раньше. Про себя он поду-

мал, что несмотря на сильное табу в отношении гомосексуализма в земной культуре, он часто был связан со своими друзьями-мужчинами в больнице теснее, чем с большинством женщин.

Ты слишком быстро составляешь мнение, прочитал он мысли Регисса. Я не гомосексуалист. Разве это что-то изменит, если ты им будешь? Регис быстро поймал мысли всех присутствующих. Коннер и Мисси сплели пальцы, белые и темные, они привносили в контакт какие-до горько-сладкие нотки. От Дезидерии исходило тепло: я люблю вас всех, хотя никто из вас никогда не касался меня и никогда не коснется. Керал все еще был полон отвращения и страха.

Прелюдия любви… как же преодолеть эту мертвую точку, что надо сделать…

Долгое время царило мертвое молчание. Хлопья снега мягко и плавно садились на оконные стекла, и сильный ветер гнал белую струю поземки в темноту ночи. В мозгу Керала появилась картина леса, мирно лежащего под толстым слоем снега. Легкие фигуры парили в бесконечном танце снежных хлопьев над голыми, лишенными листвы деревьями… на мгновение это увидели и почувствовали все.

Потом Регис словно очнулся и тихим голосом

сказал:

— Если мужчина любит мужчину, а женщина женщину — в моем народе это называется донас самизу, подарок дружбы — это познание истины. В каждой женщине скрывается мужчина, а в каждом мужчине — женщина. И это внутреннее "я", которое противоположно основному и жаждет о такой любви.

— Анимус и анима, — пробормотал Джейсон.

— А у чири, — задумчиво произнесла Мисси, — эта внутренняя сторона не скрывается, она лежит у самой поверхности. Для меня это тоже новое.

...Но здесь вообще нет ничего постыдного.

Потом их мысли снова объединились. Дэвид внезапно понял, что он нашел свою собственную правду. Мужчина или женщина? Он на мгновение коснулся Коннера и ощутил то же чувство возвращения домой, почувствовал, как душа Линнеа расцветает, словно цветок, протянул к ней руки, привлек ее к себе и поцеловал; почувствовал, что тесно обнимает Джейсона, и разделил это со всеми остальными.

Мисси, вспыхнув как комета, пронеслась через его сознание. Дезидерия была самим теплом и любовью. А потом он, счастливый, вернулся к Кералу и обнял его.

Даже если она все еще боялась, Керал и он преодолели мертвую точку ее стыда и страха, и все как-то нашли др; друга, как-то объединились.

Телепатическое общение закончилось и они разошлись.

Но Дэвид теперь знал, что все они никогда больше не будут одиноки.

Собираясь уходить, каждый из них мысленно улыбнулся, услышав внутренний протест Линнеа.

— Я люблю твоих родственников, Регис, но должны ли они преследовать нас повсюду? Должен ли Данило спать у наших ног? Мы что, никогда не сможем побыть одни?

И быстрый, робкий ответ: — Ты хочешь, чтобы меня постигла судьба Мелоры? Чтобы я остался один?

И пока исчезали последние связи контакта, прозвучала мысль, что существуют вещи, которые не обязательно знать телохранителям.

13

Они тихо разошлись не попрощавшись (зачем? Они знали, что теперь всегда будут вместе). Дэвид и Керал пошли через город домой. Фонари штаб-квартиры землян освещали им путь, как белые башни под прояснившимся темным небом. Они держались за руки, но ни один из них не произнес ни слова. Только когда ворота космопорта остались позади, Керал сказал, словно отвечая на вопрос Дэвида: — Меня теперь больше не волнует, знают ли они.

— Меня тоже.

— Контакт с Коннером вывел Мисси из наихудшего сумасшествия изменения.

Потом они поднялись в комнату Дэвида, она тоже приобрела уют родного дома.

Дэвид, пользуясь своей привилегией, заказал ужин и попросил принести его в комнату. Они ели, и чувство изоляции друг от друга становилось все сильнее. Вокруг них постепенно наметался снег. Керал был в радостном настроении и это было заразительно. Все, что он говорил, казалось шуткой. Снова и снова их охватывал

параксизм смеха. Не было ли их положение и в самом деле таким смешным? Чего же они боялись? Дэвид заметил, что он слишком близко подошел к краю опьянения, и отодвинул третий стакан сладкого, светлого вина с гор Дарковера. Керал последовал его примеру.

— Я не пытаюсь напоить тебя, Дэвид, но что плохого в том, что мы напьемся?

— Только то, что мне не ясно действие алкоголя на твой метаболизм, И чертовски ясно обо мне, — рассмеялся Дэвид. — Я ни в коем случае не хочу что-либо испортить только потому, что в голове у меня затуманится от большого количества выпитого вина.

— Все точно определять — это так много значит для тебя. Может быть, некоторые вещи и не должны быть такими ясными? Может быть, было бы лучше сгладить острые углы, — Керал подошел к Дэвиду, нагнулся и взял голову Дэвида в свои руки. Это был странный и, как Дэвид тотчас же понял, невероятно интимный жест. Керал прошептал: — На солнце смотришь безопасно только тогда, когда имеешь темное стекло.

— Для меня это очень серьезно.

— А ты думаешь, что для меня нет? — Керал оттолкнул назад голову Дэвида, их взгляды встре-

тились и внезапно Дэвид понял кое-что. Он уже три недели жил с тем, что ему стало совершенно ясно только теперь, без щадящих смягчений: желание и нежность, тесно переплетенные друг с другом, и с этим было трудно бороться. Керал сказал: — Если бы для меня это не было так серьезно, как ты себе и не представляешь, меня бы здесь не было.

Он опустился на пол и положил свою голову на колени Дэвида. Его длинные волосы казались мягкими и шелковистыми. Его охватила легкая дрожь. Дэвид охотно взял бы его на руки, но разум говорил ему, что он должен подождать.

Для Керала медленно наступала высшая точка процесса, к которой он так стремился и которую мог удержать, или прервать весь процесс, любой шок.

Керал поднял глаза, и Дэвид теперь мог видеть выражение лица чири, он видел, что в глазах у него слезы.

— Я боюсь, Дэвид. Мисси была в руках мужчины, когда у нее началось изменение и оно пошло не в том направлении. Как мы можем быть уверены?

Дэвид вдруг впал в панику. Керал был убежден, что все закончится хорошо. Но если уж и он поте-

рял уверенность, что же тогда их ждет?

Но, может быть, это неизбежно? Пока личность колеблется между мужским и женским состоянием, между активом и пассивом, возможны некоторые довольно сильные нарушения гормональной деятельности (Дэвид обнаружил, что это его беспокоит, когда он задумывался над клинической картиной этого). Это делало Керала неуверенным и неустойчивым. Одно сознание неизбежности этого процесса потрясало его. Он запустил в действие нечто, чего он не мог изменить, не мог контролировать… нечто такое же неизбежное и сильное, как роды…

Дэвид думал: использование мужского местоимения, очевидно, одна из тех вещей, которые мне мешают. Какие бы усилия он не прилагал, он не мог рассматривать Керала как женщину, он также не мог представить себе Мисси мужчиной, хотя он действительно видел ее как существо мужского пола.

И все же, в Керале была женственность…

Скрытая женщина…

Он должен помочь ей выйти наружу.

Дэвид нагнулся над Кералом и повторил его жест, его рука легла на нежное, бледное лицо чири.

Не нужно бояться, Керал. Я хочу двигаться медленно, чтобы ты мог следовать за мной…

Керал улыбнулся, но ничего не ответил. Дэвид собрал все свои познания о чужой психике. Керал в настоящее время находится в нейтральной фазе, в которой слегка преобладало мужское начало, но если стимулировать это (еще было под вопросом) если физические и психические стимулы уравновесятся, Керал постепенно перейдет в женскую фазу. Изменится все — гормоны, половые органы, психика.

Но чисто физическое половое сношение, вероятно, возможно уже теперь. Это было все, что им было известно. Насколько им была известна анатомия, не было никаких оснований, почему бы это не было возможно.

Но все же, между теорией и практикой огромная зияющая пропасть! Я еще ни с кем не имел гипотетического полового сношения, подумал Дэвид и заметил, что теперь он был не таким уж рассудительным. Как долго может продолжаться переход в женскую фазу?

— Я этого не знаю, — ответил Керал и Дэвид спросил себя, не произнес ли он свой вопрос вслух, — мы не связаны со временем, как твои люди. Я никогда не измеряю время. С одним из

нас я оценил бы это может быть в два или три часа, а может быть и меньше. Но с тобой — я в этом не уверен. Я действительно этого не знаю.

— Это не играет никакой роли, — быстро сказал Дэвид, потому что он увидел, что Керал впадает в истерику. Гормоны идентичны. Теоретически он должен реагировать на меня точно так же, как и на представителей своей расы. Но психически? Факторы тоже имеют чертовски огромное значение.

Нечто вроде гневной нежности наполнило Дэвида. То, что было для него таким тяжелым и жутким, для Керала должно быть еще более жутким. Дэвиду только нужно пойти против табу на половое сношение с кем-то, кто имеет такие же половые органы, как и у него самого. И весьма глупое табу. Дэвид, по крайней мере, не изменит своего пола и будет играть ту же роль. Керал же должен измениться и это после непредставимого множества лет — сколько ему лет?

Три, четыре сотни или больше? — в течение которых он жил в мужской фазе. Не будет ли Керал в женской фазе так чужд ему, что любовь к нему перейдет в отвращение? Не станет ли он любить его меньше?

Керал все еще сильно дрожал. Дэвид крепко

держал его, со странным, отрешенным любопытством, спрашивая себя, не будут ли упрямые сексуальные стимулы замедлять или даже препятствовать физическому или психическому изменению? Хотел ли он ослабить или усилить напряжение? Дэвид ничего этого не знал. Он для опыта поцеловал Керала.

Керал пассивно воспринял поцелуй, он не защищался, но и не реагировал на него, и Дэвид хотел освободиться от него.

Но руки Керала удержали его.

Проклятье! Он так хладнокровно позволяет мне испытывать его психические реакции. Как эксперимент!

Наконец Дэвид снова обрел дар речи.

— Керал, я боюсь, Керал, я не знаю, как ты будешь реагировать или чего ты ждешь в данный момент, я не знаю, что ты при этом чувствуешь. Если это вообще может сработать, мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы об этом стало известно кому-то еще. Я по собственному опыту знаю, что способность читать мысли может отказать в самый неподходящий момент. Если только это физически возможно, это будет молчание именно такого рода, которое нам и нужно, и мы должны полностью открыться друг перед дру-

гом. Полностью. Если я пойду вперед слишком быстро или сделаю что-то, к чему ты не будешь готов, тебя это может задержать и пусть тебя это не оскорбляет, если все получится именно так. Потому что нам не избежать риска и мы можем зайти в тупик.

Керал загадочно улыбнулся.

— Мы также должны обратить внимание на тупики и немного отдохнуть, если зайдем в один из них. Нет, то, что ты можешь сделать, не оттолкнет меня от тебя. Это будет только ошибкой, а Не катастрофой.

— То, что я поцеловал тебя, было ошибкой. Некоторые группы землян…

— Никакой ошибки. Может быть, немного рановато.

Дэвид почувствовал напряжение и понял, что стоило Кералу вложить все ужасное волнение тела и души в слова, да еще не на своем родном языке. Он с ужасом представил, что Керал вынужден играть в эту чужую для него игру тотальной честности. Он не видел другой возможности противостоять этому, не причиняя другому эмоциональных ран, которые могли вбить клин между ними и испортить отношения.

Чем они должны заполнить время, в течение

которого Керал своими собственными желаниями движется к непредставимой цели? Дэвиду пришло в голову, что они до сих пор видели друг друга раздетыми только при весьма прозаических обстоятельствах. Было разумным привыкнуть друг к другу, чтобы потом чужеродность каждого из них не воспринималась как шок. Керал, как всегда, деловито подошел к его предложению и тихо заметил, что его люди носят одежду только при плохой погоде и при посторонних. Он разделся без всякого стыда или следа эротичности. У Дэвида, напротив, были затруднения. Для него нагота означала интимность и сексуальные обертоны, сделала его и Керала тела еще более заметными. Он был рад, что уже видел тело Керала в совершенно безликих условиях, и все же ему казалось, что он видит его первый раз. Керал был высоким, более чем на дюйм выше высокорослого Дэвида, а его нежное тонкокостное тело было светлым, слабого серебристого оттенка, и над бедрами на лобке у него не было волос. Хотя груди его были небольшими, можно было легко представить, что они принадлежат женщине. Рядом с Кералом Дэвид чувствовал себя грубым и по-обезьяньи мужиковатым. Некоторое время они стояли, смотрели друг на друга

и пытались обрести свое "я" в этом новом месте и в это новое время. Потом Керал слегка вздрогнул и развел руки. Они осторожно обнялись, но не тесно. Дэвид, сознавая опасность истерики, подавил поднимающийся в нем смех. Вместо этого он снова поцеловал Керала и на этот раз последовала медленная, бесконечно робкая реакция. Когда они отпустили друг друга, Керал неуверенно сказал: — Я не знаю… какая форма любовной игры… для вас обычна или разрешена…

Сильное желание заставило закружиться голову Дэвида Он должен был побороть импульс со всей силы прижать Керала к себе, чтобы усилить его реакцию… замедленное развитие было пыткой, танталовыми муками… однако он совладал с собой, потому что это несомненно вело в тупик.

Как он предполагал, изнасилование было совершенно невозможно, и даже если бы оно было возможно, что оно могло бы принести, кроме отчуждения и отвращения? Он очень мягко ответил:

— Моя любовь, почему ты думаешь о том, что обычно? Это ведь не обычная ситуация, ты говоришь, что я не могу сделать ничто, что восстановило бы тебя против меня. Я чувствую то же. Мы просто должны некоторое время подождать

и посмотреть, что произойдет, — этим он нашел верные слова. Во время своего бесконечно долгого перехода из мужской в женскую фазу, Керал стал робким и пассивным, а Дэвиду пришлось взять на себя ведущую роль.

Опытная женщина может вести молодого или робкого мужчину. Дэвиду, однако, не было известно, какой опыт был у Керала, но, во всяком случае, этот опыт теперь не имел значения. Дэвид должен был взять на себя инициативу и, несмотря на это, обращать внимание на сопротивление или защиту Керала.

Он притянул его к себе. Они, обнявшись, легли и поцеловались. Медленно пробуждалась страсть. Наконец Дэвид с трудом вдохнул воздух и произнес:

— Это не очень быстро для меня, но может быть неожиданным для тебя, Керал, — он взял руку Керала и повел ее, но Керал вырвал ее у него.

Дэвида охватил гнев. Он не мог себе представить, что Керал окажется таким жеманным. Но тут же он одумался (он обязан думать! Все равно, эрекция ли, желание ли, страсть, он должен думать не только о своем теле) и сказал себе, что Керал боится. Это был физический страх, все его тело дрожало от напряжения, стараясь скрыть

этот страх. Дэвид поднялся и немного отодвинулся от него.

— Ты видишь? Я все еще контролирую себя, Керал. Я обещаю тебе: ничего, к чему бы ты был не подготовлен. Я хочу только, чтобы ты сказал мне, когда тебе станет плохо. Теперь я не могу читать твои мысли, улавливать все твои эмоции. Поэтому ты должен говорить со мной.

— Я хочу, чтобы ты касался меня…

Преследуемый внезапной вспышкой интуиции, Дэвид спросил:

— Я сильно отличаюсь от твоих людей, находящихся в мужской фазе? Достаточно, чтобы испугать тебя?

— Собственно, нет, хотя… ты сильнее, чем я думал. Я — это трудно выразить, — я ведь боюсь всего. Но это ничего. Изменение у меня двигается все дальше, и теперь оно зашло настолько далеко, что, боюсь, отступать уже слишком поздно…

Теперь он сильно дрожал и был готов разразиться слезами. И Дэвид понял. Он чуть не рассмеялся, это было так похоже на глупую, грязную шутку! Вместо этого он осторожно взял Керала за руки и крепко прижал к себе. Он тихо сказал:

— Нет, нет, Керал, забудь об этом. Мы скоро

достигнем высшей точки наслаждения. Таким, каков я сейчас, я останусь и дальше, если ты готов к этому. Больше ничего.

Конечно, если Керал привык к медленному, постепенному сексуальному возбуждению, росту, продолжающемуся свыше часа, и если Дэвид гораздо раньше достиг максимальной интенсивности, откуда Кералу это знать? Наконец, они были более чужды друг другу, чем цивилизованный человек и дикарь, а ведь даже людям отдельных рас на одной планете свойственно бесконечное непонимание и трудно понимаемые табу.

Теперь Керал успокоился. Он сказал: — Конечно, бояться — это очень глупо с моей стороны. Я хотел бы быть открытым для тебя.

— Ты можешь подождать.

— Тебе будет очень трудно остановиться на полпути. Мне стыдно.

— Тебе нечего стыдиться, Керал.

Он чувствовал себя в руках Дэвида гибким и хрупким.

Дэвид казался грубым и было неясно, какой вид физических превращений он видел у Керала. Наконец он сказал:

— Я в чужой стране и у меня нет карты. Я хочу

быть уверен…

Керал тотчас же вмешался: — Да. Это так. Мы должны точно знать, что другие… даже если мы принадлежим к похожим расам, все должно быть хорошо.

Дэвид снова постарался быть почти клинически объективным, когда Керал медленно ощупывал его тело своими руками. Прикосновения были возбуждающими, но не в опасной мере, и обоюдное любопытство уменьшало напряжение. К дьяволу теории и анатомические обобщения, я хочу знать, как это здесь выглядит! Смущенно и неуверенно он коснулся Керала. Оттолкнет ли его чужеродность? Может ли что-то показаться ему в нем отвратительным? Азбучные истины, которые он узнавал во время исследования Керала и Мисси, внезапно возникли в его голове. Может быть, тогда ему что-то пригрезилось? Он нащупал сморщенную половую щель и у него в голове мелькнуло, что это приспособление гораздо разумнее, чем разделение полов его собственной человеческой расы.

— Ты должен сказать, если я тебе сделаю больно.

Керал рассмеялся.

— На самом деле я не настолько хрупок. Я ведь

не причинил тебе боли, когда коснулся тебя, не так ли? — Дэвид понял, что они сделали большой шаг вперед. Керал теперь был спокоен и мог без страха и колебания принять его. Изменение, вероятно, почти уже закончилось и это придало ему мужества.

Не было ничего особо чужеродного и не было ничего отталкивающего. Впереди половой щели, теперь втянувшейся, находился мужской половой член, по размерам даже меньше, чем у человеческого младенца. Почему-то меня удовлетворяет это мужское начало в Керале, подумал Дэвид. Он осторожно коснулся члена, и Керал издал тихи и звук удовольствия. Позади члена находились значительно увеличившиеся женские половые органы, окраска которых все усиливалась. Дэвид почувствовал под своей рукой пульсацию, его деловитость развеялась. Он закрыл глаза и дрожа отвернулся от Керала, потому что боялся снова быть торопливым. Но сотрясаемый сильной дрожью, Керал прижался к нему.

— Я уверен, что это то самое… я не выдержу этого! — выдохнул он. Что-то во мне изменилось, это убьет меня.

На это мы должны были рассчитывать, разо-

чаровано подумал Дэвид. Тупик. До сих пор и не дальше, культурные табу настолько сильны, что ни один из нас не может их нарушить. Нужно было попытаться, прежде чем нервы сдали, и все же мысль о том, какие были бы последствия этого, парализовала его. Он осторожно лег на Керала. Глаза чири были закрыты, он обвил руками Дэвида, затем, вес еще дрожа, произнес: — Я не знаю этого… я боюсь…

Дэвид сам был испуган так, что стал почти импотентом.

О Боже, зачем мы пытаемся, мы же там много. Он обнаружил, что вяло лежит на груди Керала и беспомощно рыдает.

Керал тоже плакал. Наконец Дэвид с трудом хрипло произнес: — Что нам делать? Что нужно сделать?

Керал постепенно успокоился. Он придал своему лицу улыбку и прижал Дэвида к себе, и в первый раз за эту ночь Дэвид осознал, что кожа у Керала мягкая, прикосновения женские, нежные. Керал что-то прошептал ему на своем языке. Что — Дэвид не понял, но это, вероятно, были ласковые слова. Потом он про бормотал:

— Дэвид, любимый, мы все же должны сделать это. Мы оба были… расслаблены и судорожно

скорчились. Может быть, любви нужно немного сумасшествия? Ты не должен — помнить о тупике!

— Это так безнадежно…

— Нет, нет. Ошибка, а не катастрофа. Мы боялись и были… ну, не уверены, — он выпрямился, поцеловал Дэвида и смахнул его волосы с глаз. Останься здесь, возле меня, Дэвид. Мы слишком спешим. Мы должны быть уверены друг в друге.

— Мне стыдно… — пробормотал Дэвид.

— Прежде всего, мне самому стыдно, но мне легче перенести это, потому что я знаю, что ты тоже боишься самого себя, — просто сказал Керал. — Ты кажешься таким самоуверенным, что я спрашиваю себя, имеешь ли ты вообще представление, как это тяжело для меня…

— Я, — прошептал Дэвид обняв Керала, — хотел влить в тебя уверенность.

Постепенно они успокоились. Они лежали плотно прижавшись друг к другу, ощущая ритм ударов своих сердец.

Так уже было однажды, вспомнилось Дэвиду, только они тогда не были так честны друг с другом. Тепло и уют сделали свое дело. Дэвид ощутил новую эрекцию, и Керал стал доверчиво ластиться к нему, Чири со смехом обнял его.

— Не бойся. Мы можем попробовать это.

Дэвид не сразу нашел отверстие, и Керал должен был ему помочь. Он. Она. Проклятье, проклятье! Новый страх, беспомощность, глубокий вздох Керала и напряжение, которое снова чуть было не расслабило Дэвида. Потом он почувствовал, что член его вошел. Он подавил инстинкт двигать им, совладал со собой и прошептал: — Керал?

— Все хорошо… — но голос был только дыханием, — Никакого… страха?

— Немного страшно…. давай дальше, я хочу итога.

Это шло тяжело, сначала они беспомощно устали друг от друга. Их снова охватил страх, Керал всхлипнул в последней волке паники. И внезапно они установили, что обо они великолепно подходят друг к другу, и Дэвид почувствовал такое сильное облегчение, что чуть было снова не разразился слезами. Он быстро успокоился, а потом напряжение и страх исчезли смытые потом желания.

Они яростно обнялись, они учились приспособиться к ритму друг друга. Керал все еше всхлипывал, но теперь не от страха. А потом для Дэвида все исчезло в оглушающей вспышке

света.

Когда он снова обрел дыхание, то нагнулся и поцеловал Керала. Он сокрушенно почувствовал его слезы и прижал к себе.

— Не плачь, больше незачем плакать, не так ли? Разве я сделал тебе больно? Я пытался…

— Нет, нет, ты не сделал мне больно, я так боялся, что снова пойдет все не так, а теперь… теперь мне хочется плакать, смеяться, летать…

Снаружи перед окном легко кружился, словно что-то шепча, мягкий падающий снег. Дэвид даже не заметил как исчезла всякая отчужденность, и все же это все еще был Керал. Он не был готов видеть в Керале женщину — а, к дьяволу! Почему он должен быть привязан ко всем этим предрассудкам? Керал был Кералом, он любил его и все это его не беспокоило. Так он и заснул в объятиях Керала.

14

Днем позже, зимой, Джейсон заглянул в лабораторию и сказал:

— Дэвид? Регис Хастур прислал мне сообщение. Он хочет, чтобы мы все поднялись в крепость. Зачем это нужно, он не сказал. Ты пойдешь со мной?

Дэвид взял с собой теплое пальто — дарковерское (те пальто, которые носили на других планетах, были здесь летней одеждой) и последовал за Джейсоном. Тот осведомился: — Как продвигаются дела?

— Сделано все, что можно. Впрочем, был прав, у всех телепатов в новой группе серые глаза, все люди Комина и другие дарковерцы имеют типичные мозговые волны, но не такие сильные, как у чири, а значительно меньше.

Джейсон улыбнулся про себя.

— И много ты видел рыжеволосых?

— Нет! Я однажды читал один из доисторических рассказов, он назывался "Лига рыжеволосых", глупая история о чем-то, что тогда было преступлением. В целом я его не помню, но один

из абзацев мне вспомнился сегодня: "Я надеюсь, что мне больше не придется пережить ничего подобного. С севера, юга, востока и запада сюда направлялся каждый, у кого были рыжие волосы. Я никогда не думал, что их так много в нашей стране. Здесь были представлены все оттенки рыжего: соломенный, лимонный, оранжевый, кирпичный, песчаный, охряной и настоящий огненно-рыжий".

— Кажется, что ты сам присутствовал там, — произнес Джейсон, и Дэвид рассмеялся.

— В детстве на Земле я не связывал рыжие волосы ни с чем, кроме кипучей натуры. Да, так это и было, прежде чем я заметил, что ни один из этих людей не может так же легко читать мои мысли, как я читал их. Почему бы это, Джейсон? Ты не рыжеволосый.

— Я был тогда как ребенок, но я забыл об этом. Моя мать была рыжеволосой, — ответил Джейсон. — Она была дарковеркой и она умерла так рано, что я даже не могу вспомнить ее. Я никогда и не подозревал, что могу быть телепатом, пока вы не прибыли и я не начал улавливать что-то. Где Керал?

Они подошли к воротам космопорта, прошли через них и стали подниматься по древней кру-

той дороге к крепости на нависающую над ними гору. Дэвид ответил: — Он предпочел прогулку по полю. Я думаю, улицы и здания душат его. — Он один?

— Нет, с ним Коннер, и я думаю, что через пару недель я завершу свою работу.

— Керал выглядит как-то не так — он так же женоподобен, как Мисси. Мне показалось, что ты все еще говоришь о нем, как о нем.

Дэвид пожал плечами.

— Я думаю о нем, как о нем. Может быть, Мисси изменилась так сильно, потому что она подражала людям. Поведение, казавшееся нам связанным с сексом, на самом деле было связано с культурой, в которой она жила, но я этого не знал.

Джейсон сказал: — Я однажды полюбил одну из Свободных Амазонок. Это было так, словно я полюбил мужчину, и к концу это чувство стало очень сильным.

— Я слышал, что Лиинеа говорила об Амазонках и подумал, что они любят только женщин.

— О нет! Но они делают то, что им нравится и ни один мужчина не может долго выдержать их. Кила оставалась со мной три года и это было достаточно долго для женщины, не имеющей ребенка. Потом она устала от городской жизни.

Однако, у меня здесь была работа и я решил остаться. Я не уверен, поступил ли я правильно, но я врач, а это значит… — Джейсон замолчал и Дэвид кивнул.

— Я понимаю.

— Работа, которую мы теперь делаем — полное исследование телепатов, их сил и способностей — будет иметь огромное значение для Дарковера, — произнес Джейсон. Такие попытки предпринимались и раньше, однако ничего из этого не вышло. Дарковерцы не были склонны к сотрудничеству. Но теперь они делают это добровольно.

— Не совсем, — ответил Дэвид — только подчиняясь необходимости. Я думаю, что Керала, рассказавшего о своем народе, подгонял страх. Он видел самого себя. То же относится и к Совету Старейшин. Ты же знаешь, это пробуждает озабоченность. Ни одна из их женщин не приносит детей, а мужчины… — он пожал плечами. — Пара таких, как Регис, считает своей обязанностью заботиться о подрастающем поколении, а другим это даже никогда и в голову не приходило.

Джейсон спросил: — Это бывает, когда природа возвращается назад, к норме?

— Я этого не думаю. Все дело в привычке, —

объяснил Дэвид. — Человеку, который однажды привык к такому роду контакта, нужно меньше, а не больше. А большого числа потенциальных партнеров просто не существует. Браки также заключаются из политических соображений, девушки растут изолированно и видят только своих кровных родственников. Никому и в голову не приходило специально развивать гены телепатии. Следствием этого является то, что семьи телепатов смешиваются с другими, у которых способности едва намечены и эти другие опять вступают в инбридинг, так что появляются значительные рецессивные признаки.

— Это так, — согласился Джейсон, — Ну, может быть, это встреча принесет результаты, — они миновали высокие ворота древней крепости. Стоящая на постах охрана косо посмотрела на врачей-землян в их белых кителях, однако пропустила. В коридоре, который здесь, как и в большинстве дарковерских домов, был сделан из светлого прозрачного камня с вделанными в панели цветными светильниками, один из слуг сказал им, что Лорд Хастур отдал ему распоряжение отвести их в комнату Совета.

Дэвид уже знал, что Регис приказал вызвать в Тендару всех известных телепатов — двести

тридцать мужчин и женщин. Это на Дарковере означало всех, кому уже исполнилось пятнадцать лет. Около ста из них не смогли приехать из-за неблагоприятных погодных условий, преклонного возраста или болезни, а пара женщин — из-за далеко зашедшей беременности. Это было незначительное число при количестве населения в пару миллионов — подсчет населения на Дарковере не производился никогда. Джейссн знал старые оценки, раньше едва ли сотня телепатов имела значительные способности.

Регис недолго заставил их ждать и гадать, зачем он собрал их. После того, как они обсудили пару известных проблем, таких, как например, совместная работа над поддерживаемым землянами проектом измерения телепатических способностей, и тому подобное, что находилось в скрытом состояние, а также о развитии страны, он закончил формальный разговор и покинул высокую трибуну.

Дэвид довольно часто был с ним в контакте, чтобы знать ранг его положения, но он, собственно, никогда не считал его прирожденным вождем. Регис казался ему тихим, довольно робким молодым человеком, которого против его воли выдвинули на высший пост, и он не находил

в этом никакого удовольствия. Регис был не особенно высок — это было обычно для дарковерца — они не были высокорослой расой.

В нем было пять футов девять дюймов, и хотя у него были тонкие черты лица и снежно-белая кожа, которые придавали ему вид знатного человека, он обычно никогда не интересовался своей внешностью. Но теперь Дэвид почувствовал, что Регис использует свой авторитет, который исходил от его личности.

— Наш мир уничтожен преступниками, — сказал он, но я не хочу торопить вас искать помощи у землян. Может быть, будет лучше умереть. Но теперь я не думаю, что это наша единственная альтернатива. На ста тысячах населенных мирах мы нашли кое-что необычное и должны сохранить то, что у нас есть. Наша традиционная форма правления сломана и на ее месте нет ничего нового. Земная Империя только и ждет того, чтобы заполнить этот вакуум. Комин и Совет Комина, наша старая иерархия, самоликвидировались. Я прошу вас всех со мной образовать новый Совет. Этот Совет должен не править Дарковером, а работать, чтобы восстановить наш мир. Сотни лет назад каждый из вас, кто был, как и я, рожден в Семье Телепатов и в Касте Телепатов, следо-

вали традиции использовать свое дарование на благо нашего мира и всех живущих на нем. Вы жертвовали собой и жили изолированно, вы работали с матрикс-экранами, чтобы обеспечить минимум необходимой техники. И те из вас, кто родился в других семьях и кастах, рассматривались как чужаки и отклонения от нормы; редкие и необычные способности их одновременно почитали и боялись. Я требую от вас единства: Комина и народа, крестьян у Лордов, Свободных Амазонок и чужаков, жителей долин и жителей гор. Я прошу вас работать для нашего народа. А в настоящее время прошу вас предоставить ваше дарование в распоряжение землян. За это мы получим помощь, которую мы используем для восстановления нашего мира. Но я даю вам слово, что мы никогда не допустим включения нашего мира в Земную Империю. Может быть, мы будем дрожжами в их тесте. Может быть, они, когда увидят, что мы не собираемся плясать под их дудку, сами будут плясать под нашу. Хотите ли вы мне помочь?

Он молча стоял и ждал, но не было никакого ответа.

Но ответа и не требовалось. Словно штормовой ветер пронесся по помещению, когда каждый

человек вскочил. И Дэвид внезапно сам вошел в это невероятное единение.

Существовало небольшое расхождение во мнениях, а так же возникли небольшие споры. Но все в это время были единым целым, и Дэвид про себя подумал, что еще никогда в истории Вселенной, известной человеку, никто не мог создать такую единодушную труппу людей.

Он не знал, как они смогут решить проблемы их мира.

Но он верил в то, что они их решат и что он — он вздрогнул от этого, словно от видения — был частью этого ответа.

Зима прошла, каждый день становился длиннее предыдущего, а Андреа Клоссон изучала и составляла планы, выслушивала шпионов, задумывалась над заключительным актом, который делал эту планету совершенно беспомощной. Иногда она думала, что она едва ли смогла бы спланировать лучше это дело, и теперь все пойдет без ее участия.

Оставшиеся телепаты собрались в крепости Комина, и ей казалось, что они, как лемминги, спешат навстречу своей гибели.

Те немногие, кто не пришел, не считались. Они были стары, больны, или жили в отдаленных

областях. А также пара беременных молодых женщин, которые остались дома и не пришли. Сама не сознавая этого, она почувствовала облегчение, потому что у нее были иррациональные предрассудки против того, чтобы убить беременную женщину, поэтому она была рада, что они не прибыли. Ее главной целью был Регис Хастур, которого она всегда считала своим главным врагом с тех пор, как на Дарковере появились покушающиеся, и вот теперь прошел слух, что у него появилась новая содержанка. Андреа никогда не видела Региса Хастура, но она немного удивлялась тому, что ему удалось выжить после стольких нападений. Он должен был тихо наслаждаться временем, которое у него осталось, чтобы жить в мире. Немногие, кто еще уцелел в последних стычках, были слишком слабы и их было слишком мало, чтобы произвести на свет новое поколение телепатов. Еще одно поколение, и останется только одно воспоминание о них, а также пара-другая рецидивов телепатии.

С помощью одного из агентов (как в большинстве Торговых Городов, их всегда можно было купить в космопорте Дарковера, если заплатить хорошую цену) ей удалось добыть желаемый материал.

Однажды вечером — уже наступила весна — она получила сообщение, которого ожидала.

— Это их особый праздник, — сообщил ей шпион, — и они этой ночью будут в крепости, даже телепаты, которых медики штаб-квартиры доставили сюда с других планет для осуществления проекта. Это нечто вроде танца-радости весеннему таянию снегов, появлению зеленых листьев или что-то подобное. Я не знаю почему в это время года во время танца им кажется, что они лучше понимают все проблемы, но я никогда не понимал дарковерцев до конца.

— Как надежна эта информация? — спросила Андреа.

— Так же, как данные компьютера, — заверил ее шпион. — Один человек из проекта "Телепат" — неисправимый игрок. Я могу развязать ему язык, чтобы он выиграл.

— Идиот, — без особого пыла сказала Андреа. — Если он телепат, он, очевидно, знает, что вы нашли его специально.

— Знает он или нет — это все равно, — ответил шпион. Я не имею никакого представления, что вы думаете или намереваетесь сделать, поэтому из моих мыслей он едва ли что-го может почерпнуть, разве что то, что я не затеваю в отношении

него ничего хорошего. Я не телепат, но я все же знаю, что этот Рондо тоже не так уж лоялен к ним. Вероятно, он даже рад тому, что сказал мне что-то, что не понравится этим людям.

Вред был причинен только однажды. Однако Андреа сомневалась, что кто-нибудь в состоянии определить то, что скрывается за одним из этих шпионов. Она не думала, что человек может читать ее мысли — не сможет после всех этих лет. (Когда эта медноволосая Свободная Амазонка увидела, что она зарывает черный вирус, она хотя и почувствовала следы понимания, однако не испытала ничего, кроме презрения. Действительно, ничего не произошло, хотя она после короткой проверки установила, что Амазонки обладают некоторым ясновидением, подобным телепатии. Хотя они все глупцы, эти телепаты Дарковера!).

И если ее мысли потом прочтут — это будет уже слишком поздно. Андреа никогда не позволяла подняться на поверхность своего сознания чему-то, и после заключительного акта у нее не было никаких планов собственного бегства, да и зачем?

Решение ее было простым. Не было никого, кому она могла бы доверить свои планы, потому что тогда телепаты могли бы узнать о них.

Поэтому она все делала одна, и еще одна раса должна была погибнуть. Как и ее собственная.

Не зная об этом, Дэвид повторил слова Андреа:

— Я не знаю, почему для решения этих проблем вы устраиваете праздник с танцами!

Джейсон улыбнулся.

— Если бы ты прожил на Дарковере еще пару лет, ты бы все понял. Танцы здесь — нечто очень важное. Позволь только дарковерцам где-то собраться, они обязательно устраивают танцы.

Регис сказал:

— Это восходит к давним временам, может быть, это даже исходит от древних народных праздников дневного и ночного равноденствия. Танец — это исключительный человеческий вид активности. Для всех других видов активности существует параллель с животными, даже для музыки — пение птиц, а некоторые насекомые создают искусные узоры. Но в древних стихах говорится: "...только люди смеются, только люди плачут, только люди танцуют", — он великолепно выглядел в своем серебристо-синем костюме, украшенном драгоценными камнями. Линнеа была покрыта розовыми цветами, естественными и искусственными. Регис дружески улыбнулся Дэвиду и осведомился у Керала, который стоял

возле Дэвида: — Чири тоже танцуют?

— О да, — ответил Керал, — в лесах (при свете солнца или луны) в экстазе.

Дэвид, который, как всегда, слушал голос Керала, подумал, что он сам почти находится в экстазе. Хотя он, как обычно, избегал большого скопления людей, сегодня вечером он надел свою одежду — странную длинную тунику из блестящей ткани, которую он назвал паучьим шелком — и примкнул к ним. Изменение Керала закончилось, и Дэвиду он казался прекраснее, чем Мисси. От чири, казалось, исходили потоки света.

Позади них находился большой зал, освещенный тысячью светильниками. Он был полон мужчин и женщин в великолепных костюмах, волосы которых были рыжими (всевозможных оттенков). Звучала тихая музыка с запоминающимся ритмом. Регис повернулся к ним спиной и вышел в темный сад. Посмотрев на четыре луны, плывущие по небу, он обернулся. Лунный свет освещал светлые волосы Керала. Лицо Коннера было темным пятном в полутьме.

Коннер сказал: — Слушай, Регис, у меня было одно видение вне потока времени. Сегодня ночью что-то идет не так. Я на минуту оказался здесь и почувствовал это, но я не мог это проконтро-

лировать.

Регис медленно ответил: — Я не почувствовал ничего — это не наша способность, как Хастуров. Кто это был, Коннер? Опиши!

Коннер сильно наморщил лоб в раздумье.

— Я не могу это полностью контролировать. Я не уверен. Это словно… словно двойной фейерверк.

— Может быть, ты вспомнил прошлое, а не будущее. Эта крепость имеет долгую и кровавую историю, мой друг.

— Может быть, — но Коннер все еще был озабочен, он взял Мисси за руку. Они вместе пошли прочь, и Регис посмотрел им вслед. Фантастическая красота Мисси не вернулась, но после того, что стало известно о чири, для этого еще было не время. Много больше времени, чем было у Коннера.

Целая жизнь. Однако Коннер был доволен ею такой, как она была.

Дэвид снова вернулся в бальный зал. Он стоял в стороне — он очень мало понимал в танцах — и смотрел на сложные фигуры: пары, группы, длинные цепи, случайные соло-танцоры, вырывающиеся из групп. Ему казалось, что он наблюдает за полетом светящихся пестрых птиц.

Регис и Линнеа на короткое время отделились от группы и танцевали, тесно обнявшись. Их любовь была почти осязаема. Не то, чтобы их танец имел эротическую окраску, и все же сексуальность окружала их как свет, и у Дэвида создалось впечатление, что они гордятся этим, показывают это посторонним. Он весело сказал себе, что после прибытия на Дарковер он очень много времени — провел за раздумьями о сексуальности других людей. Но это был только основополагающий факт и над ним задумывалось большинство разных людей. На Дарковере — по крайней мере, среди телепатов — было просто невозможно затрагивать эту тему при встречах и беседах. Было бессмысленно говорить об этом девушке, когда она может прочитать тайные чувства своего поклонника так же легко, как и свои собственные. Не поэтому ли телепаты развивают свою почти ритуальную вежливость? К примеру, не смотреть открыто и пристально на молодую девушку. Это может значить: я сексуальное существо и реагирую на тебя, но я этим подчеркиваю, что я жду твоей реакции и согласия.

Насколько Дэвид знал общественные формы Дарковера, это просачивалось и на людей, лишенных всяких телепатических способностей,

и он также хорошо знал, какие рациональные объяснения они этому давали. Дуэли здесь были обычным делом — как же еще, если здесь нельзя было скрыть свою враждебность? Клапан для болезненной эмпатии? Или один из способов доказать свою мужскую храбрость?

Керал взял Дэвида за руку, и он почувствовал, как тесно они связаны друг с другом. Керал сегодня вечером был радостнее, чем обычно. Его серые глаза блестели от удовольствия, лицо пылало. Его длинные, шелковистые волосы казалось трепетали, как пламя свечи трепещет в потоке воздуха. Дэвид сказал: — Ты выглядишь счастливым, Керал, — и подумал, что это выражение слишком неточное.

— Я действительно счастлив. Ты же знаешь, что я сказал тебе, когда мы были вместе последний раз — мне хочется смеяться, петь, летать!

— Конечно. Как я могу это забыть.

— Теперь я еще больше счастлив. Спроси меня, почему, но не здесь и не теперь. Я очень скоро расскажу тебе это. Но теперь… здесь… — он откинул голову и стоял, сконцентрировавшись, прислушиваясь, вдумываясь. По-видимому, он слышал что-то, какой-то голос. Потом он поднял руку, на мгновение покачнулся, словно цветок

на высоком стебле, и стал танцевать.

Дэвид понял, что не слышит музыки. Он воспринимал только Керала, который теперь был как гонимый ветром листок, потом он закружился в диком экстазе. Нежная, чувствительная Линнеа словно заразилась ОТ него. Она прорвалась к нему и танцевала позади него, а за ней последовали и другие, сначала по двое, по трое, потом группами по десять-двенадцать человек, казалось, что кружится целая стая птиц, то опускаясь, то поднимаясь. Дэвид, околдованный танцем, краешком глаза увидел, что Коннер бросился в этот поток, что мимо него легко пропорхнула Дезидерия. Дэвид словно утратил свое "я" в волнах, захлестнувших его с головой, и купался в потоке своего собственного народа.

Подъем и падение, движение вперед и кружение, круговорот приливов и отливов мира, сила вливающейся в душу и сердце весны! Лунный свет, как магнит, вел их через огромные двери наружу, в холодный туманный сад. Дэвид, чьи ноги притоптывали в том же ритме, что и у остальных, почувствовал холодный воздух и в мгновение прояснения подумал: что же мы все делаем? И вот эта мысль под светом лун вошла в общее сознание, в головокружительную радость, чтобы

самой стать радостью. Это было похоже на то, что он плывет под водой, и его вдруг подхватило течение, и он полностью отдался на его волю. На долю секунды он ощутил красоту: посеребреные лунным светом волосы Керала, просветленное, поднятое вверх лицо, почти нечеловеческое. Пролетела Мисси, словно гонимый ветром листок, Коннер, безвольно плывущий в потоке, Регис — с закрытыми глазами в медленном движении, однако, чем-то напоминающий летящую стрелу. А потом Дэвида отделили от его друзей и загнали в самый центр этого людского водоворота, который вращался все быстрее и быстрее. Это было словно во сне, только тело его полностью бодрствовало, и он с удовольствием осознавал свободу движения, силу притяжения лун и моря. Каждая из лун была животворной щекоткой для его нервов, каждая из звезд оказывала свое особое влияние на его мозг, и каждый танцор в толпе был особой силой. С бесконечно обострившимися органами чувств, которые почти невидимыми светящимися нитями паутины пронизывали тонкий ароматный воздух, он касался каждого отдельного существа, чувствовал свою однократность, свою первобытную радость.

И еще больше. И еще. По всей опустошенной

стране храбро и невидима набухали почки листьев. Мхи сморщивались под снегом. Тихая, тайная жизнь птиц здесь, в саду, и далеко в горах и лесах, крадущиеся шаги нечеловеческих кошкообразных существ, гонимых голодом и страхом, кипение жизни в крови животных, жаждущих спаривания — повсюду просыпалось все, везде была весна и возрождение нового мира. Не сознавая как, но Дэвид видел четче, чем он мог это высказать, древние расы с серьезными, прекрасными серыми глазами, такими как у Керала, длинными распущенными волосами и нестареющей мудростью в сердцах. Она (раса) уже смирилась, что последняя осень уже подходит к концу, но внезапно почувствовала новую весну, так что люди ее начали танцевать и прыгать от радости и всепобеждающего сознания возрождения.

(И откуда-то, с высокой точки над садом Андреа увидела, как рыжеволосых охватило сумасшествие танца, и своими приглушившимися за тысячелетия чувствами она ощутила брызжущую жизнь и возрождение. Она стояла, словно парализованная. В ее душе с трудом приоткрылись двери, которые закрылись давным-давно, и с тех пор были наглухо закрыты. Невыносимые

воспоминания мучили ее. Ее глаза горели от тупой ярости).

Настойчивый ритм невидимой музыки, магический ритм весны пульсировал в людях, и они словно находились в экстазе всего мира. Даже умирающие, слыша этот зов, боролись за жизнь, беспомощно противясь господству смерти и уничтожения, за восстановление своей планеты.

Регис достиг эротической силы и требовал источник возобновляющейся жизни. Все еще танцуя, он притянул к себе девушку, танцующую рядом с ним. Они опустились на мягкую траву.

Потом людей, одного за другим, начало выбрасывать из танца жизни, двое или трое упали возле Регисa.

Дэвид почувствовал, как внутри него поднимается волна и прокатывается через голову, оставив его ослепленным и оглушенным. Он с трудом ощущал руки на своем теле, шепот, лицо девушки экзотической красоты, окруженное массой пылающих волос. Он освободился от танца и отдался в ее руки. Он едва соображал, как это произошло, но в течение секунды, так по крайней мере ему показалось, они ласкали друг друга, обнаженные, на теплой, освещенной лунным светом траве. Это было как сумасшествие с влажным запахом

листьев вокруг них, и повсюду в ночи слышны были звуки любви: поцелуи, бормотание, шум последних танцующих, стоны страсти, выкрики желания и наслаждения.

Регис прижал девушку к себе.

И все же — он слеп? Глух? Или воспринимал он не своими обычными чувствами, потому что он в них не нуждался?

Не я один, признал он, когда слился с неуловимо коротким и одновременно бесконечно длинным мгновением наслаждения с Кералом (я здесь, мы снова одно целое, любимый…). А потом ему показалось, что с него упал последний клочок одежды и он, словно в первый раз в жизни, оказался обнаженным.

Он чувствовал никогда не познанную им интенсивность мягких губ Линнеа на своем лице, хотя он знал, что она лежит на другом конце сада в объятиях Данило. Он снова почувствовал сладость Керала, такую доверчивую и такую бесконечно чужую, связался с Джексоном, в то время, как руки его друга крепко сомкнулись вокруг груди неизвестной девушки, а потом с Регисом. (Быстро исчезнувшая картина скрещенных мечей, хватка запястьев летящего воздушного акробата, который в чудовищной и отчаянной борьбе уцепился

за кольцо, раскаленное, как бедра любовников.) За одно мгновение Дэвид получил понятие о том, что это значит, когда исчезает из сознания то, что ты мужчина — познал ли Керал эту смесь скорби, радости и смирения? — когда его дух и его тело были связаны с неизвестной девушкой, и в мгновение удовлетворения он посмотрел вверх, в глаза Регисса. Потом Дэвид снова оказался в своем собственном теле. Девушка под ним была мягкой, притягивающей, требующей. И прежде здесь не было ничего… и все… всегда… жара… взрыв… медленно накатывающиеся волны… звезды, вращающиеся снаружи и внутри — и мир, окутанный темным молчанием.

Три секунды или три часа спустя — этого никто из них не знал — Дэвид внезапно вынырнул из глубокой воды грез в реальность. Мягкое тело девушки все еще покоилось в его руках, шелковистые волосы скрывали ее глаза. Он нежно погладил ее и поцеловал, прежде чем убрать волосы. Потом он оперся на локоть и взглянул в удивленные улыбающиеся глаза Дезидерии. Ей потребовалось некоторое время, чтобы сориентироваться. Воспоминание о том, что они проделали, вернулось, и Дэвид рассмеялся. Ну и что? Возраст и даже пол в этом случае не имел

никакого значения. Выражение сомнения и раскаяния скользнуло по лицу старой женщины.

Дэвид рассмеялся, поцеловал ее и увидел, что страх ее исчез. Дезидерия прошептала:

— В старые времена это значило: то, что происходит под четырьмя объединенными лунами — воля богов и находится вне желаний и страсти людей. Но до сих пор я не знала, что подразумевается под этим.

Он улыбнулся и взял ее за руку. Повсюду в саду слышалось бормотание при возвращении сознания в отдельные тела. Дэвид схватился за свою одежду, потому что было холодно, хотя уже была весна и ему, как собаке, навострившей уши при малейшем шуме, показалось, что он больше не слышит ни одного человека. Здесь было тихо и мирно, но его нервы внезапно рванул страх. Он сердито осмотрелся, ища контакта с Коннером.

…Дэвид? Я не знаю, это мне не нравится — фейерверк… первый раз в жизни я здоров и счастлив…никогда больше я не буду один, но даже здесь, здесь…

Керал издал крик, в котором слышались страх и радость.

Вспыхнул слабый свет, и восемь или десять высокорослых фигур появились из ничего, высо-

кие и бледные, с распущенными серебристыми волосами и серьезными серыми глазами, которые, казалось, сияли своим собственным светом. Керал побежал к ним, уверенными шагами двигаясь через все еще лежащие на траве пары, обнимающие друг друга. Дэвид, пораженный, уставился на них, однако, ему было ясно, кем были эти фигуры. Это были оставшиеся в живых чири — как это говорилось в легендах — чтобы видеть своего самого молодого и любимого члена их расы в эти мгновения счастья и возвращения к жизни. За ними снова послышались обычные шорохи ночи, затем последовали голоса, выражающие удивление, радость и печаль сквозь смех, общность, которая была слишком глубока, чтобы ее выразить через обычные слова. Дэвид понял (мысли Региса превратились в невидимую сеть), что ничто больше не сможет полностью разделить телепатов Дарковера. Если смотреть поверхностно, то все они преследуют разные цели, но утраченный за годы потенциал теперь был возвращен, и как чири перед ними, они стояли перед народом, где один человек и все вместе были единым целым.

Керал рассмеялся и, все еще полный радости, заговорил о новом единении. А потом снова про-

рвался поток страха, словно он учуял какую-то опасность. Дэвид почувствовал, что волосы на его голове встали дыбом. Данило мягко отодвинул Линнеа в сторону, быстро, как кошка, вскочил и схватился за меч. Не было никакой видимой угрозы, это был чистый инстинкт. Коннер тоже вскочил.

А потом… это, несомненно, был Рондо, который закричал — но использовал ли он слова? Это был испуганный крик, полный ярости и муки.

…Нет! Я выдал ваши планы, потому что я хотел убраться из этого мира, но вы никогда не делали мне ничего плохого, и я не хочу принимать участие в убийстве…

И бегущая фигура, которая внезапно замерла и поднялась в воздух, вверх, физически вверх, как летящий демон, окруженный становившимся все сильнее и сильнее сиянием.

В воздухе фигура что-то схватила странным вращательным движением, тело и этот раскаленный предмет, подобно ракете, взмыли вверх, все выше и выше…

В тысяче футах над городом эта штука лопнула как гигантский дождь искр фейерверка. Глухой вскрик невероятной боли и смертельной муки — а потом наступила тишина, огромное, зияющее

отверстие в мире, где теперь находились мысли, голос и душа Рондо. Потом раздался звук взрыва, приглушенный расстоянием, он потряс крепость, прокатился по ней и замер.

Внезапно среди чири оказалась окутанная их светом женщина в бесцветной, одежде Империи. Она боролась с невидимой силой, которую она сама же и вызвала.

Триумфальное наслаждение местью на ее лице сменилось страхом, удивлением и неверием.

…Я же вас всех считала мертвыми. Я не знала, что некоторые из вас остались в живых, чтобы вернуться в этот мир, даже если теперь он стал смертью…

— Нет, — голос самой старой чири, высокой красивой женщины, безвозрастный и сверхчеловеческий, наполнил темный сад, — мы живем, хотя жить нам осталось не очень долго. Но мы не можем отдать смерть за смерть, мы должны дать жизнь за смерть…

— Ее имя Андреа, — сказала рыжеволосая Свободная Амазонка, которая вышла из тени сада. — Я знаю, она уничтожила бы нас, если бы смогла, но…

— Нет, — повторила старая чири с бесконечной печалью и мягкостью, повернувшись к Ан-

дреа, — мы снова узнали тебя после стольких лет, Нарзаин ей Куй, дитя Желтого Леса, которое во время поисков совершенного покинуло нас. Мы считали тебя давным-давно погибшей, дорогая…

Лицо женщины было искажено мукой, сожалением и горем.

— А я родила ребенка во внешнем мире от чужака, имени которого я так никогда и не узнала, лица которого я никогда не видела — зачатого в сумасшествии и обреченного на смерть ребенка, которого я давно уже считала мертвым, а потом…

— Долгие годы сумасшествия, — прошептал Керал. Он с бесконечной нежностью взял в руки лицо Андреа. Она открыла судорожно зажмуренные глаза, увидела свет его сверхъестественной красоты, почувствовала огромную силу, заключавшуюся в Керале, власть будущей жизни. Керал тихо сказал: — Не все еще кончилось. Я живу — ты видишь, что я начал все сначала. Может быть и твой ребенок где-нибудь живет, нас трудно убить… — его глаза быстро отыскали в толпе Мисси. По его правильным чертам лица можно было прочесть его мысли. — Наша раса живет, Андреа, в этих людях. Уже ребенком я знал, что в них течет наша кровь. И как ты видишь…

Неземная красота Керала сияла и в первый (и единственный) раз Дэвид воспринял его как настоящую девушку, за которую он принял его сначала. Как молния в голове у него промелькнуло, что чири достигают высшего пункта изменения и женственности в беременности (Мисси только приближалась к нему). И теперь ему также стало ясно и понятно радостное ожидание Керала, который всех сорвал с места и всех их спас.

Вероятно, он так же спас весь этот мир.

А потом в Дэвиде проснулся врач. Забыв, что он все еще полуголый, он прыгнул вперед и подхватил на руки Андреа, а престарелая женщина-чири упала без сознания.

Эпилог

Женщина, которую вот уже в течение сотен лет звали Андреа Клоссон, сидела на высоком балконе крепости Комина возле Тендары и смотрела на далекие зеленые холмы.

Точка, из которой больше уже не было возврата, была почти достигнута и все же мир, как она думала раньше, еще можно было спасти. Но для этого требовались средства, которых на Дарковере не было.

За исключением ее самой. Она не щадила себя: весь свой талант, который напряженно на протяжении двух столетий она использовала для того, чтобы уничтожать планеты, она теперь отдала для того, чтобы спасти единственную планету. Каждый цент ее чудовищного состояний, которое было предназначено для уничтожения планет и которое находилось в ее распоряжении, она отдала для того, чтобы Дарковер снова стал Дарковером. Это был ее собственный мир и она узнала, что ее чудесный народ все еще существует и кровь его течет в телепатах Дарковера, которых она так ненавидела. А теперь, ожидая

ребенка Керала, она поняла, что кровь ее народа сохранена, хотя и не в полной чистоте.

Чири, может быть, и не выживут. Это все не вернет сил их расе. Она действительно достигла такой точки, с которой возвращение назад уже было невозможно. Твердо установлено, что Мисси уже больше никогда не сможет иметь ребенка. В те сотни лет, пока она боролась за свое существование, она была тяжело ранена. Андреа видела собственную вину, но ей казалось, что это делал кто-то другой. О том, что было сделано в сумасшествии, после возвращения разума больше не вспомнить, потому что от этого можно еще раз сойти с ума. И все же Керал живет, и ребенок Керала будет жить, и раса телепатов обретет новую жизнь и новые силы.

— И это еще не все, — сказал Дэвид, выходя на балкон.

Как ни странно, ему удавалось следить за мыслями Андреа, и она научилась любить его на свой собственный, тайный лад. Возле него были Джейсон, Регис и Линнеа. Дэвид продолжал: — По крайней мере, теперь телепаты здесь не вымрут. Ты уже знаешь, что… как много их, Джейсон?

— Сто один человек, — ответил Джейсон, — я имею в виду женщин Совета Телепатов, которые

забеременели. И, по крайней, мере девятнадцать из них ожидают близнецов, а трое даже тройню. Это гарантирует процветание нового поколения, — он посмотрел на Линнеа, которая, смеясь, взяла Регис за руку. Она теперь была очень близка к родам, но как всегда была прекрасна.

— Мы будем сотрудничать с Империей, — объяснил Регис. — Теперешний Совет. Дарковерцы не могут быть совершенно отрезаны от галактической цивилизации. Мы используем телепатов для связи с космическими кораблями. Теперь мы знаем, что контакт с телепатами будет обнаруживать скрытые способности в тех людях, у которых раньше не замечалось и следа этих способностей. Вероятно, эти способности распространятся с Дарковера по всей известной части Галактики. И те, которые родились с этими способностями, не будут впадать в сумасшествие и в ближайшую пару поколений значительная группа телепатов будет на каждой населенной планете. Мы будем доставлять их сюда, и они будут учиться использовать свои силы, оставаясь при этом душевно здоровыми и счастливыми. А в качестве платы за это мы требуем, чтобы Дарковер всегда оставался таким миром, какой мы знаем и любим и какой нам требуется для нашего духовного и физическо-

го здоровья. Он никогда не должен стать звеном в цепи идентичных миров.

Дэвид прислушался к словно только одному ему слышному голосу и удалился. Линнеа тоже к чему-то прислушалась и сжала руку Региса.

— Мне этого тоже больше не требуется, — сказала она.

Регис опустился возле Андреа.

Она за эти долгие месяцы борьбы сильно постарела. Она работала в лесах и городах, давая точные указания, как сделать почву снова плодородной, какие быстрорастущие деревья сажать, чтобы они были защитой от эрозии, что происходило в самой несложной экологической системе. Но ее изборожденное морщинами лицо было дружеским и мягким. И она снова выглядела, как чири, и пробуждала старую любовь и уважение. Регис спросил: — Что ты теперь будешь делать… — он колебался минуту, потом назвал ее именем чири. Она улыбнулась.

— Я подожду рождения ребенка Керала, потом я для последней пары куэре, которая ко мне обратилась, вернусь назад в лес. И я буду рада успокоиться там, потому что я знаю, если мои собственные Листья упадут, это будет весной и я не смогу жить дальше, чтобы дать новые почки.

Регис взял ее руку и пожал ее. Потом они молча сели и стали смотреть на туман над горами.

Линнеа сказала: — Ты нам много дала…

Андреа улыбнулась: — Теперь деньги больше не нужны мне.

— Я хотел бы, чтобы ты пораньше вернулась сюда, сказал Регис, полный печали.

— Может быть, это произойдет и раньше, — задумчиво ответила Андреа. — Я больше не знаю, где находится мой собственный мир…

— Люди, которые находились у тебя на службе — что они сделают?

— Что они могут сделать? Чтобы схватить мене, они должны выследить меня, а уничтожение планет нелегально. Я думаю, они все же будут следить за мной. Но теперь я хорошо знаю Земную Империю, как она действует, и им трудно будет уничтожать новые миры, Позади нее послышались шаги, на балкон вышел Керал, бледный и прекрасный, за ним следовал Дэвид. Они подошли прямо к Андреа. Керал обернулся и взял из рук Дэвида барахтающийся сверток. Он вложил его в руки Андреа.

Керал произнес:

— Не потому, что ты связана с ним любовью, а потому, что он значит для тебя больше, чем для

кого-либо другого.

Дэвид притянул Керала к себе, и они стояли и смотрели вдаль, на зеленеющий мир. Его мысли кружились вокруг крошечного, такого чужого и прекрасного младенца с рыжим пушком из головке, нового члена новой цепи телепатов с кровью чири. И это был его собственный вклад в возрождение целого мира… С ребенком в руках Керала началась эта развивающаяся последовательность эмоций и опыта. И Дэвид думал о том, что они всегда будут виноваты перед Мелорой и ее ребенком. Андреа откинулась назад. Она закрыла глаза и все же продолжала видеть поросший зеленью мир. Жизнь била из почвы, листья падали с деревьев и в бесконечном цикле возвращались назад; реки, долины, горы пенились от жизни, а за ними поднимались леса Дарковера. Издали до нее доносилась музыка ее народа — падение листьев в лесах, где ее ждали. Время чири прошло и оно никогда не вернется, и они исчезнут, как эти листья. Однако, пока жив Дарковер, они никогда не умрут полностью. Ее память дала Империи новые силы, воспоминания о ее красоте и дар, который перекинул мост между землянами и людьми других планет, дар, который был любовью.

Андреа улыбнулась с закрытыми глазами. Она почувствовала силу жизни и уже расцветающие телепатические способности ребенка в ее руках, она услышала далекую музыку, которая, как ветер в листве, поднялась и замерла, как дуновение воздуха в лесу.

Только когда ребенок Керала обеспокоенно завозился в ее руках, остальные увидели, что Андреа Клоссон, чири, ребенок Желтого Леса, уничтожительница планет и спасительница, вернулась домой только для того, чтобы умереть.

Конец.